

2017, № 2 (24)

МЕТАФИЗИКА

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

МЕТАФИЗИКА

В этом номере:

- Метафизические проблемы социальных процессов
- Уроки российской истории
- Социальные процессы и мораль
- Из наследия прошлого
- Памяти наших коллег

2017, № 2 (24)

МЕТАФИЗИКА

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

2017, № 2 (24)

Основан в 2011 г.

Выходит 4 раза в год

Журнал «Метафизика» является периодическим рецензируемым научным изданием в области математики, механики, астрономии, физики, философских наук, входящим в *список журналов ВАК РФ*

Цель журнала – анализ оснований фундаментальной науки, философии и других разделов мировой культуры, научный обмен и сотрудничество между российскими и зарубежными учеными, публикация результатов научных исследований по широкому кругу актуальных проблем метафизики

Материалы журнала размещаются на платформе РИНЦ Российской научной электронной библиотеки

Индекс журнала в каталоге подписных изданий Агентства «Роспечать» – 80317

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-45948 от 27.07.2011 г.

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Российский университет дружбы народов» (117198, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6)

● **МЕТАФИЗИЧЕСКИЕ
ПРОБЛЕМЫ
СОЦИАЛЬНЫХ
ПРОЦЕССОВ**

● **УРОКИ
РОССИЙСКОЙ
ИСТОРИИ**

● **СОЦИАЛЬНЫЕ
ПРОЦЕССЫ
И МОРАЛЬ**

● **ИЗ НАСЛЕДИЯ
ПРОШЛОГО**

● **ПАМЯТИ НАШИХ
КОЛЛЕГ**

Адрес редакционной коллегии:
Российский университет
дружбы народов,
ул. Миклухо-Маклая, 6,
Москва, Россия, 117198
Сайт: <http://lib.rudn.ru/37>

Подписано в печать 20.04.2017 г.
Дата выхода в свет 30.06.2017 г.

Формат 70×108/16.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 15,05.
Тираж 500 экз. Заказ 666.
Отпечатано в Издательско-полиграфическом комплексе РУДН 115419, г. Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3
Цена свободная

METAFIZIKA

SCIENTIFIC JOURNAL

(Metaphysics)

No. 2 (24), 2017

Founder:
Peoples' Friendship University of Russia

Established in 2011
Appears 4 times a year

Editor-in-Chief:

Yu.S. Vladimirov, D.Sc. (Physics and Mathematics), Professor
at the Faculty of Physics of Lomonosov Moscow State University,
Professor at the Academic-research Institute of Gravitation and Cosmology
of the Peoples' Friendship University of Russia,
Academician of the Russian Academy of Natural Sciences

Editorial Board:

- S.A. Vekshenov*, D.Sc. (Physics and Mathematics),
Professor at the Russian Academy of Education
- P.P. Gaidenko*, D.Sc. (Philosophy), Professor at the Institute of Philosophy
of the Russian Academy of Sciences,
Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences
- A.P. Yefremov*, D.Sc. (Physics and Mathematics),
Professor at the Peoples' Friendship University of Russia,
Academician of the Russian Academy of Natural Sciences
- V.N. Katasonov*, D.Sc. (Philosophy), D.Sc. (Theology), Professor,
Head of the Philosophy Department of Sts Cyril and Methodius'
Church Post-Graduate and Doctoral School
- Archpriest Kirill Kopeikin*, Ph.D. (Physics and Mathematics),
Candidate of Theology, Director of the Scientific-Theological Center
of Interdisciplinary Studies at St. Petersburg State University,
lecturer at the St. Petersburg Orthodox Theological Academy
- V.V. Mironov*, D.Sc. (Philosophy), Professor at the Department of Philosophy
at Lomonosov Moscow State University,
Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences
- V.I. Postovalova*, D.Sc. (Philology), Professor, Chief Research Associate
of the Department of Theoretical and Applied Linguistics at the Institute
of Linguistics of the Russian Academy of Sciences
- A.Yu. Sevalnikov*, D.Sc. (Philosophy), Professor at the Institute of Philosophy
of the Russian Academy of Sciences, Professor at the Chair of Logic
at Moscow State Linguistic University
- V.I. Yurtayev*, D.Sc. (History), Professor at the Peoples' Friendship University
of Russia (Executive Secretary)
- S.V. Bolokhov*, Ph.D. (Physics and Mathematics), Associate Professor
at the Peoples' Friendship University of Russia, Scientific Secretary
of the Russian Gravitational Society (Secretary of the Editorial Board)

ISSN 2224-7580

МЕТАФИЗИКА НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

2017, № 2 (24)

Учредитель:
Российский университет дружбы народов

Основан в 2011 г.
Выходит 4 раза в год

Главный редактор –

Ю.С. Владимиров – доктор физико-математических наук,
профессор физического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова,
профессор Института гравитации и космологии
Российского университета дружбы народов, академик РАЕН

Редакционная коллегия:

С.А. Векишев – доктор физико-математических наук,
профессор Российской академии образования

П.П. Гайдено – доктор философских наук,
профессор Института философии РАН, член-корреспондент РАН

А.П. Ефремов – доктор физико-математических наук,
профессор Российского университета дружбы народов, академик РАЕН

В.Н. Катасонов – доктор философских наук, доктор богословия, профессор,
заведующий кафедрой философии Общецерковной аспирантуры и докторантуры
имени Святых равноапостольных Кирилла и Мефодия

Протоиерей Кирилл Конейкин – кандидат физико-математических наук, кандидат
богословия, директор Научно-богословского центра
междисциплинарных исследований Санкт-Петербургского
государственного университета,

преподаватель Санкт-Петербургской православной духовной академии

В.В. Миронов – доктор философских наук, профессор философского
факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, член-корреспондент РАН

В.И. Постовалова – доктор филологических наук, профессор,
главный научный сотрудник Отдела теоретического
и прикладного языкознания Института языкознания РАН

А.Ю. Севальников – доктор философских наук,
профессор Института философии РАН, профессор кафедры логики
Московского государственного лингвистического университета

В.И. Юртаев – доктор исторических наук, профессор
Российского университета дружбы народов (ответственный секретарь)

С.В. Болотов – кандидат физико-математических наук,
доцент Российского университета дружбы народов,
ученый секретарь Российского гравитационного общества
(секретарь редакционной коллегии)

ISSN 2224-7580

CONTENTS

EDITORIAL NOTE	6
METAPHYSICAL ISSUES IN SOCIAL PROCESSES	
<i>Oleskin A.V., Kurdyumov V.S.</i> Network structures, matrix and chaperones	11
<i>Volkova L.P.</i> Metaphysics of social processes	28
<i>Vladimirova T.E.</i> Russian interpersonal discourse in the social communication system	42
<i>Nurgaliyev I.S.</i> Metaphysics in social sciences and physical kinetics of demography	58
<i>Andreeva O.V., Yurtaev V.I.</i> Social Identity of East and West as a Foundation for Interregional Integration	69
LESSONS OF RUSSIAN HISTORY	
<i>Katasonov V.N.</i> “From the depth (1918)” collection – what it is about and what it is not (Reflections on the book that was not published 99 years ago)	77
<i>Kovriga A.V., Subbotin A.A.</i> The right to know as the imperative of Russia's development	91
<i>Neklessa A.I.</i> Russian horizons	104
SOCIAL PROCESSES AND MORAL	
<i>Vizgin V.P.</i> Historical and scientific commentary on the poem of M.A. Voloshin “Following Cain’s path. The tragedy of material culture”	114
<i>Mikhalkin V.S.</i> To the civilizational origins of the physics course in technical university: metaphysics and spirituality, sacredness and synergy	138
FROM THE LEGACY OF THE PAST	
<i>Schlesinger A.</i> Cycles in American political life	146
<i>Chizhevsky A.L.</i> The world-historical process and cyclical activities of the Sun	154
TO THE MEMORY OF OUR COLLEAGUES	
<i>Melnikov Vitaliy Nikolayevitch (1941–2017)</i>	166
OUR AUTHORS	169

© Metafizika. Authors. Editorial Board.
Editor-in-Chief Yu.S. Vladimirov, 2017
© Peoples' Friendship University of Russia, 2017

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ РЕДАКЦИИ	6
МЕТАФИЗИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ	
<i>Олескин А.В., Курдюмов В.С.</i> Сетевая структура, матрикс и шапероны	11
<i>Волкова Л.П.</i> Метафизика социальных процессов	28
<i>Владимирова Т.Е.</i> Русский межличностный дискурс в системе социальной коммуникации	42
<i>Нургалиев И.С.</i> Метафизика общественных наук и физическая кинетика демографии	58
<i>Андреева О.В., Юртаев В.И.</i> Социальная самоидентификация Востока и Запада как основание интеррегиональной интеграции	69
УРОКИ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ	
<i>Катасонов В.Н.</i> Что есть и чего нет в сборнике «Из глубины (1918)» (Размышления над страницами книги, не вышедшей в свет 99 лет назад)	77
<i>Коврига А.В., Субботин А.А.</i> Право знать – императив развития России	91
<i>Неклесса А.</i> Российские горизонты	104
СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ И МОРАЛЬ	
<i>Визгин В.П.</i> Историко-научный комментарий к поэме М.А. Волошина «Путями Каина. Трагедия материальной культуры»	114
<i>Михалкин В.С.</i> К цивилизационным истокам физического образования технического университета: метафизика и духовность, сакральность и синергия	138
ИЗ НАСЛЕДИЯ ПРОШЛОГО	
<i>Шлезингер А.</i> Циклы политической жизни Америки	146
<i>Чижевский А.Л.</i> Всемирно-исторический процесс и циклическая деятельность Солнца	154
ПАМЯТИ НАШИХ КОЛЛЕГ	
<i>Мельников Виталий Николаевич (1941–2017)</i> (К.А. Бронников, Ю.С. Владимиров, В.Д. Иващук)	166
НАШИ АВТОРЫ	169

ОТ РЕДАКЦИИ

По сложившейся традиции, выпуски нашего журнала тематические. Большая часть номеров журнала посвящена проявлениям метафизических принципов в области естествознания, главным образом в физике. Однако ряд номеров журнала посвящен метафизике гуманитарных разделов науки. Так, 22-й номер журнала (№ 4 за 2016 год) был посвящен проблемам соотношения науки с религией, в 18-м номере журнала (№ 4 за 2015 год) рассматривалась метаистория, 14-й номер журнала (№ 4 за 2014 год) был посвящен метафизическим аспектам образования) и т.д. Как нам представляется, это подтверждает всеобщий характер метафизических принципов и усиливает их значимость в различных научных областях.

Данный номер журнала посвящен проявлениям метафизического принципа процессуальности в социальной сфере. Обсуждение вопросов метафизики в этой сфере в настоящее время представляется актуальным в связи с тем, что в этом году отмечается 100-летие двух революций 1917 года (Февральской и Октябрьской), коренным образом изменивших ход истории нашего государства, и не только его. В многочисленных публикациях, теле- и радиопередачах сейчас активно обсуждаются причины и уроки событий того времени.

С позиций сегодняшнего дня можно взглянуть на те события с позиций метафизических принципов. В ряде прежних публикаций в нашем журнале указывались наиболее существенные метафизические принципы, проявляющиеся в различных сферах мировой культуры. Напомним главные из них.

Во-первых, это **метафизический принцип исходных оснований**. Он состоит в выборе одного из двух подходов к мирозданию: *редукционистского* или *холистического*. Первый из них во главу угла ставит отдельные части, из которых строится целое, а второй исходит из целого, а части представляются лишь как вспомогательные понятия.

Вторым **метафизическим принципом является принцип тринитарности**, выступающий в виде *троичности в редукционистском подходе и триединства – в холистическом подходе*. Можно указать множество проявлений этого принципа в науке, философии и в катафатических частях религиозных учений (в частности, в виде догмата Святой Троицы в христианском учении или триграмм в китайском даосизме).

Назовем также **метафизический принцип фрактальности**, состоящий в проявлении свойств целого в каждой из выделенных из него частей.

Особое значение для тематики данного номера журнала имеет **метафизический принцип процессуальности**. Он веско проявляется в физике, философии (в том числе в диалектическом материализме) и в религии. В частности, в китайском даосизме сам термин «Дао» переводится на русский язык как путь, – в этом учении мироздание рассматривается как единый мировой процесс.

Имеется достаточно оснований полагать, что деформация этих метафизических принципов, в особенности принципа тринитарности, явилась внутренней причиной событий в нашей стране в 1917 и в 1991 годах.

Как и все предыдущие номера, данный выпуск журнала состоит из нескольких разделов.

В **первый раздел** вошли статьи, в которых рассматриваются метафизические аспекты социальных процессов. Так, в статье Т.Е. Владимировой «Русский межличностный дискурс в системе социальной коммуникации» производится метафизический анализ, во-первых, самого понятия межличностного общения, во-вторых, показываются различия общений между людьми в России от принятых в странах Запада и Востока. В-третьих, показано, как отражался в русском языке процесс развития межличностных отношений от далекого прошлого до наших дней.

Т. Е. Владимирова пишет: «Таким образом, межличностный дискурс и бытие человека как целостное единство интенциональной, когнитивно-коммуникативной и аксиологической составляющих разворачиваются под воздействием двух аттракторов. Это, во-первых, знания, ценности и экзистенциальные переживания, накопленные в процессе жизнедеятельности, а во-вторых, – представления об искомом совершенстве. Тем самым в речи и бытии проявляется метафизический принцип целостности, когда прошлое, настоящее и будущее выступают во взаимосвязи, содействии и единстве (*Всё во всём*)».

Примечательно, что в этой статье речь идет именно об отношениях, являющихся ключевым понятием в реляционной метафизической парадигме, берущей начало от работ Г. Лейбница, а в дальнейшем развивавшейся в работах Р. И. Бошковица, Э. Маха и других мыслителей XIX и XX века.

В статье Л. П. Волковой «Метафизика социальных процессов» обращается внимание на соотношение позиций по социальным и метафизическим вопросам Э. Маха и вождя мирового пролетариата В. И. Ленина. Высказанное Лениным резко отрицательное отношение к взглядам Маха с позиций сегодняшнего дня, во-первых, выглядит явно ошибочным, а во-вторых, оказавшим негативное воздействие на развитие отечественной науки (главным образом фундаментальной физики). В статье Волковой также обращается внимание на важность влияния информатики на социальные процессы, и в этой связи рассматриваются идеи об эргосфере, высказанные В. И. Вернадским и Тейяр де Шарденом.

В статье И. С. Нургалиева «Метафизика общественных наук и физическая кинетика демографии» подробно рассмотрены вопросы изменения численности населения Земли в мировом процессе развития человечества. Приводятся конкретные формулы и графики роста народонаселения в прошлом и в ожидаемом будущем.

Необычным вопросам посвящена статья А. В. Олескина и В. С. Курдюмова «Сетевые структуры, матрикс и шапероны», в которой указывается на ряд аналогий в социальной сфере человечества и в мире животных.

Специально обсуждению причин и уроков двух революций 1917 года посвящен **второй раздел** «Уроки российской истории». Он открывается статьей В. Н. Катасонова «Что есть и чего нет в сборнике “Из глубины (1918)”». Об истории и задачах этого сборника Катасонов пишет: «В нем приняли участие представители лучших научных сил тогдашней России: правоведы П. И. Новгородцев, С. А. Котляревский, И. А. Покровский, профессора политэкономии С. Н. Булгаков, П. Б. Струве, философы С. Л. Франк, С. А. Аскольдов, Н. А. Бердяев, Вяч. Иванов, публицисты А. С. Изгоев и В. Н. Муравьев. Однако представить этот сборник публике этим летом после убийства Урицкого и покушения на Ленина, в атмосфере начавшегося большевистского террора не было никакой возможности. В 1921 году весь тираж сборника был арестован большевистской властью, только один экземпляр книги был вывезен Бердяевым за границу, где и был опубликован в 1960-х годах. Тем не менее одна книга хранилась в Спецхране Ленинской (государственной) библиотеки, и в 1970–1980 годах многие интересующиеся русской философией и историей московские интеллигенты имели самиздатовскую ксерокопию этого сборника. В России книга была издана в 1991 году в приложении к журналу “Вопросы философии” (вместе со сборником “Вехи”). В нем авторы этого сборника высказывали свои взгляды на причины и сущность происшедших событий по горячим, следам, т. е. так, как они тогда им представлялись».

Основную позицию авторов этого сборника В. Н. Катасонов сравнивает с позицией тех же авторов в другом сборнике «Вехи». Он отмечает: «В 1909 году примерно тот же состав авторов издал книгу «Вехи». Книга “Вехи” носила подзаголовок “Сборник статей о русской интеллигенции”, в нем авторы анализировали причины и смысл революции 1905 года, указывая на особую вину русской интеллигенции в подготовке трагических событий первой русской революции. Тема русской интеллигенции также одна из главных и в сборнике «Из глубины». Однако неслучайно сборник носит подзаголовок «Сборник статей о русской революции»: подход авторов книги шире и глубже, анализу подвергается роль всех слоев русского общества. Общим знаменателем всех статей сборника является убеждение, что революция 17-го года была не просто социальной и политической революцией. Главный смысл революции лежит глубже, она имела религиозный смысл, она была *восстанием против Бога*».

Заметим, что важную роль религии в социальных процессах отмечали и авторы других статей, в частности, этот вопрос рассматривался и в статье Л.П. Волковой.

На необходимость извлечения уроков из истории нашей страны, в том числе и в последующие после событий 1991-го годы, обращается внимание в ряде других статей этого раздела журнала.

В **третьем разделе** данного журнала во главу угла ставятся вопросы морали в социальных процессах. Это достаточно ярко отражено в статье В. П. Визгина «Историко-научный комментарий к поэме М. А. Волошина “Путями Каина”. Трагедия материальной культуры». Напомним, поэма Волошина также была написана вскоре после революций 1917 года. Современные вопросы образования и духовности рассмотрены в статье В. С. Михалкина «К цивилизационным истокам физического образования технического университета: метафизика и духовность, сакральность и синергия».

Однако в связи с обсуждением уроков революций 1917 года следует обратить внимание и на причины случившегося именно в те годы. Конечно, действовал ряд факторов, в том числе таковыми явились мировая война, разлад в руководящей элите страны и другие обстоятельства. Однако следует иметь в виду и сугубо физический фактор, на который настойчиво указывал Л. И. Чижевский – это солнечная активность. Нам представилось уместным это напомнить. В **рубрике нашего журнала «Из наследия прошлого»** помещены выдержки из книги А. Л. Чижевского «Космический пульс жизни. Земля в объятиях Солнца». На основании анализа многовековой истории Чижевский пришел к выводам: «Количественный анализ материала прежде всего позволил вывести следующие три основных положения:

1. На различных материках Земли, в различных государствах, у различных народов, независимо от того, существуют ли между ними какие-либо взаимодействия, общее количество массовых движений, имеющих историческое значение, то повсеместно и одновременно увеличивается, то повсеместно и одновременно уменьшается, образуя таким образом как бы всемирный цикл исторических событий, массовых явлений.

2. В большинстве столетий этот всемирный цикл исторических явлений повторяется по девять раз. Лишь в эпоху раннего средневековья наблюдается отсутствие от одного до трех таких циклов в столетие. Это обстоятельство находит достаточно веское объяснение в отсутствии точного исторического материала за этот период вследствие резкого упадка исторического знания в первые века нашей эры.

3. На основании рассмотрения большинства столетий необходимо признать, разделив 100 на 9, что каждый всемирно-исторический цикл равен в среднем арифметическом 11,1 года».

История социальных процессов на Земле (а также и развития науки) в XX веке убедительно подтверждает правоту Чижевского. Кратко продемонстрируем это, называя годы максимумов солнечной активности и наиболее значительные события в социальной сфере.

1905–1906 гг. – Первая Русская революция.

1916–1918 гг.– Февральская и Октябрьская революции в России.

1928 г. – мировой финансовый кризис.

1937–1938 гг. – сталинские репрессии в нашей стране; начало Второй мировой войны.

1948 г. – образование Китайской Народной Республики и стран народной демократии.

1956 г. – Суэцкий кризис в Египте и венгерские события.

1968 г. – события в Чехословакии и ввод в Прагу советских войск.

1980 г. – движение «Солидарность» в Польше.

1991 г. – крушение и распад СССР.

Наконец, последний максимум солнечной активности – 2013–2014 гг. – охарактеризовался событиями на Украине и на арабском Востоке. В приведенных выдержках из книги Чижевского указываются характерные черты социальной жизни на четырех этапах: в период солнечной активности, в период спада солнечной активности, в дни минимума активности Солнца и в период подъема солнечной активности. Каждый из них длится 2-3 года.

В этой же рубрике журнала помещена статья американского автора Артура Шлезингера «Циклы политической жизни Америки».

В последних выпусках нашего журнала неизменно **присутствует раздел «Памяти наших коллег»**, в котором публикуются некрологи на ушедших из жизни наших коллег, авторов предыдущих номеров нашего журнала. В этом номере публикуется некролог на доктора физико-математических наук, профессора Виталия Николаевича Мельникова, в течение 29 лет возглавлявшего Российское гравитационное общество.

МЕТАФИЗИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ

СЕТЕВЫЕ СТРУКТУРЫ, МАТРИКС И ШАПЕРОНЫ

А.В. Олескин

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

В.С. Курдюмов

*Институт экономических стратегий (ИНЭС),
АНО «Центр междисциплинарных исследований» (ЦМИ)*

Статья посвящена децентрализованным сетевым структурам с точки зрения их матрикса – комплекса идеологических установок, ценностей, норм поведения, а также неявного знания (например, техник создания программ в сетях IT-специалистов), которое существует на уровне всей структуры и не дано в полном объеме отдельным участникам сети.

Лишенные иерархии сетевые структуры консолидируются с помощью психотехник, ведущих к доминированию общегрупповых целей, творческих процессов и ценностей над индивидуальностями участников сети с применением организационных парадигм, реализованных в биосистемах. Все эти средства воздействия на психику участников сети, включая слой коллективного бессознательного, могут эффективно проводиться усилиями структур-регуляторов – социальных шаперонов.

Ключевые слова: сетевая структура, иерархия, квазирынок, сетевые парадигмы, матрикс, социальные шапероны.

Настоящая статья продолжает серию публикаций о децентрализованных (лишенных единого управляющего центра) кооперативных социальных структурах в применении к различным сферам человеческого общества и к разным задачам/проблемам. Особое внимание данная работа уделяет матриксу сетевой структуры – ее нематериальному объединяющему началу, из-за которого группа индивидов становится «больше суммы своих частей». Статья анализирует пути обращения с сетевыми структурами с точки зрения

наличия их матрикса как дополнительного – и часто более важного – субъекта наряду с теми индивидами, которые входят в состав данной сети. Как заклинание кобр требует искусства факиров, так и работа с матриксами сетей ради их конструктивной работы в разных сферах социума требует участия особых специалистов и, более того, особых организационных структур, которые мы обозначаем как социальные шапероны (по аналогии с молекулярными шаперонами в биологических системах).

Сетевые структуры

Начнем с определения понятия «сетевая структура» (или просто «сеть»). В литературе представлены, по крайней мере, две разные точки зрения.

Если мы возьмем работы многих исследователей современности, особенно тех, кто выступает под флагом современной «сетевой науки» (network science), то в большинстве случаев они определяют сети как любые системы из элементов (вершин или узлов) со связями между ними, которые обозначаются как ребра (дуги) [1]. Данное широкое определение принимается многими учеными во всем мире. Понятие «сетевые структуры» в такой интерпретации применялось к разнообразным типам систем [1–8].

Однако в настоящей работе мы преимущественно используем иное, более узкое определение понятия «сетевая структура», которое применялось примерно с 1980-х годов в литературе, в основном посвященной наукам о человеке и обществе [9–15]. В соответствии с ней далеко не все системы из соединенных связями элементов следует именовать «сетевыми структурами». В сети должен отсутствовать единый центр (лидер, доминант), и ее поведение является результатом кооперативных взаимодействий между элементами (узлами), среди которых могут быть несколько частичных лидеров с ограниченным воздействием на систему. Следует отметить, что всемирная паутина (World Wide Web) устроена во многом именно по данному организационному принципу.

Опираясь на ряд классических работ и публикаций последних десятилетий [9–17], мы будем сопоставлять сетевые структуры с:

- *иерархическими (вертикальными) структурами*, которые имеют единый управляющий центр (пейсмейкер). В мире биосистем и в человеческом обществе иерархические структуры основаны на отношениях доминирования-подчинения (субординации) между элементами с более высокими и более низкими рангами, в отличие от сетевых структур, в основе которых лежит тенденция к уравниванию рангов и кооперация. Что касается человеческого социума, то иерархические структуры типичны для традиционных обществ (скажем, для отношений между сеньорами и вассалами в эпоху феодализма), а также для бюрократий, по образцу которых строятся и многие современные политические, культурные, научные институты;

- *квазирыночными структурами*¹, в которых конкуренция между элементами преобладает над кооперацией между ними. В основе рыночных систем заложены автономия элементов, обмен на эквивалентной основе и конкурентные отношения. Аналогично рыночным структурам человеческого общества многие животные, в том числе рыбы, насекомые, ракообразные и др., формируют так называемые «анонимные стаи», «скопления», где они продолжают в большой мере вести себя независимо и скорее конкурируют, чем кооперируют друг с другом. Так, насекомые типа луговых кобылок формируют огромные анонимные стаи, известные как саранча. Помимо конкуренции квазирынки в биосистемах могут включать в себя аналоги цепочек контрактов, сделок между поставщиками, перекупщиками, потребителями – так называемые метаболические цепи.

Как отмечалось в предшествующих авторских работах, сетевые структуры применяются в социуме с различными целями.

В опубликованных работах авторов [18–21] было показано, что децентрализованные сетевые структуры способствуют креативной работе всех участников с созданием инноваций; психологическому объединению участников вокруг единой творческой задачи, решаемой в квазиобщинном режиме (включая игротехники, мозговой штурм и др.); снятием или, по крайней мере, смягчением конфликтов внутри структуры и между ней и внешними структурами социума; успешной переработке колоссальных объемов информации для создания компетентных решений проблем и рекомендаций к их имплементации.

В научном поиске их создание в форме сетевых творческих лабораторий способствует междисциплинарному мышлению, интегральному решению характерных для современности нечётких (fuzzy) задач (борьба с Эболой, обуздание терроризма, регулирование последствий генноинженерных разработок, проблемы биоэтики и экологии и др.). В сфере образования интерактивные сетевые сценарии обучения студентов/школьников ведут, по многочисленным данным, к высокой мотивации учащихся и «буму отличников».

В экономике сети сглаживают эксплуататорский стиль управления капитализма, создавая нерыночные, основанные на долговременном доверии сценарии межфирменных альянсов, внутрифирменных сетей, кооперативов; при этом сети способствуют квазисоциалистическому экономическому укладу с обобществлением средств производства и правом работников принимать ответственные бизнес-решения.

В политике речь идёт о создании мощных сетевых структур из квалифицированных кадров интеллигенции (учёных, педагогов, экспертов, философов, богословов) в рамках независимого от правящих кругов гражданского общества, способных реально влиять на политический курс страны и её

¹ Приставка «квази» возникает, когда мы применяем эту классификацию к биосистемам, техническим системам или тем фазам в развитии человеческого общества, когда рынка как такового нет, но аналогичные конкурентные отношения реализуются.

долговременную идеологию и мировоззрение, с переходом к меритократическому политическому устройству социума.

Матрикс

В отсутствие центрального управляющего звена перед сетевыми структурами любой природы (технические, биологические, социальные) встает проблема координации действий ее звеньев (узлов). Важную координирующую роль в отсутствие лидера (босса) играет *матрикс* (матрица) сети, который может иметь как материальное (всякого рода коллективные сооружения), так и нематериальное (объединяющие нормы поведения, идеи) воплощение. Если клеточные сетевые структуры в мире живого базируются на матриксе как межклеточном биополимерном материале, децентрализованные не-иерархические структуры животных (например, альянсы самцов дельфинов) – на совокупности конвенций, регламентирующих их общение, то в фундаменте сетевой структуры в человеческом социуме лежит сложный комплекс идей и ценностей. Это объединяющие всех индивидуальных и коллективных членов сети цели и представления о путях их достижения, общие морально-этические нормы и правила делового общения, а также всякого рода коллективное неявное знание (например, навыки работы с компьютерными программами в сетевых структурах компьютерных специалистов).

В социальных структурах животных есть условнорефлекторный фонд. В частности, такой фонд есть в сетевых по структуре стаях рыб: «...объединение особей, обладающих своим собственным набором приобретенных навыков, приводит к образованию условнорефлекторного фонда стаи, который в силу хорошо развитой у рыб имитационной способности становится доступным всем её членам» [22. С. 111]. В общесистемном плане можно утверждать: в сетевой структуре присутствует информация, которая не заложена ни в каком из её элементов по отдельности. Так, «индивидуальные единицы не имеют полной информации о своем положении в целой структуре, и структура, которую они создают, приобретает форму, выходящую далеко за пределы индивидуальных форм» [23. Р. 5].

Слова о матриксе в смысле «объединяющего начала» в сети имеют важный ракурс, связанный с самоидентификацией группы элементов (индивидов) – членов сети – с этой сетью. «Самоидентификация... означает осознание символичности своего бытия...» [24]. В роли символа в рассматриваемом случае и выступает матрикс сети. Он формируется в сетях в человеческом социуме и в биосоциальных системах животных как система неких стандартов, под которые каждый из элементов сети должен подстраиваться в своём поведении.

В связи с метафорическим истолкованием термина «матрикс» в этом разделе (и последующем тексте) предпримем краткий философский экскурс и остановимся на понятии самореферентность (self-reference), использован-

ном в работах современных сторонников философии «радикального конструктивизма» (Э. фон Глазерсфельд, Г. Рот и др.), а также в трудах В. А. Лефевра [25]. В приложении как к биосистемам, так и к различным системам в человеческом социуме, термин «самореферентность» означает, что развитие системы не подконтрольно никакой внешней инстанции. Развиваясь, самореферентная система сверяет каждый шаг с вложенными в неё внутренними стандартами (матриksom в нашем понимании), к которым реальная система должна максимально приблизиться, по принципу постоянно действующей обратной связи. В клеточных (в том числе микробных) системах речь идёт о том, что А. Г. Гурвич именовал «динамически предсуществующей морфой» – геометрической фигурой, к которой форма реального агрегата клеток или колонии стремится приблизиться (так, клетки цветоложа стремятся сформировать параболическую структуру [26]). В социуме сетевые структуры реализуют ту или иную вложенную в каждого из членов сети миссию, например реализацию идеи исламского государства от Марокко до Филиппин (в случае сетевых структур мусульманских фундаменталистов).

Парадигмы сетевой организации: роль матрикса

В дальнейшем тексте рассмотрим вдохновленные живой природой организационные сценарии (парадигмы) децентрализованных сетевых структур, которые пригодны для создания сетевых структур в человеческом социуме с разнообразными целями, включая группы для решения нечетких творческих задач (в том числе методом мозгового штурма), команды учащихся в рамках метода интерактивного образования, малые сетевые бизнес-предприятия, психотерапевтические группы, политические объединения и ассоциации гражданского общества.

Особенно многообещающими в этом плане представляются семь парадигм, соответствующих лишенным иерархии структурам, формируемым живыми организмами – от бактерий до шимпанзе. Речь идет о клеточной («микробной»), модульной («кишечнополостной»), ризомной («грибной»), эквипотенциальной («рыбной»), эусоциальной («муравьиной»), нейронной и эгалитарной («обезьяньей») парадигмах сетевой организации. Эти парадигмы как таковые подробнее описаны в других работах [18–21]. Интерес представляют также творческие модификации и комбинации изобретенных живой природой парадигм.

1. *Клеточная парадигма: принцип слияния индивидов.* Децентрализованные сетевые структуры формируются различными типами клеток – как свободноживущими (микроорганизмами), так и находящимися в составе тканей многоклеточных организмов. В отсутствие лидеров, координация поведения отдельных клеток в интересах работы всей сети во многом обеспечивается контактами между клетками, которые могут представлять собой цитоплазматические мостики (плазмодесмы) или участки слияния наружных

оболочек клеток, а также дистантными (охватывающими всю структуру в целом) химическими коммуникационными сигналами. Матрикс сети из клеток – материальная структура из биополимеров (полисахариды, белки, внеклеточные нити ДНК и др.), цементирующая клетки одной колонии, биопленки или ткани (см. обзоры: [27, 28]).

Сетевая организация биосистем интересна не только сама по себе, но и в контексте ее приложимости к креативным сетевым структурам в человеческом обществе. Аналогом единой биопленки со спланированными индивидуальными клетками контактными и дистантными факторами коммуникации, а также матриксом выступает структура из человеческих индивидов, спаянная едиными идеями, ценностями, нормами поведения, которые в совокупности аналогичны матриксу биопленки.

Экстраполяция клеточной парадигмы на человеческий социум означает консолидацию лишенной иерархии творческой группы людей с помощью психотехник, ведущих к доминированию общегрупповых целей, творческих процессов и ценностей над индивидуальностями участников группы. В публицистических статьях выдающегося ученого (микробиолога) С.Н. Виноградского [29] по поводу социалистических общин отмечалось, что «только идея не от мира сего... может спаять людские души в одну, лишить их всяких эгоистичных устремлений». Как внешние оболочки бактериальных клеток в биопленке сливаются с формированием матрикса, так в прочно спаянной сети границы между индивидами теряют свою четкость, члены сети становятся психологически похожими друг на друга. Происходит отмеченное в свое время В.В. Налимовым в рамках трансперсональной психологии «слияние личностей».

Частичное, временное «слияние личностей»² может иметь место при решении задач методом мозгового штурма, когда применяются психотехники, основанные на «выпячивании» общегрупповых ценностей и символов единства группы, с которыми идентифицируют себя члены группы. Таким общегрупповым символом может быть, скажем, то или иное животное, что напоминает о вере многих первобытных общин людей в тотемы. Консолидация группы дополнительно усиливается техниками, апеллирующими к эволюционно-древним биологическим тенденциям поведения и потребностям людей. С древних времен известно, что единству группы (в том числе неиерархической, сетевой) способствуют коллективные трапезы. Поэтому рекомендуется сопровождать или завершать сессию мозгового штурма социальным завтраком, обедом или вечеринкой для всей группы. Все подобные психотехники ведут к координации поведения участников, синхронизации их индивидуальных ритмов активности даже в отсутствие центрального лидера (пейсмейкера).

² «Слияние – это действие иллюзии, содержащей в себе отказ от различий и непохожести и характеризующейся отсутствием дифференцирования себя и других, невозможностью определить, где кончается Я человека и начинается Я другого» [30. С. 51].

Обращение к клеточной парадигме при создании сетевых структур в социуме фактически означает подчеркивание принадлежности каждого участника сети к наиндивидуальной структуре матрикса, выступающего как своего рода «ментальный конденсат», порождаемый мыслями и эмоциями людей и обретающего самостоятельное бытие.

2. *Модульная парадигма: создание креативного напряжения между конкуренцией индивидов и их взаимосвязью на базе единого проекта.* Модульная парадигма реализуется в биосистемах, построенных из повторяющихся структурных единиц (модулей); они также отличаются преобладанием плоской (безлидерной) сетевой организации. Пример представляют колониальные кишечнополостные, чье тело состоит из связанных между собой единым стеблем (ценосарком) зооидов – полипов или медуз; аналогично организованы и колониальные мшанки. Модульная парадигма характеризуется существенной ролью контактных взаимодействий элементов структуры (зооидов). Кооперативное взаимодействие элементов в составе сетевого модульного организма обеспечивается взаимодействием двух факторов: 1) структурной связи индивидов в масштабе целой структуры и 2) поведения каждого индивида, зависящего от локальных факторов [31]. Каждый полип, совершая те или иные действия (например, сжимаясь и создавая ток жидкости) слабо воздействует на целую систему, но его эффект усиливается, если поведение этого полипа соответствует поведению большинства остальных полипов в системе.

В отличие от клеточной парадигмы (см. выше), при модульной парадигме в большей степени сохраняется индивидуальность каждого элемента (модуля), хотя они и связаны единым ценосарком (в социуме – единой идеологией). Соответственно, элементы сети (члены сетевой структуры в социуме) в известной мере способны конкурировать между собой. Во время творческой работы, скажем, сетевой лаборатории наблюдается соревнование между ее членами, которые различаются по своим индивидуальным ритмам работы. Это соревнование ведет к конструктивным результатам на уровне всей сетевой лаборатории за счет срабатывания принципа, сформулированного в применении к колониальным кишечнополостным Н.Н. Марфениным [31]: «Если в момент сжатия пульсара, то есть совершающего периодические сжатия и растяжения полипа (Прим. – *Авт.*) в него поступает мощное течение... со стороны других пульсаров, также испытывающих сокращение в это же время, то побеждает группа консолидированных пульсаров, а у остальных происходит задержка собственного сжатия, после которой происходит сдвиг фазы пульсаций».

При всякого рода творческой работе в децентрализованном сетевом режиме (включая сценарий мозгового штурма) модульная парадигма означает создание самопротиворечивой, способствующей креативному стрессу ситуации, когда узлы сети (участники) конкурируют между собой и в то же время совместно двигаются к решению общесетевой задачи и все отстаивают общесетевые ценности – нематериальный аналог объединяющего поли-

пы и медузы ценосарка. Этот нематериальный «матрикс» можно материализовать, заставив всех участников творческой сессии, несмотря на соревнование между ними, постоянно держать друг друга за руки или всех держаться за один и тот же трос или канат (вместо ценосарка). Поскольку «любое эмоциональное состояние отпечатывается на матрицах нервно-мышечной системы» [30], мышечное напряжение при удерживании руки или каната способствует ограничению конкурентной установки более сильной кооперативной – в рамках всей децентрализованной творческой сетевой структуры.

3. *Ризомная парадигма сетевой организации: взаимопереходы независимой творческой работы индивидов (или их групп) и их креативного слияния.* Эта парадигма характерна для мицелиальных грибов и корневищ некоторых растений и названа «в честь» выдвинутой Ж. Делзом и Ф. Гваттари [32] философской концепции ризомы как системы, которая не имеет ни начала, ни конца, ни центра, ни центрирующего принципа. В отличие от модульной парадигмы здесь нет разграничения собственно модулей (полипов или медуз у кишечнополостных) и стволов, которые их связывают в целую колонию. В мицелии гриба, например, есть только эти «стволы» – нити (гифы) как однотипные элементы всей грибницы (мицелия), на которых могут развиваться органы целой системы (ризоиды, плодовые тела и др.). Достаточно многие виды грибов имеют взаимопереходы между мицелием и дрожжеподобным ростом, когда вместо нитей есть отдельные клетки типа дрожжевых. Если гриб образует мицелий, клетки в составе гиф могут сохранять известную самостоятельность (быть отделенными неполными перегородками друг от друга) или представлять единую массу гифы.

Ризомная парадигма может вдохновлять создателей динамичных, меняющих конфигурацию, сетевых альянсов, например из коммерческих предприятий. Взаимопереход *дрожжеподобный рост (отдельные клетки) – мицелий (клетки связаны в нити)* соответствует взаимопереходу между группой самостоятельных агентов с чисто контрактным взаимодействием и спаянной единым проектом сетевой структурой, где контракты уступают место работе всех сотрудников в режиме проектной команды, невзирая на бюрократические барьеры между фирмами. Речь идет о временных союзах индивидов или групп, готовых объединиться для выполнения определенного проекта. По завершении проекта агенты прекращают свое сетевое сотрудничество (напоминая переход от интегрированного грибного мицелия к обособленным дрожжевым клеткам), чтобы сформировать иные временные объединения. Динамичные сети распространены, например, в индустрии мод. В этой ситуации сетевые отношения между агентами (фирмами) не являются ни стабильными, ни долговременными.

Каждая нить (гифа) в мицелии гриба есть линейная структура, отдельные зоны в которой (отдельные клетки в мицелии с перегородками) взаимодействуют каждый лишь с двумя соседями. Это отвечает в бизнесе так называемым вертикальным связям строго по линии *поставщик – производитель – оптовый дилер – розничный торговец – клиент*. Но между гифами

бывают и слияния (анастомозы). «Рост гиф происходит на их вершинах (аналогами которых в социуме выступают частичные ситуационные лидеры сетей. – *Прим. авт.*), но могут образовываться разветвления и, соответственно, новые вершины (новые частичные лидеры. – *Прим. авт.*) на боковых стенках гиф. Гифы могут расти навстречу друг другу и сливаться (что соответствует объединению сетей в социуме в более крупные суперсети. – *Прим. авт.*)» ([33. S. 4]; с авторскими примечаниями). Разветвление гиф и слияние их с соседями соответствуют установлению сетевых связей вопреки вертикальной производственной цепочке, например, между поставщиками и дилерами (минуя производителя) или горизонтально, между несколькими поставщиками или дилерами. Формирование прямых горизонтальных связей в рамках сетевого альянса производителей с поставщиками и дилерами обуславливает быстрое реагирование на запросы клиентов, особенно при оформлении продукции в соответствии с их индивидуальными вкусами.

Ризомная парадигма наглядно демонстрирует мерцающий характер сетевой структуры – дуализм, напоминающий корпускулярно-волновой дуализм в квантовой физике, за счет постоянных взаимопереходов между режимами независимого существования элементов (с их конкуренцией) и их соединения в сеть, по аналогии со взаимопереходом *дрожжеподобный рост – мицелиальный рост*. Представима творческая работа команды над многоэтапной задачей при чередовании двух режимов: 1) независимого решения этапов задачи каждым участником команды (или каждой подгруппой) с соревнованием полученных решений и 2) функционирования спаянной сети, охватывающей команду в целом.

4. *Эквипотенциальная парадигма: параллельное функционирование однородных элементов в рамках одного проекта.* Структуры, построенные в соответствии с этой парадигмой, отличаются совершенно плоским (безлидерным) характером. Примерами служат стаи многих рыб или морских беспозвоночных (иглокожих, головоногих моллюсков), а также некоторых птиц и китообразных, включая дельфинов. В отсутствие лидера первой в движущейся стае плывет случайная особь, вскоре сменяемая другой особью. Функционирование такой сети во многом определяется взаимодействием между соседями, при котором информация в виде зрительных или механических (течение воды, воспринимаемое боковой линией рыб) сигналов передается по эстафете. Эстафетная передача сигналов позволяет стае совершать сложные координированные маневры, например, двигаться «строеном», рассыпаться при приближении хищника или формировать серповидную структуру, зажимая стаю более мелких рыб-жертв между рогами этого «полумесяца». Есть данные, что в пределах одной стаи и тем более одного малого сегмента стаи предпочтительно собираются и держатся вместе рыбы, напоминающие друг друга по индивидуальным параметрам, таким как длина тела, степень тенденции к стайному поведению, окраска [22, 34].

Поскольку в настоящей работе уделено серьезное внимание стимулированию группового творчества в сетевом децентрализованном режиме,

очертим здесь перспективы креативного применения эквипотенциальной («рыбной») парадигмы. В сетевых творческих командах в этом случае нет специализированных частичных лидеров, в отличие от других типов сетевых структур, например, так называемой хирамы [18, 20, 22]. Нет членения всей задачи сети на субпроблемы. Все члены сети параллельно работают над одними и теми же этапами решения одной и той же проблемы. Они акцентируют не свои различия, а, наоборот, межиндивидуальное сходство, даже «одинаковость» (подобно стремлению рыб в одной стае к идентичному поведению, к одинаковым вкусовым предпочтениям и др. – при нивелировании индивидуальных различий). Каков позитивный эффект параллельной совместной деятельности одинаковых элементов?

Во-первых, дублирование одних и тех же операций на многих элементах многократно повышает надежность и помехоустойчивость всей работы.

Во-вторых, по мере повышения числа параллельно работающих элементов (участников сети или их малых подгрупп в ее составе) синергетически возрастает мощность всего коллективного процессора информации. Это возрастание мощности дополнительно усиливается при применении психотехник, направленных на частичное слияние личностей, формирование единого мыслительного поля для всей сети.

Целостность стаи рыб подчеркивается ее четким геометрическим очертанием. Ходовая стая рыб нередко принимает ромбообразную форму; стоящая на месте – форму бублика (тора), стая хищных рыб – форму полумесяца с зажатием стаи рыб-жертв между его рогами и др. Аналогично созданная из человеческих индивидов или их групп креативная сеть также могла бы характеризоваться четким геометрическим образом. Например, все члены сети могли бы взяться за руки и образовать во время сессии мозгового штурма или ролевой игры тот же бублик или ромб. Вопреки морали известной басни Крылова («А вы, друзья, как ни садитесь, все в музыканты не годитесь...») в психологии множатся данные о влиянии геометрических характеристик образа целой группы на протекающие с ней процессы коллективного творчества.

5. Эусоциальная парадигма: малые иерархические команды и пул неспециализированных участников. Структуры общественных насекомых – пчёл, ос, муравьёв, термитов – описывают во многих литературных источниках в рамках эусоциальной парадигмы (хотя есть попытки применения и иных парадигм, в частности модульной, см. [18]). К сущностным характеристикам этой парадигмы относится функциональная дифференциация элементов сети – индивидов и их групп, в частности, наличие нескольких каст особей, только одна из которых специализируется на размножении (таковы репродуктивные особи – царицы (матки), трутни – и не участвующие в размножении рабочие особи у муравьёв, пчёл, ос, термитов, выполняющие функции в сфере обслуживания). А. А. Захаров [35] говорит о «нескольких каналах постоянной специализации взрослых особей».

В эусоциальных структурах общественных насекомых, в частности муравьев, есть «рабочие команды» (кланы), возглавляемые ситуационными лидерами и выполняющие задачи типа рытья почвы или сбора выделений тлей [36]. Однако лидеры кланов выступают как частичные лидеры в рамках децентрализованной структуры более высокого порядка (колонны, плеяды)³. Помимо временных «команд» рабочие особи образуют также постоянные группировки по специальностям [37]. Иерархические отношения имеются и между такими разными функциональными группами в муравейнике: внегнездовые рабочие (фуражиры, разведчики и др.) имеют более высокий социальный ранг, «престиж», чем внутригнездовые рабочие.

Обращает на себя внимание также наличие в составе социума насекомых, в частности муравьев, неспециализированных, не задействованных рабочими командами особей. Такой пул неспециализированных и часто малоактивных особей [38] представляет резерв колонии и может быть мобилизован для решения особо важных задач.

В случае создания креативных сетевых децентрализованных команд для творческого решения тех или иных коллективных задач принятие эусоциальной парадигмы означает, что специализированные частичные лидеры и подчиненные им в рамках малых временных иерархических субкоманд помощники-эксперты взаимодействуют с неспециализированными членами сети, которые во многих сетях численно преобладают; сходный принцип специализированного меньшинства и поддерживающего неспециализированного большинства характерен для многих клубов по интересам.

6. Нейронная парадигма: ассоциативность и самообучаемость структуры в процессе творческой работы. Данный вариант сетевой организации, как показывает само название, присущ системам, содержащим нейроны (нервные клетки), то есть структурам нервной системы, в особенности мозгу. В технических устройствах эффективно работают их аналоги (искусственные нейронные сети), такие как перцептрон, сеть Хопфилда, слой Кохонена и др. Все эти структуры сочетают в себе сетевой и иерархический принципы⁴ и обладают рядом общих свойств, в том числе:

- Нейронные сети способны к коллективной переработке информации и принятию решений, а также к обучению.
- Нейронные сети характеризуются параллельной обработкой информации в разных элементах сети; параллельная обработка информации

³ Колонна и плеяда у муравьев соответствуют одному одно- или многосекционному муравейнику.

⁴ Иерархический стиль находит отражение, например, в разработанном русским психологом А. Ухтомским принципе доминанты, соответствующем «преобладающей (доминирующей) системе связанных между собой нервных центров, временно определяющих характер ответной реакции организма на любые внешние или внутренние раздражители» [39. С. 182]. Однако здесь иерархический принцип переплетен с сетевым – речь идет о доминировании одной из нервных сетей, обслуживающих преобладающую в данный момент потребность, мотивацию, эмоциональное состояние организма над всеми остальными сетями.

дополняется множественными связями между нейронами как каждого слоя, так и между слоями нейронов.

- Нейронные сети отличаются ассоциативностью (нейронная сеть восстанавливает целый образ предмета по его фрагментам). В искусственных нейронных сетях данная способность используется для распознавания различных объектов, например танков противника в современных технологизированных войнах.

- Нейронным сетям присуща адаптивность: сеть может видоизменить свою структуру, адаптируя ее к решению конкретной задачи.

- Сети характеризуются высокой надежностью: выход из строя части элементов не прерывает работы сети благодаря дублирующим связям между элементами.

Функционирование нейронной сети можно проиллюстрировать воображаемой бизнес-структурой данного организационного типа. Опираясь на вполне реальные примеры из жизни мировой автомобильной промышленности, пусть наша нейронная сеть посвящает себя творческой задаче *Разработка и внедрение новых дизайнов крышек для капотов автомобиля ВАЗ*. В соответствии с организационными принципами нейронной сети все участники данной сетевой бизнес-структуры (все «нейроны») дробятся на три слоя:

- *Входной слой*: сбор информации о существующих вариантах дизайна капотов, их достоинствах и недостатках.

- *Скрытый слой*: обобщает полученную информацию и готовит варианты новых дизайнов.

- *Выходной слой*: сравнительно мало участников, которые принимают окончательное решение на базе докладов представителей скрытого слоя.

Это решение далее внедряется (для облегчения этого процесса организуются обратные связи от выходного слоя к входному и скрытому, по принципу рекуррентных сетей Хопфилда).

7. *Эгалитарная парадигма – минимизация общего «мыслительного поля» при подчеркивании индивидуальности каждого элемента сети* – характерна для некоторых приматов (шимпанзе, бонобо, некоторые капуцины и др.) и основана на принципах [40; 41] приоритета свободы индивидов, уважения к высокоранговым членам сети без их монопольного доминирования, создания рыхлых связей между членами сети (так, шимпанзе образует *fission-fusion groups* – соединяющиеся – распадающиеся группы).

Отметим, что по сходным принципам были организованы многие первобытные общности охотников-собирателей. Не приравнивая организацию биосоциальных систем приматов и структур в человеческом обществе, мы все же должны отметить известное сходство сетей научных энтузиастов с эгалитарными структурами человекообразных обезьян в следующих отношениях:

Уважение свободы индивидов. Каждый ученый (или каждая группа ученых в случае коллективного членства в сетевой структуре) волен заниматься своей индивидуальной тематикой и разрабатывать собственные концепции; эту свободу сетевая структура ограничивает лишь временными, частными обязательствами, обусловленными совместными проектами, публикациями, конференциями.

Известная степень иерархичности, связанная с признанием заслуг и научных степеней/званий отдельных членов сетевой структуры (наподобие высокоранговых «сереброспинных самцов» в группах горилл); однако все это не дает никому из членов сети права на централизованное лидерство, доминирование.

Рыхлые связи между узлами сети, право индивидов или групп свободно вступать в сеть или покидать ее (по аналогии с fission-fusion groups, например, у шимпанзе).

Аналогичные «шимпанзинные» принципы можно реализовать в сетевых структурах, состоящих из немногих индивидов – крупных бизнесменов, академиков, политиков и призванных решать важнейшие экономические, научные или политические проблемы.

Структуры-регуляторы: шапероны

Развитие децентрализованной сетевой структуры представляет собой парадоксальный, самопротиворечивый процесс. С одной стороны, сетевая структура – в социуме, живой природе, технических информационных системах или где-либо еще (звезды, галактики, кристаллы...) имеет направляющего ее эволюцию безликого мнимого лидера – матрикс. В этой мере структура развивается путем внутренней самоорганизации («сама по себе»). Самоорганизация существует уже на молекулярном уровне; так, очищенный денатурированный (то есть лишенный функциональной конформации) фермент рибонуклеаза самопроизвольно восстанавливает свою конформацию, укладываясь так, чтобы получился нормально функционирующий фермент. Однако спонтанная самоорганизация имеет свои пределы, за которыми возникает необходимость корректирующего воздействия извне. Для многих молекулярно-биологических систем характерны *шапероны* – молекулы, которые регулируют сборку, укладку и последующее стабильное функционирование других биомолекул.

Несмотря на не-иерархичность сетевых структур и отсутствие возможности директивного управления ими, в социуме могут существовать аналогичные биологическим шаперонам структуры, которые могут мягко направлять развитие сетевых структур в желательном для социума направлении, выполняя следующие основные задачи [21, 42]:

- *Стимулирование развития и распространения децентрализованных сетевых структур* во всех сферах социума, где они целесообразны, при

ограничении и подавлении потенциально вредоносных сетей коррупции, криминалитета, терроризма, фундаментализма и др.

- *Привлечение внимания разработчиков сетевых структур в разных сферах социума к их организационной многовариантности, разработка и внедрение эффективных психотехник стимуляции креативности сетей, вплоть до слияния их членов в лоне единого матрикса.* С этой точки зрения, важен организационный плюрализм сетевых структур в живой природе, что выражается в наличии не менее семи сетевых парадигм, которые рассмотрены выше.

- *Посредничество при контактах между сетевыми и несетевыми структурами и вообще структурами различных типов* (по линиям иерархии – (квази)рынки, иерархии – сети, (квази)рынки – сети) или в некоторых случаях между структурами одного и того же типа, скажем, между несколькими сетевыми структурами.

- *Экспертиза и мониторинг уже существующих сетевых структур с точки зрения их контента* – целей, норм и др. Именно социальные шапероны могли бы взять на себя миссию стимуляции сетей миротворческой, экологической, оздоровляющей, гуманитарной направленности.

- *Мягкое регулирование умонастроений и чаяний масс людей.* Шаперонные структуры с виртуальной компонентой уже показали свою эффективность в плане создания или, наоборот, подавления тех или иных ожиданий и стремлений в массах людей.

Социальные шапероны по своей организации и целевым задачам близки к экспертным сетям и современным фабрикам мысли. Шапероны сами могут быть построены как децентрализованные сетевые структуры, отвечающие за стимулирование и медиирование деятельности других сетевых структур различного профиля.

Как явствует из всего текста, настоящая работа посвящена прояснению научного смысла междисциплинарных категорий, таких как сети, матрикс и шапероны. Все эти категории имеют свои важные реализации в разнообразных типах сложных децентрализованных систем, включая живые организмы и их сообщества, человеческий социум, информационные технические системы.

В этой связи в завершение работы нельзя не обратить внимание на такое характерное свойство сетевых структур, как их фрактальность (см. [18; 20] и другие авторские работы), или автомодельность (самоподобие). Часть сети также является сетью, состоящей из еще более мелких сетей. Фрактальность сетевых структур позволяет нам совместно рассматривать процессы на микро-, мезо- и макроуровнях социальных сетей. Непосредственно организационные модели и особенно биологические парадигмы были рассмотрены нами в тексте в основном на социальном микроуровне – уровне децентрализованных творческих команд, для которых прямо применимы инновационные психотехники группового творчества. Однако авторы убеждены, что аналогичные организационные парадигмы работоспособны и

на более высоких уровнях – вплоть до крупных предприятий и аппаратов целых государств в рамках самой глобальной децентрализованной сетевой структуры, которую представляет все человечество в его взаимодействии с биосферой планеты Земля.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Newman M.E.J.* Networks: an introduction. – Oxford, New York, Auckland: Oxford University Press, 2012. – 772 p.
2. *Freeman L.C.* Centrality in social networks. Conceptual clarification // *Social Networks*. – 1979. – V. 1. – P. 215–239.
3. *Scott J.* Social Network Analysis: A Handbook. Second Edition. – London: Sage, 2000.
4. *Barabási A.-L.* Linked: The New Science of Networks. – New York: Perseus, 2002.
5. *Newman M.E.J.* The structure and function of complex networks // *SIAM Review*. – 2003. – V. 45. – P. 167–256.
6. *Newman M.E.J., Barabási A.-L., Watts D.J.* The structure and dynamics of networks. – Princeton, NJ: Princeton University Press, 2006. – 582 p.
7. *Almaas E., Vázquez A., Barabási A.-L.* Scale-free networks in biology // *Biological Networks. Complex Systems and Interdisciplinary Science*. – Vol. 3: Singapore, Hackensack (NJ), London: World Scientific Publishing Co. Pte. Ltd., 2007. – P. 1–21.
8. *Wey T., Blumstein D.T., Shen W., Jordán F.* Social network analysis of animal behaviour: a promising tool for the study of sociality // *Animal Behaviour*. – 2008. – V. 75. – P. 333–344.
9. *Thorelli H. B.* Networks: between markets and hierarchies // *Strategic Management Journal*. – 1986. – V. 7. – P. 37–51.
10. *Powell W. M.* Neither market nor hierarchy: network forms of organization // *Res. Organizational Behavior*. – 1990. – V. 12. – P. 295–336.
11. *Castells M.* The Rise of the Network Society. The Information Age: Economy, Society and Culture. – Vol. I. Cambridge, MA; Oxford, UK: Blackwell. 1996.
12. *Castells M.* Informationalism, networks, and the network society: a theoretical blueprint // *The Network Society: a Cross-Cultural Perspective* / M. Castells, ed. Northampton, MA: Edward Elgar. – 2004. – P. 3–45.
13. *Börzel T.* Organizing Babylon – on the different conceptions of policy networks // *Public Administration*. – 1998. – V. 76. – P. 253–273.
14. *Meulemann L.* Public Management and the Metagovernance of Hierarchies, Networks and Markets. – Heidelberg: Physica-Verlag, 2008. – 399 p.
15. *Kahler M.* Networked policies: agencies, power and governance // *Networked Politics: Agency, Power, and Governance* / M. Kahler, Ed. San Diego: Univ. California. – 2009. – P. 1–20.
16. *Чучкевич М. М.* Основы управления сетевыми организациями. – М.: Институт социологии РАН, 1999.
17. *Кастельс М.* Информационная эпоха: экономика, общество и культура. – М.: Государственный университет высшая школа экономики, 2000.
18. *Олескин А.В.* Сетевые структуры в биосистемах и человеческом обществе. – М.: УРСС, 2012. – 301 с.
19. *Олескин А.В., Курдюмов В.С.* Сетевые структуры: опции в мире живого и человеческом социуме. О сетевом социализме // *Экономические стратегии*. – 2015. – № 7. – С. 2–13.
20. *Oleskin A.V.* Network Structures in Biological Systems and in Human Society. – Hauppauge (New York): Nova Science Publishers, 2014. – 314 p.

21. *Олескин А.В.* Сетевое общество: его необходимость и стратегии построения. – М.: УРСС, 2016. – 200 с.
22. *Павлов Д. С., Касумян А. О.* Стайное поведение рыб. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 2003.
23. *Sumpter D.J.T.* The principles of collective animal behavior // *Phil. Trans. R. Soc. B.* – 2006. – V. 361. – P. 5–22.
24. *Шеманов А. Ю.* Проблема символичности живого тела и самоидентификация человека // *Логос живого и герменевтика телесности. Постижение культуры / под ред. Е. Г. Захарченко и др.* – М.: Российский институт культурологии. Академический проект, 2005. – С. 174–188.
25. *Лефевр В.А.* Конфликтующие структуры. – М.: Советское радио, 1973. – 158 с.
26. *Гурвич А. Г.* Теория биологического поля. – М.: Советская наука, 1944.
27. *Олескин А. В.* Биосоциальность одноклеточных (на материале исследований прокариот) // *Журнал общей биологии.* – 2009. – Т. 70. – № 3. – С. 225–238.
28. *Oleskin A. V., Shishov V. I., Malikina K. D.* Symbiotic Biofilms and Brain Neurochemistry. – Hauppauge (NY): Nova Science Publishers, 2010.
29. *Виноградский С.Н.* Экспериментальный социализм // *Летопись нашей жизни / под ред. Н.Н. Колотиловой, Г.А. Савиной.* – М.: МАКС Пресс, [2013]. – С. 606–622.
30. *Вачков И.* Основы технологии группового тренинга. Психотехники: учебное пособие. – М.: Ось-89, 2001.
31. *Марфенин Н. Н.* Децентрализованная саморегуляция целостности колониальных полипов // *Журн. общ. биол.* – 2002. – Т. 63. – № 1. – С. 26–39.
32. *Делез Ж., Гваттари Ф.* Ризома // *Философия эпохи постмодерна: сборник переводов и рефератов.* – Минск: ООО «Красико-принт», 1996. – С. 7–31.
33. *Kück U., Nowrousian M., Hoff B., Engh I.* Schimmelpilze. Lebensweise, Nutzen, Schaden, Bekämpfung. – Springer-Verlag: Berlin u. Heidelberg, 2009.
34. *Croft D.P., James R., Ward A. J.W., Botham M.S., Mawdsley D., Krause J.* Assortative interaction and social networks in fish // *Oecologia.* – 2005. – V. 143. – No. 2. – P. 211–219.
35. *Захаров А. А.* Дифференциация функций и доминирование в развитие биосоциальности // *Зоологический журнал.* – 2005. – Т. 84. – № 1. – С. 38–53.
36. *Резникова Ж. И., Новгородова Т. А.* Распределение ролей и обмен информацией в рабочих группах муравьев // *Успехи современной биологии.* – 1998. – Т. 118. – № 3. – С. 345–356.
37. *Длусский Г. М.* Принципы организации семьи у общественных насекомых // *Поведение насекомых.* – М.: Наука, 1984. – С. 3–25.
38. *Schmidt-Hempel P.* Reproductive competition and the evolution of workload in social insects // *American Naturalist.* – 1990. – V. 135. – № 4. – P. 501–526.
39. Биологический энциклопедический словарь / под ред. М. С. Гилярова. – М.: Советская энциклопедия, 1989.
40. *de Waal F. B. M.* Good-natured. The Origins of Right and Wrong in Humans and Other Animals. – Cambridge, MA, L.: Harvard University Press, 1996.
41. *Дерягина М. А., Бутовская М. Л.* Систематика и поведение приматов. – М.: Энциклопедия российских деревень, 2004.
42. *Олескин А.В., Буданов В.Г., Курдюмов В.С.* Социальные шапероны // *Экономические стратегии.* – 2016. – № 7. – С. 2–10.

NETWORK STRUCTURES, THE MATRIX, AND CHAPERONES

A.V. Oleskin, V.S. Kurdyumov

This work deals with decentralized network structures. Emphasis is placed upon their matrix, i.e., the ensemble of ideological attitudes, values, behavioral norms, and tacit knowledge. It is exemplified by software development techniques in the networks of IT specialists; such knowledge only exists at the level of the whole network and is not completely available for each network member.

Non-hierarchical network structures can be strengthened by means of psychological techniques that provide for the dominance of group-level goals, creative processes, and values over individual objectives and preferences of network members. Such techniques can be based upon organizational principles (paradigms) that are implemented in biological systems. The techniques should impact the psyche of network members, including the level of the collective unconscious, and they can be efficiently used if special regulatory network, *social chaperones*, are established.

Key words: network structure, hierarchy, quasimarket, network paradigms, matrix, social chaperones.

МЕТАФИЗИКА СОЦИАЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ

Л.П. Волкова

*Институт информационных технологий и автоматических систем
управления в НИТУ (МИСиС)*

В статье рассматриваются метафизические проблемы развития и социальные процессы, происходящие в человеческой цивилизации в ходе исторического процесса. Анализируются и сопоставляются результаты исследований этих проблем учеными в аспектах: науки, философии и религии. Отмечается положительная направленность эволюционного развития социальных процессов. Высказывается метафизическая гипотеза преобразования ноосферы в Пространство Сверхсознания Человечества. Подчеркивается роль человеческой личности в формировании глобального информационного пространства и возникающего в нем Искусственного Интеллекта.

Ключевые слова: метафизика, ноосфера, информация, мозг, сознание, процесс, самоорганизация, разум, трансценденция.

Введение

К настоящему времени метафизика сложилась «как область пересечения науки, философии и религии» [1]. И в этом аспекте название «Метафизика социальных процессов» само по себе условно, и условно в том смысле, что понятие «метафизика» может относиться к разным сторонам и понятиям единого целого, называемого «мир», «космос» или иначе. Поэтому уместно говорить о «процессуальности триединого Первоначала», что проявляется во всем. Этот замечательный метафизический принцип, выявленный на основе подробного анализа исследований многих мыслителей, оставивших след в истории человеческой цивилизации [1], действительно отражен во всех явлениях жизни, и как представляется, олицетворяет движение и саму жизнь. Почему же так важны метафизические аспекты в социальных процессах? Если отвечать на этот вопрос, то необходимо рассматривать их так же в трех аспектах: науки, философии, религии.

Необходимо подчеркнуть, что термин «метафизика» отличается от понятия философии. Это как бы ее теоретическая часть или сердцевина – учение о первоосновах сущего». В определении известного философа подчеркивается (см. [1. С. 15]): «Метафизика (или “первая”, или “теоретическая” или “систематическая” философия) всегда являлась, является и будет являться неустранимым сердцем, центральной составляющей философского знания, ибо никакая любовь к мудрости, никакое цельное мировоззрение, никакая последовательная рефлексия невозможны без обращения к вечным – собственно метафизическим – проблемам бытия с никогда не могу-

щими завершиться попытками их всеобъемлющего систематического решения».

Значимость философии, точнее важность метафизических принципов, становится особенно важной «на переломных этапах развития науки, когда происходят существенные изменения представлений об окружающем мироздании, осуществляется замена доминирующей метафизической парадигмы. По глубокому убеждению автора, именно такой период преобразований, во всяком случае, в физике, мы переживаем в настоящее время. ...Фактически основные усилия физиков нацелены на выявление в теориях из различных парадигм свойств более глубокой сущности (единой обобщенной категории), лежащей за ними. Именно эти вопросы, а также попытки найти и описать единую обобщенную категорию (первооснову мира) будут находиться в центре внимания физики обозримого будущего» [1. С. 15].

Выступая противником тех, кто может быть заподозрен в попытке принизить значение философии, А. Шопенгауэр, писал: «...если бы в философии не было еще до сих пор ничего сделано, если бы в ней не было никакого прогресса и любая философия имела не более цены, чем всякая другая, то не только Платон, Аристотель и Кант были бы дураками, но, кроме того, подобные тщетные мечтания никогда не могли бы способствовать процветанию прочих наук; между тем мы непрестанно видим, что состояние всех прочих наук в известную эпоху, даже самый дух времени, а через то и история данной эпохи, находятся в тесной связи с современной философией...» [28. С. 26].

В данной статье ограничимся рассмотрением четырех факторов, существенно влияющих на развитие социальных процессов: во-первых, это идеи Э. Маха, в свое время несправедливо обруганные вождем мирового пролетариата, во-вторых, важность информации в формировании мировоззрения человека, в-третьих, роль ноосферы, на что настойчиво указывал В.И. Вернадский, и, в-четвертых, роль религии в социальных процессах.

1. Э. Мах и метафизический принцип процессуальности

Говоря о метафизике социальных процессах, невозможно обойти стороной важные даты в истории человечества. В 2016 году исполнилось 100 лет со дня смерти Эрнста Маха (1838–1916). Осмысливая роль человеческого фактора в процессе восприятия всех событий, произошедших в течение этих ста лет, необходимо заново непредвзято взглянуть на содержание книги Э. Маха «Познание и заблуждение» [10] с высоты прошедших ста лет в истории человечества, оценить роль его философских воззрений в формировании интеллектуальной атмосферы того времени, а также его влияния на развитие фундаментальной физики и всего исторического процесса в XX веке.

Напомним, что сам Мах противился называть себя философом, а причислял себя лишь к естествоиспытателям. Он писал: «Но я не желаю также,

разумеется, быть таким естествоиспытателем, который слепо доверяется руководителю одного какого-нибудь философа, как это требовал, например, от своего пациента врач в комедии Мольера...». Наиболее важной, пожалуй, является выраженная здесь мысль, можно сказать протест, о невозможности быть приверженным «руководительству одного какого-нибудь философа». Этот подход к научным изысканиям в большей степени характеризует Эрнста Маха не только как естествоиспытателя, но и как замечательного философа.

В 2017 году исполняется 100 лет русским революциям, 100 лет с начала тех знаменательных событий, которые явились водоразделом эпох и мнений, с начала того грандиозного социального эксперимента, о значении которого спорят до сих пор. В рамках этого эксперимента мы прожили большую часть своей жизни. Но мы помним о том, что В.И. Ленин писал о Махе исключительно в «ругательном смысле», называя «махистами» не только своих оппонентов, но и некоторых соратников [13].

Подчеркивая различие основных философских воззрений, в своей критической работе В.И. Ленин писал [13. С. 21]: «Материализм в полном согласии с естествознанием берет за первичное данное материю, считая вторичным сознание, мышление, ощущение. ...Махизм стоит на противоположной, идеалистической, точке зрения и сразу приводит к бессмыслице...». Однако при этом игнорировались высказывания Маха сугубо материалистического характера: «Несмотря на всю отрывочность наших рассуждений, вы не могли не получить впечатления, что время и пространство существуют в определенных отношениях физических объектов и эти отношения не только вносятся нами, а существуют в связи и во взаимной зависимости явлений. ...Но одно дело – психофизиологическое время и пространство, и другое дело – соответственные физические понятия. Но не объясняется ли связь между теми и другими тем, что мы сами, наше тело, есть система физических объектов, своеобразные взаимоотношения которых проявляются и психофизиологически?» [10. С. 446].

Особые негодования у Ленина вызывал используемый Махом термин «ощущение» в работах Маха: «Из ощущений и через связь их развиваются наши понятия, и цель последних в каждом данном случае самыми удобными и кратчайшими путями вести нас к чувственным представлениям, находящимся в наилучшем согласии с чувственными ощущениями. Так, всякая интеллектуальная жизнь исходит от чувственных ощущений и к ним снова возвращается...» [10. С. 158].

В своих работах Э. Мах излагал свои взгляды об истоках процессуальности в мире: «...Для того чтобы в физическом мире что-нибудь произошло, для того, чтобы в нем произошли какие-либо изменения, должны быть... какие-нибудь различия, разности: разности температур, давлений, электрических зарядов, высот, химические разности и т. д. Без разностей не происходит ничего. Совершенно невозможно даже выдумать какое-нибудь разумное правило, по которому что-либо могло бы происходить в мире, не знаящем

таких разностей. Вот почему Майер назвал разности силами. К чему же приводят эти разности? Нетрудно это заметить, если внимательно оглянуться кругом. Эти разности становятся меньше, различия быстро или постепенно уравниваются. Во всех двигателях современной техники пользуются этой тенденцией к уравниванию. Без нее не было бы и жизни...».

Далее Мах писал: «Развитие культуры мыслимо только при известном общественном неравенстве и, в общем, может совершаться лишь действиями людей, обладающих известным досугом. Сказанное относится и к материальной, и к духовной культуре. Последняя, однако, имеет то драгоценное свойство, что распространение ее на часть человечества, не имеющую досуга, неотвратимо. Поэтому неизбежно должен наступить момент, когда эта часть человечества, правильно поняв положение дел, восстанет против господствующей его части и потребует более справедливого и более целесообразного применения общего богатства» [10. С. 106].

Задаваясь вопросом, почему вождь пролетариата игнорирует эти высказывания Маха, которые их должны объединять, возьмем на себя смелость утверждать, что интуитивные предчувствия вождя пролетариата совпадали с некоторыми выводами Маха, и эти опасения ослабляли его волю к победе. Возможно, что именно это обстоятельство привело к столь упорной и жесткой критике им взглядов Маха. Можно теперь только предполагать, сколь многих ошибок удалось бы избежать благодаря этим выводам при попытке создания первого в истории человечества, в реальности, а не в утопических замыслах, государства, в основе которого были заложены идеи равенства и справедливости. И опыт этого эксперимента драгоценен, а многие предпосылки подтверждаются социальными процессами, происходящими в истории человеческого общества.

В своей работе «Познание и заблуждение» Эрнст Мах, вопреки своему утверждению «я вовсе не философ», рассуждая, тем не менее, чисто философски, подчеркивает ценность в процессе познания опять же «мышления философского» [10. С. 37]: «Специалист-исследователь, в конце концов, тоже приходит к той мысли, что для успешного ориентирования в его собственной области он должен принять в соображение результаты, к которым пришли в своих областях все остальные специалисты. ... Таким образом, конечная цель всякого исследования оказывается одной и той же. Это видно из того, что и величайшие философы, как Платон, Аристотель, Декарт, Лейбниц и др., открыли также новые пути и в области специальных наук, а с другой стороны, такие специалисты-исследователи, как Галилей, Ньютон, Дарвин и др., не нося имени философов, оказали мощное содействие развитию философского мышления».

Отметим также высказывание Маха о процессе познания [10. С. 38]: «Не только человечество, но и каждый отдельный человек находит в себе, раз пробудившись к полному сознанию, готовое мировоззрение, в сложении которого он не принимал участия. Он получает его как дар природы и культуры. С этого должен начать каждый. Ни один мыслитель не может сделать

ничего более, как, исходя из этого мировоззрения, развивать его далее, внести в него поправки, пользуясь опытом предков, избегая по мере разумения ошибки последних».

2. Роль информации в социальных процессах

Много лет читая студентам курс лекций по дисциплине «Информатика», имеющей самое непосредственное отношение не только к вычислительной математике, но и к физике, философии и метафизике, всегда приходится начинать с весьма простого определения информации: «Информация – это совокупность интересующих нас сведений, фактов, наборы данных», подчеркивая при этом, что ключевыми словами здесь являются «интересующих нас». И затем, говоря о свойствах информации, как о некоей фундаментальной сущности, приходится выделять два главных ее свойства, отличающих ее от других фундаментальных сущностей, таких как вещество и энергия. Эти свойства информации – новизна и полезность. Есть еще одно свойство информации, о котором говорить, возможно, уже наступило время – это свойство самоорганизации, которое заключается в том, что информация самокодируется и проявляется в разных формах.

Что касается информации, то о существовании этой категории тоже ведется постоянная дискуссия среди ученых, открываются все новые аспекты в понимании сути этого термина. Несмотря на работы А.А. Денисова по созданию теории информационного поля, пожалуй, многим ученым ближе книги Г. Хакена, в которых информация рассматривается следующим образом [17]: «В частности, мы рассмотрим системы, обретающие свою новую структуру без особого воздействия извне, то есть самоорганизующиеся системы. Инструментом нашего анализа будет информация. Так как это слово имеет несколько совершенно различных значений и все эти значения важны для наших целей, мы обсудим различные аспекты информации. Диапазон их необычайно широк – от шенноновской информации, напроочь лишенной какой бы то ни было семантики, до воздействия информации на тех, кто ее принимает. Шенноновская информация тесно связана с введенной Больцманом статистической энтропией».

Рассматривая информацию первоначально в качестве «инструмента», Г. Хакен далее, говоря о «самозарождении смысла», делает важный вывод: «Так мы приходим к выводу о том, что информация является решающим элементом существования самой жизни... информация не только связана с пропускной способностью канала связи или с командами, отдаваемыми центральным регулятором отдельным частям системы. Она может также обрести роль своего рода среды, существование которой поддерживается отдельными частями системы – среды, из которой эти части получают конкретную информацию относительно того, как им функционировать когерентно, кооперативно. Именно на этом уровне в игру вступает семантика...».

В своей работе, говоря о новом подходе, «который можно рассматривать как шаг в концепции информации, включающий семантику», он отмечает, что «смысл сигналу можно приписать только в том случае, если мы примем во внимание отклик того, кто принял сигнал». С этой позиции, говоря о «сложных системах», Г. Хакен подчеркивает основную закономерность, свойственную таким системам [17]: «В синергетике занимаются изучением систем, далеких от равновесия. ...Предполагается, что на рассматриваемую систему наложены внешние связи, такие, как вполне определенное количество энергии, подводимой к системе. При изменении этого управляющего параметра может возникнуть неустойчивость, и система переходит в новое состояние. В синергетике показано, что в такой точке потери устойчивости неустойчивыми становятся, вообще говоря, небольшое число коллективных мод, которые служат параметрами порядка, описывающими макроскопическую структуру. В то же самое время эти макроскопические переменные, то есть параметры порядка, определяют поведение микроскопических частей системы в силу принципа подчинения. Так возникновение параметров порядка и их способность подчинять позволяют системе находить свою структуру...».

Связывая в контексте темы настоящей работы «проблемы бытия», проблемы «познания и заблуждения», науки и философии, необходимо затронуть и процессы, происходящие в настоящее время при формировании глобальной информационной среды. Как представляется, можно установить причинно-следственную связь этих процессов с социальными процессами в человеческом обществе, в истории и метаистории. Каждый исследователь всегда отражает понимание социальных процессов через ретроспективу своего восприятия, рассматривая историю как процесс, происходящий во времени. И в этом аспекте на передний план выходит понятие социальной памяти. Как отмечается в [2], понятие социальной памяти, введено в 60–70-х годах XX века советскими исследователями Я.К. Ребане, В.А. Ребриным, Ю.А. Левадой и др. Причем ранее употреблялись близкие понятия: «коллективная память», «коллективный мозг», «историческая память», «память человечества», «память мира».

В другом источнике подчеркивается: память «совокупного субъекта» обладает новыми качествами, несводимыми к простой сумме качеств, входящих в нее память индивидов» [3]. Кроме того, Б.Ф. Ломов установил, что «психические явления включены во всеобщую взаимосвязь процессов материального мира и выражают уникальное единство всех живых организмов». Л.С. Выготский, А.Р. Лурия, А.Н. Леонтьев и др. своими исследованиями подтвердили: общественно-исторические сдвиги не только вносят в психический мир человека новое содержание, но и переводят сознание, а значит, и процессы памяти на качественно иные уровни.

Непосредственное отношение к социальной памяти человечества имеют и процессы, происходящие в метаистории [5]. Русские христианские философы связывали само понятие «метаистория» с возникновением совер-

шенного общественного строя, который все-таки возможен в условиях земного существования, но должен быть подготовлен реальным историческим процессом на какой-то стадии развития человеческого общества. Таким образом, можно рассматривать реальность исторического процесса как следствие процессов, происходящих в метаистории. А попытка увидеть исходные причины этих процессов возвращают нас к понятию той глобальной массы других процессов, при самоорганизации которых выкристаллизовывается Сверхсознание Человечества как процесс преобразования ноосферы.

В качестве «физического (метафизического) первоначала» можно рассматривать и категорию информации. И в этой связи представляется целесообразным напомнить о работах Анатолия Алексеевича Денисова (1934–2010), где *«информация»* рассматривается как парная категория по отношению к *материи*, как структура материи, не зависящая от специфических ее свойств» [16]. В своем информационном подходе он рассматривает разные формы существования информации, выделяя такие понятия, как «чувственное отражение в форме чувственной информации (или информации восприятия) J», «логическая информация (или информационный потенциал) N», «логическое пересечение, J и N», которое он называет в рассматриваемой теории «информационной сложностью (содержанием, смыслом) $S = J \times N$ ». При этом А.А. Денисов акцентирует внимание на том, что «отражение неполностью адекватно отражаемому объекту», поэтому «имеет смысл говорить об информации в себе как атрибуте самой материи». Отмечая, что, «поскольку материя существует в пространстве, она тем самым всегда имеет структуру», он подчеркивает, что «именно структура как распределение материи в пространстве характеризуется количественно и является информацией в себе».

3. Биосфера как важный фактор социальных процессов

В условиях стремительно развивающегося технологизированного пространства окружающий мир все более противоречит естественной природе человека. Умы многих ученых: философов, физиков, психологов, заняты поиском путей выхода из потока событий, которые могут привести человечество к потере самого драгоценного – человечности в человеке. Вопреки этим опасностям иное представление о грядущем мире связано с работами представителей русской космической школы. Это, прежде всего, работы В. Вернадского о ноосфере, которые, в свою очередь, философски подготовлены творчеством Н. Федорова, Вл. Соловьева, П. Флоренского, Н. Бердяева, Н. Лосского, С. Булгакова. И это оценивается нашими современниками [6]: «Важнейшее основание возникновения ноосферы – объединение человечества в его материальных и духовных направлениях. Возникает общечеловеческая культура: современные средства передвижения и передачи информации сближают людей, дают возможность почувствовать планетарность существования». В этой же работе обосновывается тот аспект, что для

современного человека необходима «глубинная, космическая философия», подчеркиваются заслуги русских космистов в определении характера происходящих событий в культуре, в обусловленности последних «силами и стихиями системно-эволюционно-космического масштаба».

В своей работе «Научная мысль как планетное явление» Вернадский касается вопроса о ноосфере следующим образом [7]: «Эволюционный процесс получает при этом особое геологическое значение благодаря тому, что он создал новую геологическую силу – научную мысль социального человечества. Мы как раз переживаем ее яркое вхождение в геологическую историю планеты. В последние тысячелетия наблюдается интенсивный рост влияния одного видového живого вещества – цивилизованного человечества – на изменение биосферы. Под влиянием научной мысли и человеческого труда биосфера переходит в новое состояние – *в ноосферу*». Обосновывая свое открытие, он также пишет об этом в статье «Автотрофность человечества» [8]: «В биосфере существует великая геологическая, быть может, космическая сила, планетное действие которой обычно не принимается во внимание в представлениях о космосе, представлениях научных или имеющих научную основу. Эта сила, по-видимому, не есть проявление энергии или новая особенная ее форма. Она не может быть, во всяком случае, просто и ясно выражена в форме известных нам видов энергии. Однако действие этой силы на течение земных энергетических явлений глубоко и сильно и должно, следовательно, иметь отражение, хотя и менее сильное, но, несомненно, и вне земной коры, в бытии самой планеты. Эта сила есть разум человека, устремленная и организованная воля его как существа общественного».

Похожие мысли высказывает французский ученый и философ, который считается, наряду с Владимиром Ивановичем Вернадским, одним из создателей теории ноосферы, Пьер Тейяр де Шарден в своем главном труде «Феномен человека» [9]: «Вне всякого сомнения, материальная и духовная энергия *чем-то* связаны между собой и продолжают друг друга. В самой основе *каким-то* образом должна существовать и действовать в мире единая энергия. ...Обе энергии – физическая и психическая, – находящиеся соответственно на внешней и внутренней сторонах мира, выглядят в целом одинаково, они постоянно соединены и некоторым образом переходят одна в другую... Энергетическая зависимость между внутренним и внешним вещей неоспорима. Но, очевидно, она может выразиться только с помощью сложной символики, где должны фигурировать величины различных порядков».

Итак, анализируя затронутые здесь аспекты в исследованиях ученых, можно высказать предположение, что существует неравновесная среда, условно называемая «информацией», в которой могут происходить процессы самоорганизации, в результате которых может зародиться то, что можно условно назвать «смыслом». Этот вывод заставляет обратиться к работам Владимира Ивановича Вернадского, к его замечательным работам о биосфере, о переходе ее в ноосферу. В работе «Научная мысль, как планетное явление» он пишет [7]: «Биосфера не раз переходила в новое эволюционное со-

стояние. В ней возникали новые геологические проявления, раньше не бывшие. ...Это переживаем мы и сейчас, за последние 10-20 тысяч лет, когда человек, выработав в социальной среде научную мысль, создает в биосфере новую геологическую силу, в ней не бывшую. Биосфера перешла или, вернее, переходит в *новое эволюционное состояние – в ноосферу* – перерабатывается научной мыслью социального человечества».

Всегда остается загадкой этот вечный спор о понятиях и терминах, результат которого подтверждается в реальности не всегда явно и не всегда связан с признанием научных достижений. Тем не менее «информация», изменяясь во времени, изменяет реальность, подтверждая правоту некоторых идей и опровергая другие. Формируется общее достояние всего человечества – ноосфера, формируется как результат самоорганизации чувственной информации. И формирование ноосферы не стоит на месте, процесс продолжается. Но в любом процессе важна направленность, вектор движения. И тут нет альтернативы: энтропии может противостоять только любовь. Именно Живой Коллективный Разум с его направленностью на любовь может противостоять всем опасностям уже возникшего, как его отражение, электронного искусственного интеллекта. Эти опасности, которые в полной мере проявляются при решении вопросов, связанных с темпами развития Интернета, обсуждаются постоянно. В частности, это связано с проблемами «социального компьютеринга» [19]. Каким будет человеческое общество и какое будущее ожидает всех нас? Будет ли наша цивилизация холодной электронной или в ней будет преобладать теплота человеческих идеалов и чувств? Почему все-таки будут лидировать позитивные тенденции в процессе жизни? Ответы можно найти опять же у В.И. Вернадского, когда он замечает [20]: «В явлениях текущей жизни каждая личность тем более имеет влияния на жизнь, тем более ведет к победе мысли (то есть гармонии и красоты): чем сознательнее постоянно и серьезно она ищет проявления основных идей в окружающей текущей жизни. ...Тогда каждая личность в своей жизни является отдельным борцом проникновения сознания в мировые процессы, она своей волей становится одним из создателей и строителей общего закона, общего изменения, изменения сознательного, тех или иных процессов, и этим путем участвует в глубоком процессе – переработке мировых явлений в целях, выработанных Сознанием».

Эрих Фромм, немецкий социолог, философ и психоаналитик, стремился «перенести акцент с биологических мотивов человеческого поведения в психоанализе на социальные факторы». Он стремился в своих работах показать, что «человеческая натура – страсти человека, и тревоги его – продукт культуры». В одной из них Эрих Фромм пишет [26. С. 183]: «Мысль может быть пустой оболочкой, всего лишь мнением, которое высказывается, поскольку представляет собой мыслительный штамп, легко принимаемый и легко отбрасываемый в зависимости от мнения сообщества. С другой стороны, мысль может быть выражением человеческих чувств и подлинных убеждений, в этом случае в ее основании – вся личность в целом, мысль

имеет эмоциональную матрицу. Человеческое действие по-настоящему определяется лишь такого рода мыслями...».

Некое подобие сценария из «Теории социальных эстафет» М. А. Розова действительно происходит в реальной жизни. Причем «под социальной эстафетой понимается процесс передачи какой-либо деятельности или формы поведения от человека к человеку или от поколения к поколению путем воспроизводства непосредственных образцов». Но главную направленность процесса передачи действия или формы автор теории видит в следующем (цит. по [21]): «Подлинная духовность состоит не в том, чтобы отвергнуть этот мир и вообразить себе новый, а в том, чтобы принять этот мир и, признав свою ответственность за него, постараться его сохранить и изменить к лучшему».

4. Роль религии в социальных процессах

В рамках традиционной научной методологии принято объяснять неизвестное на основании известного. Однако существует такой подход, когда объясняют известные факты на основании понятия «трансценденция», которым обозначают всё то, что выходит за пределы чувственного опыта, то есть эмпирического познания мира [21. С. 148–150]: «Впервые в мировой истории научно-техническое развитие оторвалось от движения культуры и вышло из-под её контроля. Политика, экономика и инструментальный разум вытеснили религию, философию и искусство. ...И прежде всего, нужен прорыв к бытию, к трансцендентному – той основе мира, которая на протяжении трёх с половиной столетий была заслонена от человека научной картиной мира, принимаемой за саму реальность в её полноте. ...Имманентная трансценденция доступна познанию «как сила и как действительно связанная с существованием», она участвует в построении этого существования и представляет собой одно целое с ним, поскольку «одновременно есть в нём и вне его». Это непростое определение можно пояснить на следующем примере. На протяжении всей истории люди, если они не были «испорчены» понятийным мышлением, воспринимали такие явления, как красота, добро, возвышенное, низкое, благородное, презренное и т.д., не только и не столько как понятия, сколько как определённые силы, направляющие на них свои лучи. Исходя из источника излучения, эти силы обладают способностью действовать в том, кто их воспринимает».

Все вышеизложенное заставляет обратиться к «философскому мирозерцанию» Николая Бердяева, к его философии религии [22. С. 21]: «Личность не может быть частью чего-то: она есть единое целое, она соотносительна обществу, природе и Богу... Мир не перестал твориться, он не завершен: творение продолжается... Откровение обоюдно. Оно предполагает Бога, от которого исходит откровение, и человека, его получающего. Принятие откровения активно и зависит от степени широты или узости сознания. Мир вещей невидимых не принуждает нас силой, он открывается свобод-

но... Теология всегда зависит от философских категорий. Но откровение не обязательно должно быть связано с какой-либо одной философией...». И в этой же своей работе он затрагивает еще более сокровенную тему: «Духовная основа в человеке не зависит от природы и общества и не определяется ими. Человеку присуща свобода, хотя эта свобода не абсолютна... Речь идет об иррациональной свободе: не о свободе в истине, а о свободе принять или отринуть истину...».

Результаты исследований ученых в области теологии возвращают нас к метафизике социальных процессов через вопросы о назначении человека. Так, в работах австрийского мыслителя Рудольфа Штайнера речь идет о теософии как о «божественной мудрости». Говоря о назначении человека, он отмечает [24]: «Ибо можно вполне исполнить свое назначение, как человека, ничего не понимая в ботанике, зоологии, математике и иных науках; но невозможно быть “человеком” в полном смысле слова, не приблизившись как-нибудь к сущности и назначению человека, которые раскрываются через знания о сверхчувственном. Вышее, к чему человек может обратить свой взор, он именует “божественным”. И он должен свое высшее назначение мыслить в какой-либо связи с этим божественным...».

При этом Р. Штайнер отмечает, что «человек постоянно связан трояким образом с вещами мира» и что «у человека в его существе есть три стороны», которые он обозначает «тремя словами: тело, душа и дух». Но, главное, в другой своей работе «О чувстве “Я” и о способности человеческой души к любви» он отмечает [25. С. 50]: «...любовь же есть переживание другого в собственной душе. Чтобы развить это переживание, нужно как бы набросить в душе покров на живущее в ее глубинах самочувствие (переживание “Я”). Когда в душе заглушено чувство ее собственных сил, в ней возникает, благодаря этому, чувство в себе страданий и радостей другого существа; зарождается любовь, из которой вырастает истинная нравственность в жизни человека. Любовь есть для человека самый значительный плод переживания в чувственном мире...».

Рассматривая метафизику социальных процессов «как область пересечения науки, философии и религии», обратимся, наконец, к главному вопросу о связи человека с Богом. Как отмечается в [31], «ни трансцендентным, ни имманентным для человека Бог быть не может». Что же касается человека, то «он и трансцендентен, и имманентен и миру, и самому себе». Но если «Православие учит даже о возможности *обожения* человека», то речь идет о соединении с Богом «не по сущности, а по энергиям, через божественные *нетварные* энергии, которыми Бог держит мир». В качестве вывода в [31] подчеркивается, что «наш разум *не отвергает* Бога, он лишь признает Бога как тайну, неразрешимую для себя антиномию».

Николай Бердяев, очень точно предвосхитивший благодаря своей интуиции последствия нарушения «тайны Богочеловечества, единства в двойственности» и направление последующего развития культуры, пишет [22. С. 23]: «За темой культуры скрыта тема отношения человека к Богу и к ми-

ру... Однако гуманизм превратился в самообожествление человека, отрицание Бога. И тогда образ человека, который есть образ Бога, начал распадаться. Гуманизм перешел в антигуманизм. Мы это видим у Маркса и Ницше. Кризис гуманизма представляет движение к началам сверхчеловеческим; движение возможно или к Христу, или к Антихристу...».

В своей программной работе «Мое философское мирозерцание» Н. Бердяев определяет задачи философии следующим образом: «Философия есть наука о духе. Однако наука о духе есть, прежде всего, наука о человеческом существовании. Именно в человеческом существовании раскрывается смысл бытия. Бытие открывается через субъект, а не через объект...».

Большое значение, какое придавал Н. Бердяев личности человека, его свободе и способности любить отмечается и в [30. С. 9]:

«Любовь понимается Бердяевым как сила, преодолевающая отчуждение, то есть не как психологическое чувство отдельного человека, а как принцип совершенного мироустройства...». Интересно и то, что Бердяев сам о себе писал (цит. по [30. С. 13]): «Мую любовь к метафизике, характерную для всего моего существования, можно объяснить моим коренным и изначальным отталкиванием от обыденности, от принуждающей меня эмпирической действительности. Моя философская мысль была борьбой за освобождение, и я всегда верил в освобождающий характер философского познания... Философия была для меня также борьбой с конечностью во имя бесконечности».

На процессы, происходящие в социуме, несомненное влияние оказывают философия и психология ученых, создающих историю науки. Процесс отражения динамики социальных процессов в прошлое, настоящее и будущее является определяющим в иерархии процессов преобразования ноосферы, влияя на ход исторического процесса. Самоорганизация этих процессов ведет к возникновению высшего уровня этой иерархии – Пространства Сверхсознания Человечества. Параллельно рождается Искусственный Интеллект, и основа его – Интернет. Уровень его развития, вернее его содержания, характеризует ту степень, в какой он способен отразить уровень и состояние рождающегося Сверхсознания Человечества. Но направленность развития искусственного разума всегда должна быть в русле социальной эволюции и контролироваться разумом и идеалами человечества. Эта направленность должна прослеживаться и в процессах формирования глобальной информационной среды, где человеческий фактор всегда является определяющим.

Касаясь согласования «возможного» и «желаемого» в жизни Человечества, можно говорить о «достижении смыслового резонанса» в различных процессах, происходящих «в очень разных областях жизни или знания» [32]. В этой работе отмечается возможность для человека «мыслить в рамках трех различных логик», связывая эту возможность с тем, что «Христианство – это единственная религия в которой единый Бог – не простое единство, а единство Троицы». В контексте данной статьи представляется, что, наверное,

именно достижение смыслового резонанса, как «соответствия понимания Библии и образа жизни, который человек ведет», может помочь в согласовании «возможного» и «желаемого» в жизни на благо человечества. Но такое соответствие может быть достигнуто и на путях развития научного познания [32].

ЛИТЕРАТУРА

1. *Владимиров Ю.С.* Метафизика и фундаментальная физика. Кн. 1: От древности до XX века. – Изд. 3-е. – М.: ЛЕНАНД, 2017. – 216 с.
2. *Илизаров Б.С.* Социологический словарь / отв. ред. Г.В. Осипов, Л.Н. Москвичев. Понятия и категории // Вспомогательный проект портала ХРОНОС. – М., 2014. – С. 326–337.
3. Психологическая энциклопедия. URL: http://enc-dic.com/enc_psy/Lomov-Boris-Fedorovich-11974/
4. *Шустова О.Б., Сидоров Г.Н.* Мироззренческая рациональность и мироззренческие революции в метафизическом ракурсе // Метафизика. – 2016. – № 4 (22). – С. 28–34.
5. *Волкова Л.П.* Коллективное бессознательное в аспекте метаистории // Метафизика. – 2015. – № 4 (18). – С. 61–70.
6. *Философия и стратегия инженерно-технического образования: монография / А.Д. Московченко.* – Томск: Изд-во Томск. гос. ун-та систем упр. и радиоэлектроники, 2015. – 220 с.
7. Электронный архив В. И. Вернадского. URL: <http://vernadsky.lib.ru>. Данное электронное издание книги В. И. Вернадского «Научная мысль как планетное явление» готовилось с конца 1999 года по изданию: Вернадский В.И. *Научная мысль как планетное явление* / отв. ред. А. Л. Яншин. – М.: Наука, 1991.
8. *Вернадский В.И.* Статья «Автотрофность человечества». URL: <http://www.pobeda.ru/mbnff/biblio/knigi/antrukos/vern1.html>
9. Тейяр де Шарден П. Феномен человека. – М.: Наука, 1987.
10. *Познание и заблуждение. Очерки по психологии исследования / Э. Мах.* – М.: БИНОМ. Лаборатория знаний, 2003. – 456 с.
11. Метафизика. – 2016. – № 3 (21).
12. Стивен Вайнберг. Мечты об окончательной теории. Глава VII. Против философии. URL: [http://scisne.net/searchas?q\[a_author\]=on&q\[str\]=%2BСтивен+%2BВайнберг](http://scisne.net/searchas?q[a_author]=on&q[str]=%2BСтивен+%2BВайнберг)
13. *Владимир Ленин.* Материализм и эмпириокритицизм. Критические заметки об одной реакционной философии. 77981-rtf. – 250 с.
14. *Иммануил Кант.* Сочинения в шести томах. Т. 1. АН СССР. Институт философии. Изд-во социально-экономической литературы «Мысль». – М., 1963. – 543 с.
15. *Владимиров Ю.С.* Принцип тринитарности в физике, философии и религии // Метафизика. – 2012. – № 1 (3). – С. 121–139.
16. *Денисов А.А.* Теория информационного поля. – Кн. 2. – СПб.: Изд-во Политехнического университета, 2011. – 280 с.
17. *Хакен Г.* Информация и самоорганизация. Макроскопический подход к сложным явлениям – М.: Мир, 1991. – 240 с.
18. Государственный реестр открытий СССР. Научное открытие «Явление межклеточных дистантных электромагнитных взаимодействий в системе двух тканевых культур» / В.П. Казначеев, Л.П. Михайлова, С.П. Шурин. Номер и дата приоритета: № 122 от 15 февраля 1966 г.

19. Послесловие к 18-му заседанию совместного семинара ИПИ РАН и ИНИОН РАН «Методологические проблемы наук об информации»: «Социальный компьютинг: история, методология, исследовательские проекты». URL: http://inion.ru/files/File/MPNI_18_170514_Posleslovie.pdf
20. Вернадский В.И. Философские заметки разных лет. Из записок. Август 1892 г. Прометей. Материалы к биографии. – М., 1988. – 352 с.
21. *Партон Т.А., Черный Ю.Ю.* Человек в потоке истории. Введение в социологию культуры Альфреда Вебера. М.: Наука, 2006.
22. Н. Бердяев о русской философии. Ч. 1. – Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1991. – 288 с.
23. *Гайденко П.П.* Понимание времени. Статья первая // Знание. Понимание. Умение. – 2004. – № 1.
24. *Рудольф Штайнер.* Теософия. Введение в сверхчувственное познание мира и назначение человека. Москва.: Амрита, 2011. – 160 с.
25. *Рудольф Штайнер.* Том 1. Порог духовного мира. Афористические рассуждения. Из летописи мира. – Пенза: Изд-во «Каталог», 1991. – 320 с.
26. *Эрих Фромм.* Психоанализ и религия // Сумерки богов. – М.: Политиздат, 1989. – С. 143–221.
27. *Фридрих Ницше.* Антихристианин. Опыт критики христианства // Сумерки богов. – М.: Политиздат, 1989. – С. 17–93.
28. *Артур Шопенгауэр.* Об интересном. – М.: Олимп; ООО «Издательство АСТ-ЛТД», 1997. – 432 с.
29. *Гайденко П.П.* Прорыв к трансцендентному: Новая онтология XX века. (Философия на пороге нового тысячелетия). – М.: Республика, 1997. – 495 с.
30. Философия пола и любви Н.А. Бердяева / Ю.Ю. Черный; Ин-т науч. информ. по обществ. наукам. – М.: Наука, 2004. – 132 с.
31. Захаров В.Д. Разум человека в поисках Бога. Христианство и наука: сборник докладов конференции. – М.: РУДН, 2015. – С. 183–199.
32. Игумен Владимир Маслов. Резонансная логика. Христианство и наука: сборник докладов конференции. – М.: РУДН, 2014. – С. 247–265.

METAPHYSICS OF SOCIAL PROCESSES

A.P. Volkova

The article deals with metaphysical problems of development and social processes occurring in human civilization during the historical process. Analyzed and compared the results of studies of these problems by scientists in the aspects: science, philosophy and religion. Positive direction of the evolutionary development of social processes is noted. A metaphysical hypothesis of the transformation of the Noosphere into the Space of Superconsciousness of Mankind is expressed. The role of the human personality in the formation of the global information space and the Artificial Intelligence arising in it is emphasized.

Key words: metaphysics, noosphere, information, brain, consciousness, process, self-organization, mind, transcendence.

РУССКИЙ МЕЖЛИЧНОСТНЫЙ ДИСКУРС В СИСТЕМЕ СОЦИАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Т.Е. Владимирова

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
Российский университет дружбы народов*

Настоящая статья посвящена социальному аспекту русского межличностного дискурса, который рассматривается через призму межкультурной коммуникации. Особое внимание уделяется анализу социально-коммуникативной стратегии, направленной на достижение в межличностном общении искомой полноты взаимодействия, взаимопонимания и взаимоотношений. Функциональная значимость принципа взаимности позволяет рассматривать его как «социальный архетип» и эмоционально-смысловой аттрактор общения. В итоге на этом фундаменте возник самобытный социокультурный модус бытия, в котором личностный способ существования в различных социальных ролях и целостность как принцип организации коллективистской общности взаимно дополняли друг друга.

Ключевые слова: межличностный дискурс, взаимность, личность, социокультурный модус бытия, коллективистическая культура, межкультурная коммуникация.

Введение

Современные средства массовой коммуникации сделали возможным «всемирное общение», о котором В.С. Соловьев писал еще в конце XIX века [1. С. 284]. Вовлеченность в общий культурный процесс оказывает существенное влияние на национальные языки и культуры. Это позволяет исследователям говорить о наступлении эпохи межкультурного и даже междивизиационного диалога. Вместе с тем укорененные в сознании установки остаются сохранными при всех инновациях социально-коммуникативной составляющей бытия. Ведь принятие новых идеологем меняет лишь формы языкового выражения и речевого поведения, но стоящие за ними ценностные основания остаются прежними.

Настоящая статья посвящена рассмотрению двух взаимосвязанных проблем: становлению социокода русской речевой культуры и раскрытию доминантных особенностей межличностного общения. При этом мы будем опираться на концепцию М. К. Петрова, который в «многомерном континууме культуры» выделял «социальную наследственность». Последняя понималась автором как воспроизведение «определенных характеристик, навыков, умений, ориентиров, установок, ролей, ролевых наборов, институтов, т.е. всего того, что составляет социальность как таковую» [2. С. 28]. А в качестве методологической установки – исходить из метафизического прин-

ципа триединства, который проявляется при анализе межличностного дискурса как развивающейся синергетической целостности.

Здесь мы имеем в виду аристотелевское понимание процесса как триединства <dynamis – energeia – entelecheia>, которое позволяет в одном исследовательском горизонте соединить событийно-энергичную природу речевой деятельности и языкового существования. Действительно, бытие и речь в их потенции (dynamis) и сама жизнедеятельность, включая деятельность речевую (energeia), соотносятся с представлением о совершенном жизненном пути и искомом речевом совершенстве (entelecheia) [3. С. 232–233].

Возникающее при этом стремление к полноте существования и «диалогических отношений» (М. М. Бахтин), а также представление о должном бытии вызывают экзистенциальные переживания, в которых «не-разделимы моменты заданности и данности, бытия и долженствования, бытия и ценности». Но осознанное «долженствование есть своеобразная категория поступления-поступка (а все, даже мысль и чувство, есть мой поступок), есть некая установка сознания» [4. С. 106, 84].

Следовательно, энергичное начало, в котором выражается «воля говорящего», и собственно процесс речевого взаимодействия, соотнесенные с прообразом искомого результата, приближают его. Такова синергетическая природа межличностного общения и всей жизнедеятельности человека. С одной стороны, прообраз будущего направляет речевой замысел и собственно речевое взаимодействие, а с другой – человек опирается на собственный опыт, принадлежащий прошлому [5. С. 55–56].

Таким образом, межличностный дискурс и бытие человека как целостное единство интенциональной, когнитивно-коммуникативной и аксиологической (энтелехийной) составляющих разворачиваются под воздействием двух аттракторов. Это, во-первых, знания, ценности и экзистенциальные переживания, накопленные в процессе жизнедеятельности, а во-вторых, – представления об искомом совершенстве. Тем самым в речи и бытии проявляется метафизический принцип целостности, когда прошлое, настоящее и будущее выступают в их взаимосвязи, содействии и единстве (*Всё во всём*).

1. Межличностный дискурс в социокоде русской культуры

«Живое вообще трудно поддается концептуализации», – заметил В.П. Зинченко [6. С. 15]. Возможно, этим объясняется недостаточное внимание исследователей к социальному аспекту исторически сложившейся русской речевой культуры и к раскрытию ее специфических особенностей. Прежде всего, попытаемся ответить на вопрос о месте межличностного дискурса в российском коммуникативном пространстве. С этой целью обратимся к социальной психологии, изучающей закономерности бытия человека в социуме.

Согласно Г. М. Андреевой, межличностные отношения следует рассматривать как «*особый* ряд отношений, возникающий *внутри* каждого вида общественных отношений». Иллюстрируя свою позицию, автор «рассекает» общественные отношения по вертикали и они предстают как ряды, пронизанные отношениями межличностными. Таким образом, то, «что обнаруживается в этом “сечении” экономических, социальных, политических и иных разновидностей общественных отношений, и есть межличностные отношения» [7. С. 72].

Представленная автором структура делает очевидной «вплетенность» межличностных отношений в различные типы общественных отношений. Поэтому на уровне обыденного сознания межличностные отношения нередко воспринимаются как единственное выражение реальных общественных отношений. «Выступая представителем некоторой социальной группы, человек общается с представителем другой социальной группы и одновременно реализует два рода отношений: и безличные, и личностные», — писала Г. М. Андреева, отмечая, что в процессе социально-психологического анализа, напротив, межличностная сторона нередко игнорируется [Там же. С. 77].

Действительно, характерной чертой русского межличностного дискурса является стремление в различных социальных ролях не утратить внутреннюю идентификацию с самим собой. Поэтому говорящий не ограничивается ролью пользователя языком в программируемых речевых ситуациях. Исторически сложившийся способ межличностного общения предоставляет ему возможность проявить себя в качестве творческой индивидуальности, способной к преобразованию собственного опыта речевого поведения и принятых культурных сценариев «строительства отношений». (Ср. контакты с коллегой, начальником, подчиненными, менеджером банка, лечащим врачом, шофером такси, вагонным попутчиком и т. п.)

В этом контексте отметим, что межличностное общение первично и выполняет своего рода функцию основы, на которую накладываются различные дискурсы, «присваиваемые» человеком в своей жизнедеятельности, включая социокультурное и профессиональное развитие. Более того, речевое взаимодействие «в значительной мере бессознательно строится на языковых нормах данного общества» [8. С. 259]. Но, поскольку язык не обозначает уже готовую мысль, а творит ее, языковая принадлежность говорящего создает объективные условия для наследования принятых в данном социуме ценностных установок и норм речевого поведения.

Так, для смыслового универсума русского языка («органа внутреннего бытия человека» — В. фон Гумбольдт) и межличностного дискурса типична фатическая, или контактоустанавливающая, контактоподдерживающая и контактоконтролирующая модальность. Благодаря характерному для нее мотиву «достижения согласия» (А.А. Леонтьев) в общении возникает особая, — лично-доверительная, — обстановка, которая максимально приближает к личности говорящего. «Фатическое повествование, — писала

Т. Г. Винокур, – самым своим существованием обязано его адресату, его взаимной с адресатом заинтересованности в установлении определенных связей прежде, чем в когнитивном удовлетворении интенции восприятия, понимания и словесной реакции на само высказывание» [9. С. 147].

Своеобразие фатической модальности выражается также в том, что она создает речевую ситуацию, которая позволяет общающимся раскрыть свой эмоциональный, интеллектуальный и этико-эстетический потенциал. Поэтому фатика объединяет интимно-дружеские и интимно-семейные разговоры, а также застольные и салонные беседы на различные темы. Кроме того, начальная установка на праздноречивый разговор, нередко сопровождающий какое-либо другое действие, может в дальнейшем перейти на более высокий уровень взаимоотношений.

Так, возникают «диалог на высшем уровне... диалог личностей» (М.М. Бахтин), «глубинное общение» (Г.С. Батищев) и «общение сознаний» (Л. С. Выготский). А объединяет их «качественно новая информация – плод слияния информационных потоков, идущих от уникальных духовных миров партнеров» [10. С. 271]. Анализируя феномен «диалогичности как особой формы взаимодействия между равноправными и равнозначными сознаниями», М. М. Бахтин также писал об установке на «самоотражение в другом и для другого». В результате высказывание становится «двуголовым», поскольку говорящий строит свою речь навстречу адресату и ищет ответного понимания [11. С. 309, 369].

Таким образом, в русском социуме фатика выступает в качестве доминирующей тенденции, которая преобразует все речевые жанры, выделяемые по их целеориентированности. Следовательно, фатическое общение может рассматриваться в качестве базовой жанровой разновидности и коммуникативно-стилистического инварианта межличностного дискурса в целом. Особая роль фатики в русском социокоде культуры свидетельствует, как представляется, о том, что она обусловлена «социальной наследственностью».

Для дальнейшего рассмотрения русского межличностного дискурса обратимся к классификации американского социолога Талкотта Парсонса, который различал функционально-диффузные и функционально-специфичные отношения между коммуникантами. Первые соотносимы с фатикой и выражаются в личностно значимом взаимодействии внутри ограниченного круга преданных друзей, что предполагает взаимопроникновение во внутренние миры друг друга. Вторые – направлены на реализацию конкретных целей и собственных интересов.

Согласно Т. Парсонсу, индивидуалистической культуре свойственны функционально-специфичные отношения, а культуре коллективистического типа – функционально-диффузные. Характеризуя последние, автор отмечал их первичность: «В диффузных структурах первобытных и архаических обществ, в которых родство, религия и политические интересы являются преобладающими, элементы этого комплекса жёстко фиксированы. Тем

не менее при определённых обстоятельствах в этих обществах развиваются рынки вместе с деньгами как средством обмена» [12. С. 108].

Раскрывая сущностные характеристики обоих типов, В. Ф. Чеснокова (К. О. Касьянова) привела следующие примеры. Если человек получит сообщение, что его друг оказался в тяжелой ситуации, то при диффузном общении он бросит все свои дела и обязательно поможет. Если же в общении сложились функционально-специфичные (конкретные) отношения, то адресат ограничится выражением сочувствия и, возможно, сочтет просьбу неуместной [13].

Особый интерес для рассматриваемой проблематики имеет следующий комментарий исследователя: «...никакой соцстрах нигде и никогда не обеспечивает человеку той уверенности и свободы, какую дает ему поддержка группы диффузного типа. А толерантность указанной группы проявляется в том, что в ней человек может быть самим собой, таким, каков он есть: играть роль и показывать себя кем-то, заранее придуманным, здесь просто невозможно». В этом проявляется интровертная природа русского самосознания, обращенного внутрь своего малого круга общения и склонного брать много от немногих [14. С. 285–286].

И здесь перед нами закономерно встает вопрос о становлении своеобразного социально-коммуникативного модуса бытия, в котором сформировался личностный способ существования в различных социальных ролях и была создана культура коллективистического типа.

2. К истокам социокода русского речевого поведения

Попытаемся раскрыть предысторию русского межличностного дискурса на примере так называемого «парадигматического случая дружбы». Согласно традиционному мировосприятию и сложившимся социальным нормам бытия, **дружба** характеризуется:

– **в социальной психологии** как «прочные и устойчивые, глубокие индивидуально-избирательные межличностные отношения, основанные на взаимной симпатии, эмоциональной привязанности, доверии и психол. близости субъектов общения, предполагающие их верность и преданность друг другу, взаимопонимание, активную взаимную помощь и поддержку. В качестве основных предпосылок формирования и развития дружбы выделяются факторы: территориальная (пространственная) близость субъектов, их принадлежность к одной социальной группе, наличие совместной деятельности, совпадение интересов и индивидуально-психологических характеристик, наличие объединяющего эмоционального прошлого опыта» [15. С. 204];

– **в философии** как «разновидность (наряду с товариществом и любовью) избирательно-личностных отношений между людьми, характеризующихся взаимным признанием, доверительностью, заботой. Исторически дружба рождается из институтов позднеродового общества <...> – родства, своячества, т.е. отношений между близкими, живущими в одном доме, и по-

братимства, т.е. отношений между сверстниками, совместно проходившими цикл инициации и сохранившими на всю жизнь узы солидарности» [16. С. 699–700];

– **в этике** как «межличностные отношения, основанные на общности интересов и взаимной привязанности. При этом отмечается близость дружбы к отношениям родства, товарищества и любви, в которых нашел отражение «исторический процесс дифференциации и взаимопроникновения инструментальных (практическая взаимопомощь и выручка) и эмоционально-экспрессивных (сочувствие, взаимопонимание) функций общения. В отличие от товарищества, дружба более индивидуальна и избирательна и предполагает не только общность положения и интересов, но и взаимную симпатию и эмоциональную привязанность» [17. С. 85–86];

– **в лингвистике** как «взаимная привязанность двух или более людей, тесная связь их; бескорыстная, стойкая приязнь, основанная на любви и уважении или на взаимных выгодах, взаимопомощь» [18. С. 496], и как «близкие отношения, основанные на взаимном доверии, привязанности, общности интересов» [19. С. 165].

Обобщая приведенные дефиниции, можно заключить, что русская речевая культура выработала уникальную социально-коммуникативную стратегию, которая ориентирована на достижение в межличностном общении искомого уровня взаимодействия, взаимопонимания и взаимоотношений. Обращает на себя внимание и тот факт, что в них специально не оговаривается фактор социального статуса друзей, что, по-видимому, свидетельствует о его неакцентированности в русском межличностном общении. Это позволяет рассматривать принцип взаимности как исторически сложившийся идеал и эмоционально-смысловой аттрактор речевого поведения, направленного на достижение согласия.

Действительно, «Толковый словарь живого великорусского языка» В.И. Даля раскрывает лексему *друг* следующим образом: «*такой же, равный, другой я, другой ты; ближний, всякий человек другому*» [18. С. 465–466]. Широко известен и афоризм Иоанна Златоуста: «Имеющий друга имеет другого себя» [1-ое Посл. к фесс. Сл. II 439] и пословицы, восходящие к Библейским текстам: *Нет выше той любви, как за друга душу свою положить* (Ин. 15.13); *Дружбу водить, так себя не щадить* (Притч. 18.25); *Надежный друг дороже денег* (Сир. 6.15); *Не имей сто рублей, а имей сто друзей* (Сир. 7.20); *Друг познается в беде* (Сир. 6.8.); *Друга не узнаешь в счастье, враг не скроется в несчастье* (Сир. 12.8), а также созвучные с ними: *Сам пропадай, а товарища выручай; Старый друг лучше новых двух; Конь познается при горе, а друг при беде* и др.

Чтобы приблизиться к истокам русского дружеского общения, обратимся к этимологии слова *друг*, которое в древнерусском языке имело значения ‘друг, товарищ, слуга, дружина’ [20. С. 270]. Что же касается лексемы *дружина*, то она, согласно историко-этимологическому анализу Ю.С. Степанова, восходит к прагерманскому корню *dreug- ‘прочно держаться вместе.

Примечательны и однокорневые слова, которые имели значение ‘лесок, роща’, а также «человеческий союз, основанный на прочной естественной или установленной обетом, обязательством связи – брак, семью, воинский союз и т. п.». Далее, рассматривая связи данного корня в балто-славянском ареале, исследователь писал: «В конечном счете, что небезынтересно, оказываются отдаленно родственными слова *Русь* и *друг, друзья, дружина* в самом русском языке» [21. С. 154–155].

В этом контексте позволим себе краткий комментарий. «Дружина-братство» во главе с князем-отцом сформировалась на Руси в X–XI веках, поэтому входившие в нее молодые люди считались между собой братьями. Существовала и младшая дружина, состоявшая из мальчиков 10–12 лет, а их наставниками были старшие дружинники (*дядьки*), которые подчинялись князю. Подобные воинские союзы существовали у многих европейских народов. Но, в отличие от рыцарских союзов, для русского княжеского воинства была характерна подчиненность на основе ритуального (названного) родства.

Данный тип отношений восходит к полигамной эпохе, когда все старшие мужчины большой экзогамной семьи считались отцами и членами фратрии, носящей имя первопредка-тотема. А входившие в эту фратрию молодые мужчины назывались (между собой) братьями [22. С. 147]. Рождавшийся при этом «кооперативный консенсус человеческих общностей» (Н.Н. Моисеев) способствовал появлению новых форм социальности и качественно новой (не-генетической) формы социальной памяти. В итоге «у человека возникли устойчивые характеристики генотипа, связанные с кооперативностью поведения. Это были уже врожденные, генетически обусловленные стереотипы поведения» [23. С. 66].

Позднее, с принятием христианства, термины родства использовались, следуя традиции общения первых исповедников веры, для называния священнослужителей и членов паствы. В качестве примера сошлемся на обращения *брат / братия* в «Деяниях апостолов»: ...*видишь, брат, сколько тысяч уверовавших* (21.20); *мужи братия и отцы! Послушайте* (7.2); *И ныне предаю вас, братия, Богу* (20.32) (всего: 20 раз). Так, в Древней Руси, кроме братьев по крови и дружинного братства появились монашеская братия и крестное братство. В этой связи вспомним и принятое обращение к пастве *Братья и сестры*.

Что же касается собственно дружеского общения, то оно воспринималось как освященное христианской заповедью *возлюбить ближнего как самого себя* (Мф. 22, 39). В итоге принцип взаимности, гармонизирующий диалогические отношения и бытие в целом, укоренял в русском языковом сознании ценностное представление о дружеском взаимодействии, взаимопонимании и взаимоотношениях как об искомом совершенстве (*entelecheia*). Так, по мере осмысления личностного опыта бытия язык приобретал экзистенциальное измерение, а речь – статус «экзистенциально-онтологического фундамента языка» [24. С. 187].

Таким образом, древнерусский концепт «дружина», с одной стороны, вбирал в себя архетип предков и унаследованный социокод бытия, в котором тесно переплетались собственно родственные, «свойские» (некровные), вероисповедальные и дружеские отношения. А с другой – был символом братства защитников Матери Сырой Земли (архетип Великой Матери), которая издревле служила объединяющим началом у славяно-русских племен.

В качестве иллюстрации семантической и духовной близости слов *брат / братья / братия* и *друг / друзья / дружина* приведем слова Дмитрия Донского перед Куликовской битвой: **Братья!** умрем за отечество. Слово мое, да будет делом! Бог нам прибежище и сила [25. С. 73] и обращения из «Слова о полку Игореве»: *Не лепо ли ны, братие, начати старыми словесы трудных повестей о полку Игореве...; Братие и дружино!* Лучшие жь бы потяту быти, неже полонену быти и др.

В целом обращения *братие, братие и дружино, дружина, князи и дружина* встречаются в «Слове» 9 раз, что создает атмосферу единения и соучастного бытия, восходящего к индоевропейской фратрии, а позднее – к представлениям о духовном единстве исповедников православного вероучения. По всей вероятности, древнерусский воинский устав складывался по образу общинной целостности, когда принцип иерархичности и строгой соподчиненности сочетался с православным пониманием всеобщего равенства перед Богом.

Примечательно, что во французской «Песне о Роланде» подобного рода обобщающие обращения отсутствуют. А в контекстах, где они могли бы возникнуть, присутствуют такие лексемы, как *seigneurs / сеньоры, barons / бароны, seigneurs barons / сеньоры и бароны, seigneurs Francais, / французы, chevaliers / рыцари* и некоторые др. Таким образом, характер обращений позволяет говорить о различных модусах существования княжеской дружины и королевского войска, а также о своеобразии стоящих за ними социально-коммуникативных доминант. В «Песне о Роланде» акцентируется личная преданность рыцарей королю Карлу, а в «Слове» – идея единства ради *земли Руськой* (см. об этом в [26]).

В этой связи заметим, что западноевропейская культура унаследовала античное понимание личности и такие типичные для нее черты, как доминирование в оценке человека представлений о его свободе, инициативности и способности к самореализации. Впоследствии это привело к развитию индивидуалистической культуры, которая существенно отличалась от русской культуры с характерными для нее представлениями об общих, единых идеалах и ценностных ориентирах.

В итоге для русской речевой культуры стало типичным употребление термина родства *брат* по отношению к соседям, приятелям, землякам, товарищам, друзьям, случайным попутчикам и т.п. Это определенным образом выравнивало отношения кровного и социального родства, гармонизируя общение в целом. В подтверждение сошлемся на следующие примеры из произведений А.С. Пушкина: *Я, братцы, мелкий мещанин...* («Моя родо-

словная»); *Кстати, братья, Терпенья вашего прошу...* («Евгений Онегин»); *Что, брат, тебе надобно?; Чья, брат, лошадь?; Опоздал ты, брат, с твоей запиской; теперь он уж сам у нее* («Станционный смотритель») и М. Ю. Лермонтова: *Спасите, братцы, Тащат в горы* («Валерик»); *Брат, слушай песню непогоды* («Поле Бородина») и, наконец, хрестоматийное: *Забил заряд я в пушку туго И думал: угощу я друга! Пстой-ка, брат мусью!* («Бородино»).

Что же касается повседневного бытия «русской народной личности» (Н.С. Трубецкой), то подобные обращения по отношению к незнакомым или малознакомым лицам оставались частотными еще в начале прошлого века. Предпринятый анализ повести «Среди рабочих» С. И. Подъячева («знатока народной речи» – А. М. Горький) выявил следующее соотношение обращений: *брат / братец / братцы* (42 %), *ребята / ребятаушки* (17 %), *друг / дружище / други* (11 %), *родной* (11 %), *батюшка* (7 %), *милый / миленький* (4 %), *православные* (2 %), *голубчик* (1 %) [27. С. 19–167].

Данная особенность проявляется и в современной разговорной речи. В качестве примера ограничимся следующими фрагментами из широко известных фильмов Э. А. Рязанова: *Попался, брат!* – торжественно произнес инспектор; *Э, нет, брат,* – улыбнулся Юрий Иванович. – *Я уже убедился, как ты отвечаешь на доброту* («Берегись автомобиля»); *Ой, братцы, господа, хорошо-то как!* — выдохнула Валя. — *Валентина, пошли, а то наши мужья замерзнут!* — вспомнила про мужей Татьяна. — *Надя, Ипполит, будьте счастливы!* («Ирония судьбы, или С легким паром»).

Привнося в повседневное общение черты внутрисемейного речевого поведения с естественной для него ориентацией на доверительные и теплые отношения, эти обращения утверждают самобытный модус бытия, который не типичен для носителей других западноевропейских лингвокультур¹. Как следствие, возникающая при этом ситуация может осложнить достижение взаимопонимания и вызвать определенные трудности в межкультурной коммуникации.

Такова, как представляется, предыстория ценностной установки на достижение взаимодействия, взаимопонимания и искомого уровня взаимоотношений, которая в дальнейшем легла в основу социокода русского речевого поведения.

3. Русский межличностный дискурс в межкультурной коммуникации

Анализируя понимание дружбы, характерное для русской культурной традиции, польский лингвист и культуролог Анна Вежбицкая относит его к этноцентричным, т.е. не обладающим универсальностью. Более того, ею было показано, что «друзья» признаются значимой социопсихологической ка-

¹ Насколько нам известно, подобное использование терминов родства встречается в испанском (*hijo / hija* ‘сын / дочь’; *hermano / hermana* ‘брат / сестра’) и в шведском (*fader / far* ‘отец’; *moder / mor* ‘мать’) языках.

тегорией не всеми культурами. «Таксономические категории отношений между людьми точно так же культуроспецифичны и лингвоспецифичны, как таксономические категории эмоций или речевых актов, и концепт, закодированный английским словом “friends”, не имеет в них привлекательного статуса» [28. С. 307].

В частности, рассматривая отражение дружеских отношений в русской и английской лингвокультурах, А. Вежбицкая обратила внимание на следующий факт. Английская базовая сетка располагает одной лексической единицей *friend*, а чтобы подчеркнуть свое отношение к адресату, используются выражения *close friend*, *best friend* и даже *best friends*. А в русском языке таких единиц – пять: *друг*, *подруга*, *товарищ*, *приятель*, *знакомый*. По мнению А. Вежбицкой, данная особенность отражает повышенный интерес носителей русского языка «к сфере отношений между людьми» [Там же. С. 311].

Сделанный исследователем вывод получил подтверждение в ходе анализа результатов ассоциативных словарей русского и английского языков. Так, Н. В. Уфимцева, изучая образы сознания русских и англичан, выявила особую значимость для русских понятия «друг» и присущую им *другоцен-тричность*, которая проявляется в потребности иметь друга, без которого человек ощущает неполноту своего личного бытия. Действительно, в ядре русского языкового сознания понятие «друг» занимает 9-е место и характеризуется как *верный (69)*, *из детства (33)*, *лучший (20)*, *близкий (16)*, *ми-лый (12)*, *единственный (9)*, *надежный (9)*, *настоящий (9)* и др.² Что же касается англичан, то в их образе мира *friend* занимает 73-е место и ассоциируется с такими понятиями, как: *enemy (22)*, *foe (19)*, затем – *girl (4)* и *good (4)*. Представляется значимым и тот факт, что ассоциацию с *friend* вызвали такие слова-стимулы, как: это *acquaintance (67)*, *companion (67)*, *college (50)*, *buddy (36)*, *neighbor (36)* + *neighbour (33)*, *ally (35)* [30. С. 29–30].

О существенных различиях в отношении к друзьям писала и американская исследователь Линн Виссон: «Для американцев друзья – это, скорее, люди, с которыми они связаны какой-либо деятельностью, скажем, играют в теннис или в гольф, вместе ходят ужинать. А в России *друг* – это человек, с которым можно делить последний кусок хлеба или поговорить по душам. Просто сидеть и говорить, говорить, говорить. На самые сокровенные темы... Друг – это и брат, и собутыльник, и родная душа, и надежная защита от внешнего мира» [31. С. 152–154].

В этом контексте обращает на себя внимание следующий факт. Согласно результатам проведенного социолингвистического исследования, направленного на изучение русского обыденного сознания, концепт «общение» включает представление не только об обмене информацией («разговор»), но и о характере общности («друзья») и о взаимопроникновении во внутренний

² По данным ассоциативного эксперимента (2008–2013 гг.), понятие «друг» заняло более высокое 7-е место, при этом друг характеризуется как *лучший*, *верный*, *близкий*, *детства*, *надежный*, *хороший*, *настоящий*, *родной*, *любимый*, *преданный* и др. [29. С. 7 и 126–127].

мир собеседника («беседовать по душам», «глубоко понимать друг друга» и т. п.) [32]. Приведенные выше оценки могут быть дополнены и положительным отношением к межличностному общению как средству «поддержания душевного контакта», несмотря на непрактичность этого занятия (Анна А. Зализняк). Таким образом, долговременная «другоцентричность» русского самосознания и ее доминантность в системе ценностей межличностного общения позволяют рассматривать концепт «друг» как русский «социальный архетип».

Искренность, открытость, доверительность, задушевность и интенсивность дружеских отношений, о которых пишут едва ли не все специалисты по русской культуре, воспринимаются носителями западноевропейских языков как нежелательные и обременительные, а представителями восточного и юго-восточного региона Азии – как шокирующие (см. об этом в: [33, 34, 35].)

Остановимся на речевом поведении носителей конфуцианских культурных традиций, основанных на коллективных принципах бытия и на идее иерархической организации семьи, коллектива и общества в целом.

Китайская этика «лица» традиционно исключала жизнь индивида «для себя», и личностное «Я» оказывалось под постоянным прессом должного благонравия, следуя правилу: *Все доброе приписывать другим, все дурное брать на себя*. Являясь частью семейного клана, человек сознавал себя включенным в единую социальную цепь и приобретал соответствующий статус (социальное «лицо»), предписывающий руководствоваться определенными этическими правилами. В итоге этика «лица» как доминанта речевого поведения практически нивелировала индивидуальное своеобразие, сводя общение к демонстрации масок, соответствующих этикету.

Таким образом, в сознании закреплялась подчиненность внутренней жизни человека этикетному «лицу» и воспитывались волевые качества, необходимые для преодоления себя. Позднее конфуцианская этика была дополнена такими ценностными ориентирами, как демонстрация «всеобщей любви» (*цзян ай*) и достижение «взаимной выгоды» (*сян ли*). Характеризуя современный китайский дискурс, отметим также приоритетность силы, трезвого расчета и практически полезного результата. Что же касается дружеских контактов, то они – и в настоящее время – по-прежнему ориентированы на идеал целомудренно-возвышенного общения, что не предполагает искренности и равенства в отношениях, так как одному из друзей предписывается быть старшим, а другому младшим. В итоге дружеское общение выглядит достаточно формализованным и служит благоприятной почвой для демонстрации знаменитых «китайских церемоний» [36. С. 554].

Японская речевая культура также традиционно исходила из этических постулатов, которые предполагали косвенное, ненавязчивое выражение мыслей и чувств, особую деликатность, исключаящую внесение в разговор какого-либо диссонанса, и строгий контроль за мимикой лица. Не принимаются японцами и эмоциональное восхищение или одобрение в свой адрес.

Это обусловлено тем, что японские «правила “чувствования” порицают непосредственную похвалу в адрес собеседника» [28. С. 666]. Разумеется, это не означает отсутствия у японцев стремления к взаимности. Но японский социокод гласит: *Этикет надо соблюдать даже в дружбе*.

Своеобразие отношений, «подобных дружбе», нашло отражение и в строго регламентированных правилах, учитывающих пол, возраст и социальный статус. Так, базовая сетка дружеских взаимоотношений включает такие лексические единицы, как *shinyu* ‘близкий друг’ и *tomodachi* ‘друг’, а также более официальный эквивалент *yujin*. При этом близкими друзьями японцы называют только лиц, принадлежащих одному полу. Есть еще слово *doryo* ‘товарищ по работе, коллега, имеющий тот же статус’ и собирательное *nasata* ‘товарищ по работе, игре, неформальному времяпрепровождению’. Обращают на себе внимание и достаточно сложные правила выбора приветствий и обращений (около 50 форм), которые ранжируются исходя из дихотомий: *высший – свой; высший – чужой; равный – чужой; равный – свой; низший – свой* и т.д. [37. С. 23–24]. Что же касается общения в современной молодежной среде, то оно существенно проще и в ней обращение по имени является типичным.

Корейское межличностное общение обнаруживает некоторую общность с японским. Традиционные поклоны при приветствии демонстрируют, с одной стороны, уважение к гостю или собеседнику, а с другой – самоуничижение. Так же как и японцы, корейцы избегают похвалы в свой адрес, включая свой дом, членов семьи, и предпочитают говорить о них в присутствии гостей, умаляя их достоинства. Подобное проявление скромности проявляется и в приглашении к столу гостей, и при их уходе, когда хозяин просит извинить его за недостойное высокоих гостей угощение.

Особое внимание к возрасту и социальному статусу собеседника предполагает знание его возраста, семейного положения и социального статуса, чтобы правильно построить отношения с ним. Проявление дружеского расположения и симпатии выражается в том, что корейцы одного пола могут ходить за руку или положив руку на плечо. Однако подобное поведение иностранцев воспринимается как нежелательное.

Корейцы не дают негативных ответов и используют уклончивые выражения: «я согласен с вами в принципе» или «я сочувствую вам». Предпочитается непрямая, двусмысленная коммуникация, позволяющая продемонстрировать уважение к собеседнику и сохранить гармонию. Этим, в частности, объясняется отказ от использования повелительного наклонения в общественных местах. Например, в корейских парках отсутствуют запреты типа «По газонам не ходить», но можно встретить: «Давайте не будем ходить по газонам».

Вьетнамский речевой этикет также предписывает придерживаться традиционной установки на гармоничное общение, исключая игнорирование принятых правил и норм поведения, закрепленных за той или иной речевой ситуацией, а также проявление эгоизма и нетерпимости в отношении к собе-

седнику. В этой связи отметим, что незнание социального статуса собеседника может стать причиной отказа от личностной формы общения. Подобная ситуация может вызвать у русских недоумение или даже серьезный коммуникативный дискомфорт.

Что же касается вьетнамцев, то они также испытывают социокультурный шок, сознавая, что к одному и тому же человеку носители русского языка обращаются по-разному: Владимир Сергеевич, Владимир, Володя, Володенька, Володька, Вова, Вовочка, Вовка, Сергеич, дядя Володя и др. Подобная реакция вполне ожидаема, так как во вьетнамском социуме действует правило: *Сколько имен, столько и людей*. К числу социокультурных особенностей может быть отнесено подчеркнутое внимание, которое вьетнамцы уделяют приветствию, о чем свидетельствует дошедшая до нашего времени пословица: *Приветствие ценнее подноса с едой*.

В целом стилистика речевого поведения, свойственная наследникам конфуцианской этической традиции, плохо сочетается с русским межличностным социокodemом, который не только избегает строгого следования этикетным правилам, но и допускает значительно больший диапазон в выражении отношения к адресату, речевой ситуации и предмету разговора.

Чем же объяснить это своеобразие русского межличностного дискурса, в котором этикет играет существенно меньшую роль, а личностное самовыражение – большую?

В поисках ответа приведем следующее рассуждение В.В. Колесова: «*Этикет* – слово французское, в русской речи ему соответствует сочетание *правила поведения*. Этикет как “совокупность внешних правил поведения в отношении к другим людям” не очень понятен русской ментальности; он воспринимается как принудительная мера в регламенте ритуала. Наоборот, *правила* – правильны, а *поведение* соотносится с глаголом *ведать*, то есть знать нечто сокровенное, владея особой информацией, и умело ею пользоваться в зависимости от обстоятельств. Не принужденно внешним образом, а в силу внутренней потребности самовыражения в социальной среде. За этикетом может скрываться недоброжелательство, осуждение или враждебность, а правила поведения требуют органически естественного общения – открыто, искренне и заинтересованно». Поэтому в русском восприятии следующие этикету западноевропейцы «притворяются» [39. С. 176].

Что же касается русских, раскрывающихся навстречу собеседнику, то они нередко производят впечатление не только невоспитанных, но и навязывающих свою дружбу. Поэтому знакомство с социокodemом культуры собеседника, включая сценарии «строительства отношений», номенклатуру ролей, освещенных традицией, стереотипы, нормы и правила речевого поведения, является важнейшим условием межкультурной коммуникации.

Заключение

Сравнивая межличностные контакты представителей различных лингвокультур, становится очевидной самобытность их ценностных оснований. Для западноевропейской, индивидуалистической, культуры характерны акцентуация личностного начала и потребность в самоутверждении, которые в известной степени ограничены принятыми этикетными нормами. Что же касается традиционно коллективистических культур, то для стран конфуцианского региона типично следование этике «лица», которая практически нивелирует своеобразие отдельной личности и нередко сводит общение к демонстрации масок, соответствующих этикету.

В русской традиции социальное бытие уходит корнями в индоевропейскую фратрию, а позднее – в православное миропонимание, ценности «семейно-родовой общины» (В. Г. Вернадский) и дружинного братства. Вместе с тем унаследованная православная социальность не только формировала личность соборную, но была обращена к личности каждого в его отношении к другому (*ближнему*). Поэтому принцип взаимности и «другоцентричность» русского самосознания воспринимались как отвечающие православным представлениям о должном личностном бытии.

Гармонизируя социальные различия, этот аттрактор способствовал самовыражению и полноте бытия, включая его эмоциональную, интеллектуальную и духовную сферы. В итоге на этом фундаменте возник самобытный социально-коммуникативный модус бытия, в котором личностный способ существования в различных социальных ролях и целостность как принцип организации коллективистской общности взаимно дополняли друг друга.

ЛИТЕРАТУРА

1. Соловьев В.С. Оправдание добра. Нравственная философия / Сочинения: в 2 т. – Т. 1. – М.: Республика, 1996. – 479 с.
2. Петров М. К. Язык. Знак. Культура. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 328 с.
3. Аристотель С. Метафизика. – М.: Эксмо, 2008. – 608 с.
4. Бахтин М.М. Литературно-критические статьи. – М.: Художественная литература, 1986. – 543 с.
5. Князева Е.Н. Холизм синергетики и недальность восточного мышления // Противоречие и дискурс. – М.: ИФРАН, 2005. – С. 45–62.
6. Зинченко В.П. Аффект и интеллект в образовании. – М.: Тривола, 1995. – 64 с.
7. Андреева Г.М. Социальная психология. – М.: Аспект Пресс, 2002. – 364 с.
8. Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии. – М.: Прогресс, 2002. – 656 с.
9. Винокур Т.Г. Говорящий и слушающий: Варианты речевого поведения. – М.: КомКнига, 2005. – 176 с.
10. Каган М.С. Мир общения: Проблема межсубъективных отношений. – М.: Политиздат, 1988. – 319с.
11. Бахтин М.М. Работы 1940-х – начала 1960-х гг. // Собрание сочинений: в 7 т. – Т. 5. – М.: Русские словари, 1997. – 731 с.

12. *Парсонс Т.* Понятие общества: компоненты и их взаимоотношения // Thesis. – 1992. – Вып. 2. – С. 94–122.
13. *Чеснокова В.Ф.* Язык социологии: курс лекций. – М.: ОГИ (Объединенное Гуманитарное Издательство), 2010. – 544 с.
14. *Касьянова К.О.* *Касьянова К.О.* О русском национальном характере. – М.: Академический Проект, Деловая книга, 2003. – 560 с.
15. Психология общения: энциклопедический словарь / под общ. ред. А.А. Бодалева. – М.: Изд-во «Когито-Центр», 2015. – 672 с.
16. Новая философская энциклопедия: в 4 т. / руководитель проекта В.С. Стёпин. – Т. 1. – М.: Мысль, 2010. – 744 с.
17. Словарь по этике / под ред. А.А. Гусейнова и И.С. Кона. – М.: Политиздат, 1989. – 447 с.
18. *Даль В.А.* Толковый словарь живого великорусского языка. – М.: Русский язык, 1978. – Т. 1. – 699 с.
19. *Ожегов С.И., Шведова Н.Ю.* Толковый словарь русского языка. – М.: ИТИ Технологии. – Изд. 4-е, доп. – 944 с.
20. *Черных П.Я.* Историко-этимологический словарь русского языка. – М.: Русский язык, 1993. – Т. 1. – 623 с.
21. *Степанов Ю.С.* Константы: Словарь русской культуры. – М.: Академический проект, 2004. – 992 с.
22. *Бенвенист Э.* Словарь индоевропейских социальных терминов. – М.: Прогресс-Универс, 1970. – 456 с.
23. *Хайдеггер М.* Бытие и время. – Харьков: Фолио, 2003. – 503 с.
24. *Моисеев Н.Н.* Логика универсального эволюционизма и кооперативность // Вопросы философии. – 1989. – № 8. – С. 52–66.
25. *Михельсон М.И.* Русская мысль и речь. Свое и чужое. Опыт русской фразеологии: сборник образных слов и иносказаний: в 2 т. – М.: Русские словари, 1994. – Т. 1. – 819 с.
26. *Владимирова Т.Е.* Концепт «брат» как архетип русского языкового бытия // Мир русского слова. – 2015. – № 2. – С. 47–53.
27. *Подъячев С.П.* Среди рабочих // Подъячев С.П. Деревенские разговоры. – М.: Советская Россия, 1975. – С. 19–167.
28. *Вежбицкая А.* Семантические универсалии и описание языков. – М.: Языки русской культуры, 1999. – 780 с.
29. *Шапошникова И.В., Романенко А.А.* Русский региональный ассоциативный словарь (Сибирь и Дальний Восток): в 2 т. – Т. 1: От стимула к реакции. – М.: Московский институт лингвистики, 2014. – 537 с.
30. *Уфимцева Н.В.* Культура как система сознания носителя языка // Материалы XII Конгресса МАПРЯЛ «Русский язык и литература во времени и пространстве». Т. 2 / под ред. Л.А. Вербицкой, Лиминя Лю, Е.Е. Юркова. – Shanghai: Foreign Education Press, 2011. – С. 24–33.
31. *Виссон Л.* Чужие и близкие в русско-американских браках. – М.: Изд-во «Валент», 1999. – 208 с.
32. *Куницына В.Н., Казаринова Н.В., Погольша В.М.* Межличностное общение. – Санкт-Петербург: Питер, 2001. – 544 с.
33. *Зализняк Анна А., Левонтина И.Б., Шмелев А.Д.* Ключевые идеи русской языковой картины. – М.: «Языки славянской культуры», 2005. – 544 с.
34. *Вежбицкая А.* Понимание культур через посредство ключевых слов. – М.: «Языки славянской культуры», 2001. – 288 с.
35. *Стернин И.А.* Введение в речевое воздействие. – Воронеж: Полиграф, 2001. – 252 с.

36. *Владимирова Т.Е.* Призванные в общение: Русский дискурс в межкультурной коммуникации. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010. – 304 с.
37. *Малявин В.В.* Китайская цивилизация. – М.: АСТ, Астрель, 2003. – 627 с.
38. *Аллатов В.М.* Категории вежливости в современном японском языке. – М.: УРСС: Либроком, 2009. – 152 с.
39. *Колесов В.В.* Язык и ментальность. – СПб.: Петербургское Востоковедение, 2004. – 240 с.

RUSSIAN INTERPERSONAL DISCOURSE IN THE SOCIAL COMMUNICATION SYSTEM

T.E. Vladimirova

This article is devoted to the social aspect of Russian interpersonal discourse, which is viewed through the prism of intercultural communication. Particular attention is paid to the analysis of the social and communicative strategy, which purpose is to achieve the desired completeness of interaction, mutual understanding and mutual relations in the interpersonal communication. The functional significance of the reciprocity principle makes it possible to regard it as a "social archetype" and an emotional-semantic attractor of communication. As a result, this foundation gave rise to an original socio-cultural mode of existence, in which the individual way of being in various social roles and integrity as a principle to organize a collectivist community – both mutually complemented each other.

Key words: interpersonal discourse, reciprocity, personality, socio-cultural mode of existence, collectivistic culture, intercultural communication.

МЕТАФИЗИКА ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУК И ФИЗИЧЕСКАЯ КИНЕТИКА ДЕМОГРАФИИ

И.С. Нургалиев

ФБГНУ ФНАЦ ВИМ

В данном сообщении обосновывается тезис, что метафизика математизированных наук успешно распространяется и на общественные науки. Излагается получение нового демографического уравнения, включающего слагаемые, отвечающие за рождаемость и смертность. Уравнение оказывается с противоположными знаками по сравнению с феноменологическим уравнением Ферхюльста. Обсуждаются качественные предсказательные особенности нового уравнения и его далеко идущие выводы. Критикуется апокалипсическая метафизика, унаследованная от дорелигиозной мифологии как в общественных науках, так и в космологии.

Ключевые слова: метафизика, нелинейное демографическое уравнение, рождаемость, режимы с обострением, устойчивое развитие, глобальные проблемы, мягкое моделирование, несингулярная космология.

Введение

Многим знаком афоризм Иммануила Канта «В любой науке столько истины, сколько в ней математики». Примечательно название книги, парфразом цитаты которой этот афоризм является. Точная цитата «В каждом отделе естествознания есть лишь столько настоящей науки, сколько в нем математики» принадлежит книге «Метафизические основы естествознания» 1786 года издания. (цит. по: Кант Иммануил. Сочинения: в 6 т. М.: Мысль, 1966. Т. 6. 743 с. С. 53–175 (Философ. наследие)). Метафизика, термин испытывающий ренессанс [1], не в последнюю очередь благодаря журналу «Метафизика», охватывает аристотелевской трактовкой, также и общественные процессы. Поэтому Кантовское позиционирование роли математики в науках вполне годится и для общественных наук. Давайте убедимся в этом.

Среди общественных наук демография имеет особое положение. Назовем только самые важные из них, помогающие в раскрытии темы данного выпуска журнала. Во-первых, здесь фигурируют числа первоначально, нет проблемы математизации, то есть математика демографии отнюдь не чужда. Это очевидно и тривиально. Во-вторых, демографические процессы сами можно рассматривать как своего рода показатели благополучия или неблагополучия общественных процессов в стране. Хотя их математически описывать и подвергать объективным измерениям совсем не просто. Социофизика только преодолевает путь к заслуживающему им месту на пьедестале

общепризнанных наук с важным вкладом в понимание социального и общественного мироустройства средствами физики. Поэтому численные показатели, временные тенденции, возрастные структуры и прочие математически более изощренные инструменты и приемы легко подбираются из современного количественного анализа, слегка шокируя демографов старой школы с менее развитой математической квалификацией. Все это делает демографию блестящим полигоном для рассмотрения роли метафизики, единой для естественных и общественных наук, а читателя считающего, что формулы в данной статье есть чуждые элементы с точки зрения метафизики общественных наук, приходится признать неправым. А неготовности отдельных профессиональных демографов использовать дифференциальные уравнения, несмотря на их замечательную гуманитарную эрудицию, следует считать огорчительным обстоятельством.

Демографические тенденции справедливо заняли достойное место в поле озабоченности общественности и становятся предметом анализа, прогноза, планирования и программирования социального и экономического развития. В то же самое время приходится признать, что достаточно научно обоснованные, в особенности математические, методы и подходы в области демографии не нашли пока своего воплощения в виде комплексного внедрения в требующемся масштабе в саму ткань экономической мысли. Представляемые результаты дебатировались в ряде международных и всероссийских конференций и рецензировались в институтах РАН по поручению Администрации Президента РФ.

Если многим выпускникам вузов метафизика вспоминается из вузовского курса диалектического материализма как лишь нечто, за что Ленин ругал Маха, то выпускники не виноваты. На то есть не только образовательная, но и фундаментальная причина. Дело в том, что каждый самостоятельно философствующий физик или творчески мыслящий философ даст свое определение метафизики, начиная с Аристотеля и не заканчивая никем. Поэтому можно предположить уместность формулировки авторской трактовки метафизики, которая, возможно, может показаться узкой, ограниченной, эгоцентричной. Для автора этих строк метафизика – это набор эстетико-этических пристрастий, предъявляемых им к моделям мироздания, включая естественнонаучные и гуманитарные сферы. Если хотите, требование красоты. Например, естественнонаучная теория должна быть по возможности компактна, по-своему проста и способна многое объяснять. «Ньютонианство» красивее «эпициклианства» даже в том случае, когда второе точнее эмпирически. В гуманитарной же сфере: справедливость, братская взаимопомощь и доброта красивее, чем «человек человеку волк», даже несмотря на то, что второй принцип, возможно, быстрее приведет к формированию более жизнестойчивой расы.

Предыстория

Взаимосвязь между ростом народонаселения и уровнем национального благосостояния имеет фундаментальный характер. Метафизическое осмысление демографии может включать и эту взаимосвязь. Тогда мы придем к простому «квазигедоническому» выводу, что, если люди уверены, что их дети будут жить лучше чем родители, они будут охотно оставлять большое потомство; а если не уверены – будут «осторожничать». Этот простой вывод, которого многие профессиональные демографы стесняются, по-видимому, из-за его недостаточной изощренности, тем не менее, позволяет сомневаться в базовых постулатах классиков о решающих ролях нехватки ресурсов, которые не выдерживают критики в свете современных возможностей использования новых технологий для производства большего количества продуктов питания и использования возобновляемых источников энергии.

В 1798 году английский экономист-священник в Ост-Индском колледже в Хейлибери Томас Роберт Мальтус (1766–1834) опубликовал свой «Опыт о законе народонаселения» [2]. Основные выводы Мальтуса до сих пор остаются дискуссионными, и, тем не менее, с него начинается любой экскурс в демографию. Мальтус придерживался чрезвычайно пессимистической точки зрения, ныне известной как мальтузианство, что население имеет тенденцию расти быстрее, чем запасы продуктов, необходимых для жизни людей, и что, следовательно, конфликты и кризисы неизбежны. Он утверждал, что, если сельскохозяйственное производство имеет тенденцию возрастать в арифметической прогрессии, народонаселение растет в геометрической прогрессии. Карл Маркс полемизировал со многими мальтузианскими принципами и формулировками. Он настаивал на том, что избыток населения, или в частности рабочего класса, зависит не только исключительно от детородного инстинкта и не только от наличия фиксированных резервов продовольствия, сколько от наличия возможностей для получения работы. По убеждению Маркса, углубляющийся кризис капиталистической системы имеет первоначально экономический характер и будет вытеснять все большее число рабочих в ряды безработных, что приведет некоторых аналитиков к ошибочному выводу об общем перенаселении общества. Следовательно, по Марксу, капиталистическое общество является источником проблем демографического характера, а решение проблем народонаселения кроется в оптимизации существующего социального и экономического порядка. Мы приходим к выводу, что эффективная экономика и социальная справедливость, и в особенности ощущение социальной справедливости и обоснованный оптимизм, – решение демографической проблемы (см. [3–7]). А эти принципы – метафизика!

О феноменологической модели

Демографические процессы, так же как и экономические, очевидно, не являются «официальным» полем исследований такой науки, как физика. Несмотря на это, неоднократно предпринимались попытки развитые методы физики применить в этой нетрадиционной для физики области. Во-первых, из-за колоссальной важности демографических проблем среди других глобальных проблем; во-вторых, возможно, интуитивным ощущением ожидаемой эффективности физических методов в моделировании демографических процессов как статистических, в чем физика уже преуспела. Аналогично происходит взрывообразный рост работ по эконофизике и, что более важно, реальность результатов, не лишенных таких признаний, как Нобелевские премии. Более глубокий ретроспективный взгляд на историю экономической мысли позволяет проследить предметно и четко просачивание идей физики и математики от Ньютона в научные круги Англии в сфере экономической и демографической теории через такие фигуры, как Давид Юм, Адам Смит и другие.

Алармистская традиция Мальтуса в демографии была продолжена относительно недавно выводами Римского клуба. Будем считать, что эти материалы общедоступны.

Многими авторами отмечено (см. [6–8], богатую библиографию в [9]), что весь массив глобальных демографических данных за многие века с поразительной точностью описывается моделью $\dot{n} = \alpha n^2$, где n – численность народонаселения, \dot{n} – ее производная по времени, α – постоянный коэффициент. Оценка статистической обоснованности (на самом деле – невысокой) такого утверждения и выявившаяся большая статистическая достоверность предложенной в данном сообщении более общей модели лежит за пределами данной статьи и будет предложена в более «технической» статье. Начнем с вывода, вытекающего из модели $\dot{n} = \alpha n^2$.

На основе такой простейшей модели можно было бы выдвигать закон с названием «закон одной сто миллиардной»: **средняя вероятность рождения девочки у произвольной пары мужчина-женщина жителей планеты в течение года, – была величина постоянная до середины XX века, равнялась такой же вероятности рождения мальчика и составляла с высокой точностью одну сто миллиардную.**

Демографические контуры устойчивого развития чертит простейшая нелинейность.

Уравнение гораздо более реалистической динамики народонаселения с учетом смертности при сохранении предположения статистической некоррелированности как рождений, так и смертей **выведен** автором из кинетических соображений

$$\dot{n} = \alpha n^2 - \beta n, \quad (1)$$

здесь α – одна вторая вероятности рождения мальчика (она такая же для девочек) у одной потенциальной пары в течение года, β – вероятность смерти одного человека в течение года.

Точка над символом обозначает дифференцирование по времени. Член, отвечающий за смертность, появившийся, как ни странно впервые, имеет ясный и четкий смысл – среднестатистическое распределение смертности по возрастам (младенцы рискуют при рождении, средний возраст – получают травмы, старики – болеют). Известно от демографов, например, что вероятность смерти в течение первого года жизни точно равна аналогичной вероятности 55-го года жизни. Тем самым в данной тоже достаточно простой модели среднестатистический человек уходит из жизни по тому же вероятностному закону, по которому распадается неустойчивое атомное ядро. В физикализме обвинять автора не следует – виновата математика с ее известной, но непостижимой эффективностью в описании реальности. Просто вероятность и распада ядра и смерти человека описываются одинаковым линейным дифференциальным уравнением, прямо пропорционально соединяющим эту вероятность с длительностью существования

Решение (1) имеет вид

$$n = \frac{\beta}{\alpha - (\alpha - \frac{\beta}{n_0})e^{\beta t}} \quad (2)$$

Равновесное значение – база для устойчивого развития человечества – в отличие от упомянутых моделей с бессмертными людьми – существует:

$$n_{\text{равновесн.}} = \beta/\alpha. \quad (3)$$

Например, при смертностях 10, 20, 50, 100 (на тысячу живых) при выполнении закона одной сто миллиардной соответственно получим 2, 4, 10 и 20 миллиардов. Это вполне согласуется с выводами из феноменологических моделей, например, прогнозов ООН. Простота и характер закономерности (3) впечатляют. Таким образом, идею устойчивого развития и соответствующую роль ООН в продвижении этой концепции в современном мире всячески следует поддерживать как реалистическую, а не занижать как утопическую, а авторитет ООН использовать для внедрения в жизнь идей устойчивого развития, демографической политики, а также идеи, которую на уровне одного государства принято называть гражданским обществом. В том смысле, что идее устойчивого развития следовало бы «овладеть массами и стать всесильной, потому что она верна на самом деле», если воспользоваться клише о коммунизме. Строго говоря, обнаруженное равновесное значение населения планеты (3) неустойчиво: n всегда, хотя и очень медленно при малых отклонениях в меньшую сторону от β/α , будет всегда убывать и уменьшаться асимптотически до нуля, а при малых превышениях β/α начнет сначала очень медленно возрастать, потом, правда, уже за конечное время, возрастая до бесконечности:

$$t = t_{\infty} = \frac{1}{\beta} \ln \frac{\alpha}{\alpha - \frac{\beta}{n_0}}. \quad (4)$$

Из-за слабой неустойчивости равновесия (3) к малым возмущениям хочется назвать ее мягкой неустойчивостью или даже квазиустойчивостью, несмотря на то что глобальная неустойчивость взрывная, с режимом обострения. При численности населения, близкой к равновесному значению, малейшее изменение параметров или возмущение текущего значения n в нужном направлении приводит к качественной смене одного режима на другой (бифуркация). Это является основанием для механизма эффективной регулируемой обратной связи тонкой демографической настройки для решения демографической проблемы (рис. 1).

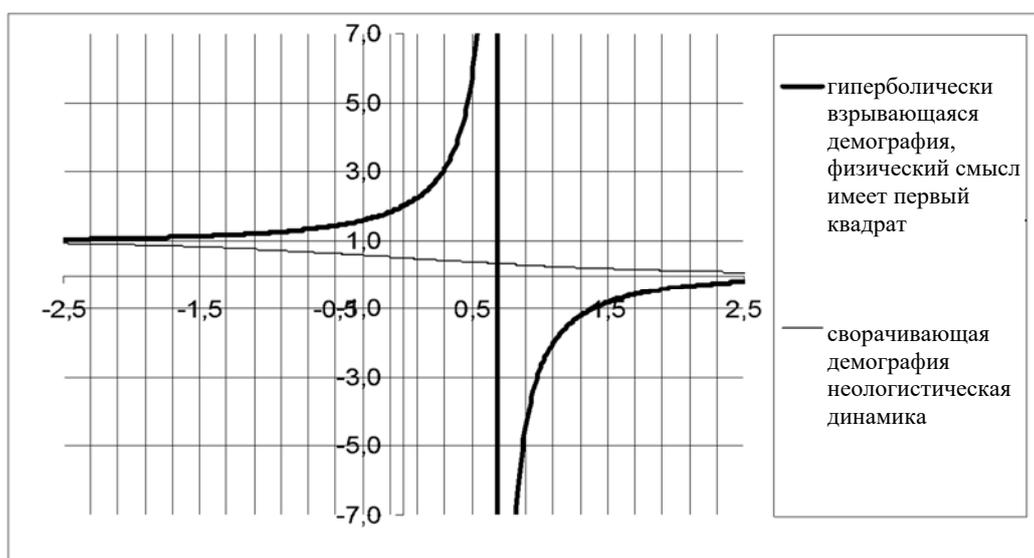

Рис. 1

Обсуждение

Вышесказанное применимо и для государства с обычным дополнительным математически тривиальным учетом миграции и иммиграции как неоднородных членов в динамической системе. А также, например, для конкретного сельскохозяйственного региона. Эти выводы демонстрируют существование основания для теоретически возможного ожидания положительного долгосрочного эффекта от инициативы Президента Путина при сочетании новой демографической инициативы с осмысленной в целом социальной политикой и другими компонентами стратегии развития. Это является не просто утверждением-надеждой, а выводом рассмотрения конкретного нелинейного характера процесса. Дело в том, что в ряде нелинейных явлений искусственное внешнее сопротивление развитию процессов (депопуляции, например), фундаментально характерных рассматриваемой системе, не только не приводит к остановке процесса, которому оказывается сопротивление, но, напротив, накачке потенциальной энергией для его дальнейшего

качественно (нелинейного) более сильного усиления, даже скачка. Или другой механизм, например, если причиной уменьшения популяции существ было исчерпание ресурсов (кормов), то добавление дополнительной порции особей приведет к еще более быстрому исчезновению популяции из-за более быстрого исчезновения кормов. Если не знать конкретный выявленный в данной работе характер нелинейности демографического процесса, действительно, как и происходит в академических кругах и в печати, можно опасаться такого эффекта последующего большего ухудшения из-за принятых мер, чем в случае отсутствия мер. Данная модель, показав чисто демографическую обоснованность обсуждаемой инициативы, раскрывает платформу для более отчетливого обсуждения иной – пожалуй, политической – неустойчивости программируемого развития, когда увеличивается именно та часть населения, которая решается на такой ответственный шаг, как деторождение под воздействием государственной помощи. И такое программирование происходит, когда и в государственном, и глобальном масштабе именно эта устойчивость (увеличивающийся разрыв между богатыми и бедными) – основная опасность. Возникает также вопрос о характере построенной политэкономической модели: почему этот материнский капитал не находится заранее в распоряжении матери? Как вышло так, что им распоряжается государство как в давно забытых образцах восточных деспотий?

Вывод о возможности равновесия с его вычисляемыми параметрами говорит, что критикуемая в последнее время концепция (глобального) устойчивого развития имеет теоретическую демографическую базу и может дальше развиваться в качестве канвы международной демографической политики, ровно как и платформа для более реалистических концепций устойчивого развития более локальных систем, таких как сельские территории (см., например, [11]).

Теорию горячо дебатированного демографического перехода можно представить на еще более наглядном языке нелинейного механического потенциала. Нетрудно показать, что системе (1) соответствует динамическое уравнение второго порядка, где произведены масштабные преобразования $t \rightarrow \beta\tau$, $n \rightarrow \beta m/\alpha$:

$$\ddot{m} = -\frac{\partial}{\partial m}V(m), \quad V = -\frac{1}{\alpha}m^2(m-1)^2. \quad (5)$$

Если вспомнить, что профиль потенциала (5) (назовем его демографическим потенциалом) в действительности переменен, то есть α и β зависят от времени, но значительно медленнее n , а предложенная модель строится на фоне пока неизвестной более медленной модели изменений α и β , то удастся построить красивую аналогию между демографическим переходом и физикой серфинга, катания на волнах. На рис. 2 проиллюстрировано проваливание серфингиста (он же и одновременно количество населения планеты) за гребень назад первоначально оседланной волны и прекращения скатывания с крутого склона. Заметим, что склон (он же одновременно и механический и демографический потенциал) и сам движется в том же направлении,

что и серфингист, и обгоняет серфингиста. В этот момент скатывание прекращается (на сленге серфингистов: происходит wipe out).

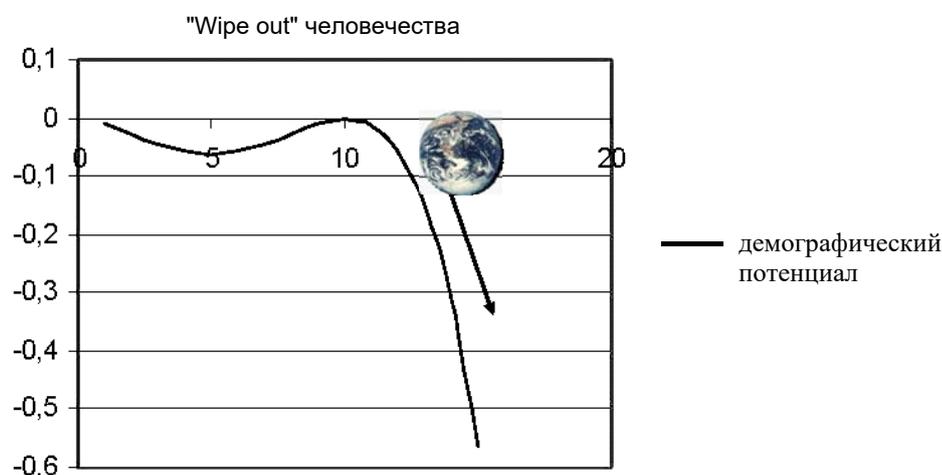

Рис. 2

Также в качестве обсуждения отметим, что открытие связи между приближением равновероятности при применении к одноклеточным существам приведет замечательным образом к очень красивому аналитическому логистическому закону, формально математически более чем хорошо известному — закону динамики роста популяции, например, одноклеточных каннибалов:

$$\dot{n} = \alpha n - \beta n^2. \quad (6)$$

Модель позволяет легко оценивать такие параметры как размеры, характеристики устойчивости (в этом случае и в сильном смысле) популяций и др. Отметим только принципиально существенно новую трактовку квадратного члена в этой «родственной» математически с демографической моделью.

Можно закон (1) назвать поэтому антилогистическим против логистического закона (6). Таким образом, математическая популяционная и демографическая теория в течение порядка ста лет, начиная с Мальтуса и Раймона Пирла, исследовала нижнюю область динамической системы от бифуркационной границы первого рисунка. Так как видим, что таким традиционным инструментом, как логистическая зависимость, оказывается, нужно пользоваться «беря его за другой конец», то есть поменяв закономерности смертности и рождаемости, то, оказывается, следует изучать верхнюю полуплоскость от бифуркационной границы, а не нижнюю, как это делалось в предшествующие примерно сто лет.

Приведем вид соответствующих модифицированных уравнений Лотки–Вольтерра с традиционными обозначениями x — количество жертв, y — количество хищников:

$$\begin{aligned}\dot{x} &= \alpha x^2 - \beta xy, \\ \dot{y} &= \delta xy^2 - \gamma y,\end{aligned}$$

где учтены обнаруженные в данной работе закономерности.

Дальнейшее развитие подхода включает синхронизирующие действия таких явно неучтенных факторов, как природные, политические [10–12], и т.д. Метафизика, единая для естественных и общественных наук, еще раз наглядно продемонстрирует эффективность [13].

Здесь также уместно обсудить пример неудачной метафизической установки в общественных и социальных науках. Упомянутый термин «устойчивое развитие», широко применяемый в русскоязычной литературе как перевод, а точное – как русскоязычный эквивалент «sustainable development», на самом деле не является таковым. Метафизическая установка, что устойчивость хороша, ложна. Устойчивое развитие в направлении тупика не есть то, что мы хотим. Правильная метафизическая установка для глобального развития это допустимость и даже приемлемость, а самое главное – готовность к потере устойчивости развития, наличие новых сценариев для развития. А устойчивое развитие как ложно понятая метафизическая альтернатива – путь к непременной большой потере неустойчивости, так как нигде не встречается непрерывное устойчивое развитие. Маленькие кризисы должны быть и должны пониматься, предсказываться и преодолеваться вместо того, чтобы пытаться предыдущему тренду придавать устойчивость.

Заключение

Унаследованная у религии апокалиптическая метафизика в общественных науках, в частности в демографии, свои позиции не сдает даже в XXI веке. Частичным объяснением этого является то, что религиозные мифы и архаичные дорелигиозные страшилки играют свою частично позитивную сдерживающую роль. Если маленькому ребенку запрещено самостоятельно убегать в дальний лес, потому что там водится леший, то, что ж, пожалуй, там, и вправду, еще и кикиморы есть. Реликтовые останки религиозной метафизики сохранились даже в современной космологии, молодой самой бурно развивающейся науке наших десятилетий. Пока весьма короткий век исконно научного и наблюдательного статуса этой науки не оспаривается и самими космологами. Этот «век» длится всего лишь считанные десятилетия. А самые ранние стадии эволюции представлений о Вселенной, например, восходящие к древнегреческому периоду, можно анализировать в терминах метафизики социальных и общественных наук. Потому что Вселенная была населена богами, ведущими очень бурную социально и общественно насыщенную жизнь, фривольность, разнообразие которой не могут позволить себе самые раскрепощенные современные люди. Поэтому не приходится сильно удивляться тому, что в космологии до сих пор встречается не только реликтовое излучение, но и реликтовая апокалиптическая метафизика.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Владимиров Ю.С.* Метафизика. – М.: Изд-во “Лаборатория базовых знаний”, 2002. – 550 с.
2. *Maltus Thomas.* Essay on the Principle of Population; 2nd ed. – 1803; 3rd ed. – 1806; 6th ed. – 1826.
3. *Нурғалиев И.С.* Энергопотребление и народонаселение: «антилогистический» характер демографического процесса // Математические методы и модели в исследовании государственных и корпоративных финансов и финансовых рынков: сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции. 10–11 декабря 2015 г. Ч. I. – Уфа: Аэтерна, 2015. – С. 105–108.
4. Неизбежность нелинейности: «антилогистический» характер демографического процесса / И.С. Нурғалиев // Международная школа «Математическое моделирование фундаментальных объектов и явлений в системах компьютерной математики – KAZCAS-2016». Международная научно-практическая конференция «Информационные технологии в науке и образовании – ИНТОН – 2016» // Труды школы и материалы конференции / под общ. ред. заслуженного деятеля науки РТ, доктора физ.-мат. наук, проф. Ю.Г. Игнатъева. – Казань: Изд-во Академии наук РТ, 2016. – 227 с. ISBN 978-5-9690-0323-1. – С. 152-161.
5. *Нурғалиев И.С.* Вихри новых рисков требуют пересмотра стратегий развития // Экономические стратегии. – 2011. – № 6. – С. 56–60. URL: <http://www.inesnet.ru/article/vixri-novux-riskov-trebuyut-peresmotra-strategij-razvitiya/>
6. *Нурғалиев И.С.* Физическая кинетика демографии // Национальная идентичность России и демографический кризис: материалы 2-й Всероссийской научной конференции (15 ноября 2007). – С. 150–161. – М.: Научный эксперт, 2008. – 860 с. ISBN 978-5-91290-018-1. Президиум АН РФ. Пленарный доклад.
7. *Нурғалиев И.С.* Новое фундаментальное уравнение демографической динамики и предсказания на его основе эффективности инициативы Президента РФ // Всероссийская научно-практическая конференция Россия: Приоритетные национальные проекты – Конференция «Инновации – молодежь». 16–17 ноября 2006 г. – М.: ИНИОН РАН, 2006.
8. *Forster H. von et al.* Doomsday: Friday, 13 November, A.D. 2026 // Science. 1960. – Vol. 132. – Discussion: Ibid. – 1961. – Vol. 133.
9. *Капица С.П.* Феноменологическая теория роста населения Земли // УФН. – 1996. – 166. – № 1. – С. 63-80.
10. *Капица С.П., Курдюмов С.П., Малинецкий Г.Г.* Синергетика и прогнозы будущего. – М.: УРСС, 2003.
11. *Баутин В.М., Лазовский В.В., Чайка В.П.* Саморазвитие сельских территорий – важная составляющая продовольственной безопасности страны (методология построения системы). – М.: ФГНОУ «Росинформагротех», 2004.
12. *Нурғалиев И.С.* Международный гелиофизический год – 2007 под эгидой ООН // УФН. – 2006. – Т. 126. – С. 566.
13. *Вигнер Е.* Непостижимая эффективность математики в естественных науках // УФН. – Т. 94. – С. 535–546.

METAPHYSICS IN SOCIAL SCIENCES AND PHYSICAL KINETICS OF DEMOGRAPHY

I.S. Nurgaliyev

A law of global demography is derived $\dot{n} = \alpha n^2 - \beta n$ where 'n' is the size of a population, 't' is time measured in years, 'a' is a half of the average probability of a birth of a male (the same for females) of a potential arbitrary parents pair within a year, 'b' is an average probability of a death of a person within a year. The first term is twice proportional to the half of population (number of males and number of females). The second term is responsible for death rate and has a clear and precise sense— death rates are constant in time but vary with position on the age scale (babies are at risk at birth, the middle aged are at risk of trauma, old men become ill). It is known to demographers, for example, that the probability of death within the first year of a life is precisely equal to similar probability for the 55th year of a life. Thus, in the given model, the average person dies under the same law as an unstable atomic nucleus decays. New demographic equation provides clear scientific simulation of the process and defends modern metaphysics from relict mythological apocalyptic motives.

Key words: metaphysics, nonlinear demographic equation, fertility, regimes, sustainable blow up development, global problems, soft modeling, Putin's initiative, cosmology.

СОЦИАЛЬНАЯ САМОИДЕНТИФИКАЦИЯ ВОСТОКА И ЗАПАДА КАК ОСНОВАНИЕ ИНТЕРРЕГИОНАЛЬНОЙ ИНТЕГРАЦИИ

О.В. Андреева, В.И. Юртаев

Российский университет дружбы народов

Статья посвящена проблеме формирования Мира глобализации, особенностям современного процесса международной интеграции в рамках монополярного и полицентричного проектов глобализации, выявлению их базовых характеристик по основаниям: «парадигма социокода – тип власти – тип хозяйствования», проблеме синтеза политики и экономики.

Ключевые слова: социокод, парадигмы «Я-Я» и «Я-МЫ», Мир глобализации, лидерство цивилизаций, тип власти и хозяйствования, синтез, интеррегиональная интеграция.

В третье тысячелетие своей истории Запад вошел в качестве мирового лидера и, казалось, оставалось только формализовать факт достижения всемирного господства. Но историческое время Мира Модерна, а значит, и парадигмы Я-Я истекло. В ситуации глобального транзита актуализировалась интенция всеобщего участия в гуманизации мира: мы сильны, когда мы вместе. Весь мир ищет ответы на вызовы глобализации и новый путь развития для всего человечества. Доминантой поисков глобального сообщества не случайно становится область духовного производства и глобальное сознание, поскольку в Мире глобализации «стратегическим ресурсом развития цивилизации выступает креативная способность человека» (А.И. Неклесса).

Отсюда значимость концептуального осмысления, то есть выбор парадигмы развития и повышенное внимание мирового сообщества к разработке глобальных проектов. Ведь решение глобальных проблем человечества требует объединения усилий и воли многих, в идеале – всех государств и правительств, создания условий для перехода земной цивилизации в новое качество через изменение присутствия человека в его среде обитания (бытия). Человек становится главным двигателем, объектом и ресурсом глобализации, и входящее в эпоху глобализации человечество в очередной раз должно определить его место в создаваемом мировом хозяйстве.

В основание определения парадигмы социокода положена интровертность или экстравертность, проявляемая человеком при выборе механизма решения тех или иных задач. Для Запада – экстравертность личности и жесткое отторжение (вплоть до сокрушения) внешнего по отношению к системе воздействия. Для Востока – интровертность личности и упругая ассимиляция (до аннигиляции) внешнего воздействия. Следствием всеобщей смены доминирующей парадигмы социокода становится вхождение мира в новую историческую эпоху, при этом отношения системной взаимозависи-

мости возникают по линии «доминирующая парадигма социокода – тип власти – доминирующий тип хозяйствования».

Согласно нашей концепции западные цивилизации последовательно прошли сквозь исторические эпохи Античности (Я-Я), Средневековья (Я-МЫ), Модерна (Я-Я). В то же время восточные цивилизации, куда мы расширительно включаем все страны БРИКС, самореализуются через парадигму Я-МЫ [13]. Примечательно, что две парадигмы последовательно менялись местами, что позволяет говорить как о возможности использования данного критерия для выделения исторических эпох, так и сделать вывод о циклическом характере смены доминирующей парадигмы социокода. В определенные моменты истории обе эти парадигмы могут находиться в состоянии динамичного равновесия, составляя бинарную оппозицию, что проявляется в социальном измерении человеческого бытия – политике, экономике, культуре.

В современном транзитном мире примат либо политики, либо экономики в сфере государственного устройства приобрел значение методологического принципа, определяющего тип власти – авторитарной и демократической соответственно. Принято первый тип власти (авторитарный, иерархический) соотносить с традиционным обществом, со странами Востока. Второй тип власти (демократический, иерархический) соотносится со странами Запада.

Тип власти задает матрицу соподчинения «политики» и «экономики» как движителей хозяйственного развития и определяет специфику внешней политики государства. Как правило, в условиях авторитарной власти приоритет в вопросах хозяйствования и участия в мировой политике отдается политике над экономикой. В демократическом обществе экономика ведет за собой политику, в том числе определяя национальные интересы стран на мировой арене.

В начале XXI века ведущим глобальным мегатрендом развития и интеграции человечества является глобализация. Переход к Миру глобализации (МГ; G-World – Globalizing World) реализуется в ситуации конкуренции двух основных проектов глобализации¹ – монополярного мира, который продвигается Западом во главе с США, и многополярного (полицентричного) мира, за который выступили, прежде всего, страны БРИКС². Результатом

¹ Феномен «глобализация» может быть осмыслен и одновременно реализуется в трех измерениях: как объективный исторический процесс, как идея и как проект. С учетом вышесказанного: «Глобализация – это объективный процесс перехода человеческого сообщества в новое общемировое качество в результате совместной реализации планетарных проектов» [подр. см.: 1–2; 3. С. 7–8].

² Объединение БРИКС (BRICS) возникло 18 февраля 2011 года (к группе БРИК, созданной в 2009 году – Бразилия, Россия, Индия, Китай – присоединилась Южно-Африканская Республика). Тем самым впервые возникла межрегиональная союзная группа «больших экономик» с потенциалом открытого «терминала» («Gate») в Африку, Азию, Европу и Латинскую Америку. Впервые аббревиатура БРИК была предложена аналитиками банка «Голдман-Сакс» в ноябре 2001 г.

этой новой глобальной бинарной оппозиции все заметнее становится конкуренция действующей центр-периферийной модели мировой экономической системы с возникающими новыми центрами мировой экономической мощи в Евразии.

Проект монополярной глобализации, который может быть определен и как проект «Глобальная Америка» (“Global America”, GA), реализуется в интересах сложившейся мирохозяйственной системы, когда экономика ведет за собой политику. Именно в этой логике, прежде всего, набирал силу процесс регионализации, включая все новые территории, независимо от типов политических режимов: последовательно расширялись Европейский союз (ЕС), Азиатско-Тихоокеанское экономическое сотрудничество (АТЭС), Северо-Атлантический альянс (НАТО) и др. Параллельно после 2001 г. актуализировался процесс геополитизации международных отношений на евразийском пространстве, особенно после вхождения США в Афганистан (2001) и в Ирак (2003).

В азиатской части Евразии процесс регионализации как первой фазы глобализации на рубеже тысячелетий проявился в изменении конфигурации пространства Содружества Независимых Государств (СНГ), возникновении региональной организации глобального типа в лице Шанхайской организации сотрудничества (ШОС), усложнении формата взаимодействия в рамках Ассоциации государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН), создании Евразийского экономического союза (ЕАЭС) и др. Параллельно наблюдалась актуализация процесса евразийской геоэкономической интеграции в формате предложений КНР по воссозданию «Великого Шелкового пути». В логике многополярного проекта принадлежность к той или иной региональной организации в Евразии понималась все больше не только и не столько как интернационализация связей, но как создание глобальной целостности, каждый элемент которой превращается в орган мирового организма. Политика играла ведущую роль в паре «политика-экономика».

Различные интеграционные процессы сопровождает феномен международного терроризма, что также свидетельствует о разности подходов к цивилизационному социокоду. Распространение терроризма в течение последних веков как рукотворного действия (когда терроризм применялся в целях демонстрации протеста, революционного насилия либо как политический акт) привело к небывалому масштабу этого явления. Терроризм сегодня угрожает самим основам существования земной цивилизации. Возможно ли бороться против терроризма как общемирового явления, угрожающего всему человечеству? Первая часть ответа понятна: терроризму может противостоять объединившееся мировое сообщество, которое договорится о том, какие действия квалифицируются как террористические и каково юридическое поле решения вопроса. Но главное – объединение мирового сообщества на пути мироустройства будущего как ненасильственной цивилизации. Великий духовный и политический лидер Индии Махатма Ганди считал, что в основу всей земной цивилизации должен быть положен всеобъем-

лющий принцип ненасилия. Народ Индии успешно применил сатьяграху, то есть ненасильственный метод борьбы за свою национальную независимость. Аналогичный метод используется духовными лидерами буддистов – далай-ламами Тибета. И еще один важный аспект. Это вхождение законов религиозной нравственности в государственную политику.

Всякое политическое действие должно быть нравственным, следовательно, религиозно оправданным. Позвольте вспомнить основные нравственные законы в религиях. В буддизме это «неделание зла, достижение добра, очищение своего ума» [4]. В христианстве – «возлюби Господа Бога твоим всем сердцем твоим, и всею душою твоею и всем разумением твоим. Возлюби ближнего твоего, как самого себя» [5]. В мусульманстве – «нет божества, кроме Аллаха, и Мухаммад – посланник Аллаха». Закон любви к Богу и к человеку как Его проявлению на уровне Земного бытия – главная религиозная заповедь и норма индивидуального и общественного поведения. На наш взгляд, пришло время распространить действие закона любви на международные отношения, придав им общечеловеческий характер.

В начале второй декады XXI века мир вступил в завершающий период переходного этапа, глобальная неопределенность, проявленная в двух проектах глобализации и сопровождающем их международном терроризме, сменилась доминированием проекта многополярности. Выражением этого стало появление нового интеграционного формата, который может быть определен как интеррегиональная интеграция. В 2009–2011 гг. евразийские лидеры (Россия, Индия, Китай) вместе с Бразилией (Латинская Америка) и ЮАР (Африка) сформировали объединение БРИКС. Суть БРИКС как своего рода «негативного консенсуса» (Р. Бауманн) заключается в коллективном отторжении монополярного мира. Как отмечали российские ученые, крупные страны периферии и полупериферии «оказались неготовыми к слишком сильной зависимости от ядра (too big to depend) – и политически, и экономически. Ядро же не обнаружило достаточных интеграционных возможностей, возможно, не случайно повернувшись к насилию (Югославия, 1999)» [6. С. 13]. Таким образом, к 2016 году процессы интеграции национальных информационных, экономических и транспортных деятельностных пространств, где согласие достигается в результате выработки единой парадигмы развития на базе консенсуса идей, вышли за пределы собственно Евразии.

На современном этапе БРИКС представляет собой не имеющую аналогов в истории модель международной интеррегиональной интеграции, в основание которой положен принцип равноправного диалога цивилизаций во имя более справедливого и гармоничного мира (подр. см.: 12. С. 24).

Создание БРИКС, прежде всего, стало ответом на недостаточность традиционных для XX века экономических и геополитических обоснований и мотиваций при определении приоритетов развития человечества. И дело даже не только в зримой разбалансированности мировой экономики и политики в начале XXI века. И не столько в растущей экономической мощи гос-

ударств – участников объединения БРИКС, ставшей естественным результатом их многолетнего мирного национально-ориентированного развития. Видимо, пришло время проявления новых измерений развития человеческой цивилизации и появления новых ведущих драйверов глобальных изменений.

В целом за годы своего существования БРИКС превратился в своеобразный клуб стратегических партнеров: «БРИКС – это альянс реформаторов в международных отношениях», стратегической целью усилий всех партнеров по БРИКС является «поэтапное превращение БРИКС в механизм координации действий как по стратегическим вопросам, так и по текущим вопросам мировой политики и экономики. На этой основе станет возможным превращение БРИКС в реально действующий элемент системы глобального управления» [7]. Эта цель была согласована на Дурбанском саммите 2013 года.

В ходе Саммита БРИКС в Уфе (Россия, 2015) лидеры стран-участниц утвердили Стратегию экономического партнерства БРИКС. В Преамбуле было заявлено, что на встречах на высшем уровне в Санья (2011), Дели (2012), Дурбане (2013) и Форталезе (2014) «лидеры БРИКС договорились о создании партнерства в интересах повышения стабильности, активизации роста и развития» [8]. В феврале 2014 г. была принята Кейптаунская декларация, закрепившая ответственность каждой из стран БРИКС по направлениям: «Бразилия – за смягчение изменения климата и последствий природных катастроф; Россия – за противодействие загрязнению окружающей среды и лучшее использование водных ресурсов, Индия – за разработку и применение геопространственных технологий; Китай – за развитие новой и основанной на возобновляемых источниках энергетики; ЮАР – за астрономию» (ст. 8) [9]. Следствием реализации Кейптаунской декларации должно стать более тесное экономическое партнерство в целях содействия восстановлению глобальной экономики, снижения потенциальных рисков на международных финансовых рынках (Новый банк развития) и активизации экономического роста в странах-участницах.

Важным итогом дискуссий 2014–2015 годов стало признание того, что визитной карточкой образовательного пространства стран – участниц БРИКС должны стать университеты, участвующие в реализации мегапроектов развития, нацеленных на обеспечение долговременных научно-технологических прорывов в интересах развития статусных в XXI веке отраслей промышленности. Это критически важно при решении глобальных вопросов развития, когда требуется обеспечить новое качество роста. В Уфимской декларации в этой связи было подчеркнуто «первостепенное значение высшего образования и научных исследований», отмечена прямая «взаимосвязь между инвестициями в образование, развитием человеческого капитала и приростом экономических показателей». Лидеры стран – участниц БРИКС приняли решение по учреждению Сетевого университета БРИКС (BRICS Network University) [10. С. 172–178], а также Лиги универси-

тетов БРИКС (ст. 63 Уфимской декларации), тем самым реализовав договоренности Саммита БРИКС в Бразилии (2014 г.) [11].

Успешность каждой из цивилизаций, представленных странами – участницами БРИКС, в конечном счете определяется более устойчивой положительной динамикой хозяйственного развития. Динамика хозяйственного развития (роста) цивилизации, как было показано, прямо определяется реализуемой в ней парадигмой социокода [13].

Парадигма социокода Я-МЫ является базовой для всех стран и цивилизаций БРИКС, а парадигма Я-Я – для стран Запада. В настоящий момент лидерство переходит от цивилизаций Я-Я к цивилизациям Я-МЫ. Неизбежная циклически детерминированная смена эпох уравнивает шансы западных и восточных цивилизаций на равный вклад в Мир глобализации.

В условиях сегодняшнего расширенного доступа к актуальной информации индивид, как и во времена исторического Средневековья, вновь начинает осознавать себя частью «более широкого универсума» (Арнольд Тойнби), ощущать вселенский характер общества. Это не что иное, как формирование внутренней установки людей на то, что они существуют в общем пространстве, в едином вселенском или глобальном мире. Это вновь эпоха торжества парадигмы Я-МЫ социокода развития мира, идущей на смену парадигме Я-Я (подр. см.: 13).

Традиционно парадигма Я-МЫ была свойственна как буддистскому Китаю, так и атеистическому СССР. Как и современный Китай, страны БРИКС реализуются в рамках светской модели развития, так и не завершив перехода к парадигме социокода «Я-Я». Если новым лидером мира станет Китай, то парадигма социокода «Я-МЫ» станет основой для новой социальной сборки мира, в котором глобально ориентированное сознание христианского Запада должно найти гармонию с менталитетом Срединной империи. Однако простое повторение цикла в условиях глобализации вряд ли возможно.

Как представляется, обе парадигмы социокода (Я-МЫ и Я-Я) должны измениться под воздействием глобализации, и, возможно, следствием этого станет синтез двух парадигм социокода развития мира. Можно предположить, что в этом случае у триады «парадигма социокода – тип власти – тип хозяйствования» появится требуемое логикой глобализации глобальное измерение. Власть в принципе может использовать политику и экономику в различных сочетаниях и тем самым корректировать динамику роста.

Когда доминантой глобального сообщества станет духовное производство и глобальное сознание, а стратегическим ресурсом цивилизации – креативная способность человека, как можно предположить, сформируется матрица сетевого взаимодействия на основе объединяющих человечество идей и норм поведения. Синтез политики и экономики возможен на основаниях морали и этики. Как представляется, объединительным началом мирового сообщества выступает именно нравственность. Диалог и партнерство цивилизаций Запада и Востока призваны содействовать использованию преиму-

ществ глобализации всеми народами и сократить пропасть между бедными и богатыми. Все народы мира должны ощутить себя одной семьей, в которой высшей ценностью является жизнь ради общего блага.

ЛИТЕРАТУРА

1. Попов А.К., Юртаев В.И. Глобализация: битва двух парадигм. – М.: ИНЭС, 2000.
2. Попов А.К., Юртаев В.И. Российский проект глобализации. // Актуальная Россия (вопросы экономической теории и практики): в 2 т. / под ред. Ю.М. Осипова, О.В. Иншакова, М.М. Гузева, Е.С. Зотовой. – М.; Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2000. – Т. 1. – С. 125–139.
3. Юртаев В.И. Особенности и реализация внешней политики Исламской Республики Иран (1979–2010 гг.). – М.: РУДН, 2012.
4. Дхаммапада. Стих 183.
5. Библия. Новый Завет. Евангелие от Матфея. Глава 22, стихи 37 и 39.
6. Салицкий А.И. БРИКС в условиях остановки глобализации с Запада // БРИКС: сотрудничество в целях развития: материалы IV Международной конференции / под ред. Г.Д. Толорая (гл. редактор), И.А. Айдрус, А.С. Филимоновой, В.И. Юртаева. – М.: РУДН, 2014. – С. 13–16.
7. Российский су-шерпа: БРИКС – это альянс реформаторов в международных отношениях. 30 марта 2015 г. – URL: <http://brics2015.ru/transcripts/20150330/29159-print.html>
8. The Strategy for BRICS Partnership.pdf. – P. 15–18. – URL: https://www.hse.ru/data/2015/07/09/1082902166/partnershipstrategy_eng.pdf; http://www.brics.mid.ru/bdomp/brics.nsf/Ufa_partnershipstrategy_rus.pdf
9. First BRICS Science, Technology and Innovation Ministerial meeting: Cape Town Declaration. 10 February 2014. – P. 3. – URL: <https://www.hse.ru/data/2014/08/05/1314135524/BRICS%20STI%20CAPE%20TOWN%20COMMUNIQUE%20OF%2010%20FEBRUARY%202014.pdf>
10. Подр. о Концепции Сетевого университета БРИКС см.: Концепция сетевого университета БРИКС / О.В. Андреева, С.В. Парфенова, Н.В. Сьюлькова, В.И. Юртаев при участии И.А. Айдрус, А.Ю. Борзовой, Н.С. Колесникова, Ю.Н. Мосейкина // БРИКС: сотрудничество в целях развития: материалы IV Международной научной конференции. Москва, 28 мая 2014 г. – М.: РУДН, 2014. – С. 172–178.
11. Форталезская декларация, п. 56 (Бразилия, 15 июля 2014 г.) // Sixth Summit: Fortaleza Declaration and Action Plan. – URL: <http://brics6.itamaraty.gov.br/category-english/21-documents/223-sixth-summit-declaration-and-action-plan>
12. Юртаев В.И. БРИКС: приоритеты для стратегии развития // БРИКС и Африка: сотрудничество в целях развития / III Международная конференция «БРИКС и Африка: сотрудничество в целях развития». Москва, 15 мая 2013 г. – М.: НКИ БРИКС; РУДН, 2013. – С. 17–25.
13. Юртаев В.И. Социокод и развитие мира // Метафизика, 2013. – № 2 (8). – С. 46–54.

SOCIAL IDENTITY OF EAST AND WEST AS A FOUNDATION FOR INTERREGIONAL INTEGRATION

O.V. Andreeva, V.I. Yurtaev

The article is devoted to the problem of forming a World of Globalization and discusses the features of the modern process of international integration in the framework of mono- and multi-polar projects of globalization, identifying their basic characteristics on the grounds: “the paradigm of the sociocode – the type of power – economic type”; synthesis of the policy and economy.

Key words: sociocode, I/I and I/We paradigms, Globalizing World, globalization, leadership of civilizations, type of power and management, synthesis, interregional integration.

УРОКИ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ

ЧТО ЕСТЬ И ЧЕГО НЕТ В СБОРНИКЕ «ИЗ ГЛУБИНЫ (1918)» *Размышления над страницами книги, не вышедшей в свет 99 лет назад*

В.Н. Катасонов

*Общецерковная аспирантура и докторантура
имени святых равноапостольных Кирилла и Мефодия*

В статье обсуждаются принципиальные вопросы, затронутые в статьях сборника «Из глубины» (1918). Сборник состоит из статей, написанных лучшими научно-философскими авторами своего времени: Н.А. Бердяевым, С.А. Аскольдовым, С.Н. Булгаковым, С.Л. Франком и др. Главными темами сборника были: религиозный смысл русской революции, особенности психологии русского народа, вина русской интеллигенции.

Ключевые слова: русская революция 1917, религиозный смысл русской революции, русская интеллигенция, психология русского народа.

99 лет назад с марта по апрель 1918 года по инициативе П.Б. Струве был собран и напечатан сборник статей о русской революции 1917 года «Из глубины». В нем приняли участие представители лучших научных сил тогдашней России: правоведы П.И. Новгородцев, С.А. Котляревский, И.А. Покровский, профессора политэкономии С.Н. Булгаков, П.Б. Струве, философы С.Л. Франк, С.А. Аскольдов, Н.А. Бердяев, Вяч. Иванов, публицисты А.С. Изгоев и В.Н. Муравьев. Однако представить этот сборник публике этим летом после убийства Урицкого и покушения на Ленина, в атмосфере начавшегося большевистского террора, не было никакой возможности. В 1921 году весь тираж сборника был арестован большевистской властью, только один экземпляр книги был вывезен Бердяевым за границу, где и был опубликован в 1960-х годах. Тем не менее одна книга хранилась в Спецхране Ленинской (государственной) библиотеки, и в 1970–1980 годах многие интересующиеся русской философией и историей московские интеллигенты имели самиздатовскую ксерокопию этого сборника. В России книга была издана в 1991 году в приложении к журналу «Вопросы философии» (вместе со сборником «Вехи»).

В 1909 году примерно тот же состав авторов издал книгу «Вехи». Книга «Вехи» носила подзаголовок «Сборник статей о русской интеллигенции», в нем авторы анализировали причины и смысл революции 1905 года, указывая на особую вину русской интеллигенции в подготовке трагических событий первой русской революции. Тема русской интеллигенции также одна из главных и в сборники «Из глубины». Однако неслучайно сборник носит подзаголовок «Сборник статей о русской революции»: подход авторов книги шире и глубже, анализу подвергается роль всех слоев русского общества. Общим знаменателем всех статей сборника является убеждение, что революция 17-го года была не просто социальной и политической революцией. Главный смысл революции лежит глубже, она имела религиозный смысл, она была *восстанием против Бога*. Само название книги, предложенное Франком, апеллирует к 129 псалму: «Из глубины возвах к Тебе, Господи!»

Не случайно уже первая статья сборника носит название «Религиозный смысл русской революции». Ее автор С.А. Аскольдов дает глубокий социокультурный анализ как революции вообще, так и русской революции 1917 года. Революции представляют собой своеобразную социальную болезнь общества. В них, как и в любой болезни органического существа, происходит ослабление сил единения, происходит «атомизация» этого единства, преобладание сил разъединения над центростремительными силами, обеспечивающими единство. В обществе силой, обеспечивающей единство, служит государство, и революция есть именно ослабление, разложение государственного образования, грозящее вообще смертью народного организма. Это разложение, распадение общественной жизни всегда имеет и определенный религиозный смысл. «Религиозная и революционная настроенность представляют два психологических образования, весьма трудно друг с другом совместимых; всегда одно возрастает за счет другого.

Революции готовятся и наступают обыкновенно на почве ослабления религиозного сознания. Это характерно как для древних, так и для новых исторических эпох. Религия всегда являлась силою, связующей государство со стороны его органического единства, в какой бы политической форме оно ни выражалось. И потому-то всякое революционное движение обыкновенно имеет перед собою в качестве подготовительной фазы тот или иной процесс увядания религии, иногда своего рода «век просвещения» [1. С. 213].

В России таким веком было XIX столетие, когда русская интеллигенция, отвернувшись от фундаментальных христианских начал жизни своего народа, уверовала в построение справедливой жизни на основе чисто рациональных представлений. Казалось бы, так просто, умные люди проанализируют ошибки существующей власти, устранят их и построят справедливую и счастливую жизнь для большинства народа!.. Однако история показала, что всем этим утопиям не суждено было сбыться. Оказалось, что общество, народ обладают своей социальной упругостью, сопротивляемостью, что народ это не безвольная инертная масса, пассивно соглашающаяся с любы-

ми социальными экспериментами. Именно потому, что народ состоит из людей, а человеку дана свобода, у него есть свои стремления, идеалы, верования. Эти идеалы и верования как раз и были тем основанием, на которых держался предыдущий социальный строй, и своевольный отказ от этого духовного фундамента социальной и государственной жизни, – для России – отказ от православной веры, – превращал человека в зверя и развязывал братоубийственную войну. В статье сделан принципиальный вывод: становление и само существование государственной власти невозможно без опоры на нравственное самосознание народа. Это нравственное самосознание укоренено в религиозном мировоззрении народа, в его представлениях об истине, правде, справедливости, имеющих не просто человеческое, а онтологическое значение. Для России это мировоззрение утвердилось со времен святого равноапостольного князя Владимира. Именно с этим христианским мировоззрением, тесно сплетенным с русской религиозно-политической идеологией монархизма, настойчиво боролась русская революционная интеллигенция. И революция, как своевольное опрокидывание существующего социального порядка, была, в своем корне, ударом именно по этому мировоззрению, была борьбой с русским Богом. Русский социализм был не просто социальной революцией, а бунтом против Бога. Именно поэтому революция обернулась не только материальной разрухой, голодом, поражением в войне, но и грандиозной культурной и нравственной катастрофой, озверением, одичанием народа в братоубийственной войне.

Эти общие соображения Аскольдова связаны с его представлениями об особом характере «души русского народа». Согласно философу, всякая душа трехсоставна, в ней есть *святое* начало, специфически *человеческое*, и *звериное*. Конституция души каждого народа имеет свои акценты. «Быть может, наибольшее своеобразие русской души заключается, на наш взгляд, – пишет Аскольдов, – в том, что среднее специфически человеческое начало является в ней несоразмерно слабым по сравнению с национальной психологией других народов. В русском человеке, как типе, наиболее сильными являются начала святое и звериное. Этот своеобразный душевный симбиоз может показаться странным. Однако, на наш взгляд, именно такое сочетание является наиболее естественным. Ангельская природа, поскольку она мыслится прошедшей мимо познания добра и зла и сохранившей в себе первобытную невинность, во многом гораздо ближе и родственнее природе зверя, чем человека. Правда, святость есть нечто иное, чем ангелоподобность. Но и она ей все же близка и возникает в преодолении специфически человеческой духовной культурности. Конечно, это сближение имеет силу, если в звериной природе иметь в виду кроме начал ярости и лютой также и начала мягкости, кротости и добродушия. Русская душа в этом отношении включает в себя все богатства этой природы» [1. С. 225]. Эти представления, не раз, впрочем, высказывавшиеся в русской литературе¹, требуют пояснения. Под

¹ Бердяев пишет в своей книге «Судьба России» (1914–1917): «В основе русской истории лежит знаменательная легенда о призвании и варяг-иностранцев для управления русской

специфически человеческим, гуманистическим началом философ понимает способность к культурному строительству, к построению индустрии, науки, образования, к политике (sic!), к самоуправлению и т.д. Нам, после опыта XX столетия, давшего такое цветение советской науки и образования, индустриализации страны, странно и даже обидно слышать подобные оценки. Но и XIX век, с его наукой и промышленной революцией второй половины, с его «золотым веком» русской литературы, с «серебряным веком» рубежа XIX–XX веков, также трудно согласовать с подобной точкой зрения. И тем не менее, по сравнению с западноевропейской индустриализацией, развитием там цивилизации, образования и науки Россия явно запаздывала. Не случайно большевики поставили индустриализацию одной из главных, если не самой главной задачей своего хозяйственного строительства. Но дело не только, и даже не столько в этом. Говоря о слабости гуманитарного начала в русском народе, Аскольдов имеет в виду построение именно *секулярной культуры*, без какой бы то ни было апелляции к религиозному мировоззрению. На Западе это разъединение культуры и веры произошло довольно рано, еще с Возрождения, и подошло к своей кульминации в так называемой Великой французской революции. В России же и индустриализация, проводившаяся во многом старообрядцами, имела своеобразный религиозный привкус, да и многие ученые-естественники не мыслили своих научных занятий без религиозного контекста (начиная с М.В. Ломоносова, Д.С. Аничкова, Н.И. Пирогова, А.А. Шахматова, В.И. Даля, академика И.П. Павлова, академика Лузина и т.д.). Именно пафоса построения гуманистической культуры, этого «Царства человека» на Земле, как призывал один из главных идеологов Нового времени и новоевропейской науки Френсис Бэкон, культуры человеческого комфорта и гуманистического общества и не было в России.

Даже и революция-то, по мнению, Аскольдова, также есть дело именно этого срединного гуманистического начала в психологии народа. Именно поэтому революции долгое время и не удавались в России. Восстания Разина, Пугачева, Болотникова были *русским бунтом*, а не революцией в гуманистическом смысле. Восстание декабристов было утопической попыткой путем переворота ввести республиканские начала в стране. Идея революции была непонятна русскому народу в целом, ею бредила лишь русская революционная интеллигенция, оторвавшаяся от духовных корней своей нации и уверовавшая в социологические схемы, созревшие на Западе².

землей, так как «земля наша велика и обильна, но порядка в ней нет». Как характерно это для роковой неспособности и нежелания русского народа самому устраивать порядок в своей земле! Русский народ как будто бы хочет не столько свободного государства, свободы в государстве, сколько свободы от государства, свободы от забот о земном устройстве. Русский народ не хочет быть мужественным строителем, его природа определяется как женственная, пассивная и покорная в делах государственных, он всегда ждет жениха, мужа, властелина» [2. С. 12].

² Вообще, политическая жизнь, как создание политических партий, их открытое публичное соревнование за власть была незнакома России, лишь в очень малой степени проявилась в

Особую роль в нейтрализации влияния революционной идеологии играла Русская православная церковь, подчеркивает Аскольдов. Социальное неравенство в форме крепостного права, существовавшее в России вплоть до реформы 1861 года, оправдывалось и особым пониманием христианства, существовавшим в России. «Специфическим грехом эмпирического тела Церкви ее государственной организации было то, что своеобразный религиозный талант православия и его своеобразный подвиг был слишком извращен и обращен на пользу злого начала. Тот талант, о котором мы говорим, состоял в преобладании религиозного чувства над религиозной волей, в особой интимности и непосредственности чувствования Христа. Именно специфический способ взаимодействия с Христом через чувство, а не через волю, как это более характерно для западного религиозного сознания, давал православия большую внутреннюю свободу. Жертвы воли восполнялись в православном сознании пламенем веры и религиозным терпением, сораспятием Христу в своих страданиях. Это таинство заместительной силы одной религиозной стихии в сфере другой было особым благодатным даром русского народа. Этим даром и оправдывалось некоторое пренебрежение к моральному закону, объяснялась возможность быть “полнотою мерзости” и в то же время всегда проясняться религиозным светом» [2. С. 232–233].

Культивирование смирения, как одной из главных добродетелей христианства, как подражания Христу, не только воспитывало русских святых, но и служило оправданием вопиющего социального неравенства. «Русь была до отмены крепостного права, а отчасти и после него страной рабов и рабовладельцев, и это не мешало ей быть “Святой Русью”, поскольку крест, несомый одними, был носим со светлой душой и в общем, и целом с прощением тех, от кого он зависел, поскольку и те, и другие с верою подходили к одной и той же Святой Чаше. Так праведность десятков миллионов очищала и просветляла в единстве народного сознания грех немногих тысяч поработителей, к тому же грех, часто ясно не признаваемый в качестве такового ни той, ни другой стороной» [2. С. 233–234]. И существовавший социальный порядок существенно опирался на этот столп православного терпения и смирения. «...Слово “рабская” не было позорной кличкой для России былых времен, поскольку это рабство как-то отождествлялось с “рабским видом” Христа. И эту тайну слияния если не понимало, то, несомненно, чувствовало народное сознание. И тогда не было места в России гуманистическому сомнению, нравственно ли это, допустимо ли это» [2. С. 234]. Но как только гуманистическое сознание стало развиваться в среде интеллигенции, так сразу отношение к крепостному праву стало резко отрицательным, это было уже «нарушением элементарных человеческих и гражданских прав». Лишь Александр II устранил этот соблазн, столь долго существовавший в истории России.

период между двух революций и во многом осталась непривычной и для современной, после 1991 года России.

П.Б. Струве в своей статье «Исторический смысл русской революции и национальные задачи» подчеркивает социологические и исторические особенности вопроса об освобождения крестьянства. «Освобождение крестьян было уже в XVIII веке поставлено как проблема личного освобождения крестьян-рабов, создания мелкой крестьянской собственности и землеустройства как условия рационального землепользования. Личное освобождение крестьян назрело уже во второй половине XVIII в., когда было отменено прикрепление дворянства к государству в форме обязательной дворянской службы, и потому оно запоздало на целое столетие, а это запоздание отсрочило и затянуло до нашего времени постановку и решение двух других сторон крестьянского вопроса – утверждение земельной собственности и упорядочение землепользования. Запоздание личного освобождения крестьян на столетие, и во всяком случае на полустолетие, было лишь выражением и следствием, в области социальной, той победы самодержавия над конституционализмом, которую русская монархия одержала в 1730 г. *Крепостным правом русская монархия откупалась от политической реформы...* Теперь для нас должно быть совершенно ясно, что русская монархия рушилась в 1917 г. оттого, что она слишком долго опиралась на политическое бесправие дворянства и гражданское бесправие крестьянства. Из политического бесправия дворянства и других культурных классов родилось государственное отщепенство интеллигенции. А это государственное отщепенство выработало те духовные яды, которые, проникнув в крестьянство, до 1861 г. жившее без права и прав, не развившее в себе ни сознания, ни инстинкта собственности, подвинули крестьянскую массу, одетую в серые шинели, на ниспровержение государства и экономической культуры» [3. С 464–466].

Критика русской монархии, тесно связанной с Православной церковью не только идеологическими предпосылками, но и организационной структурой, всегда оставалась и критикой Православной церкви. Особым соблазном здесь являлась фигура Григория Распутина. Аскольдов признает в своей статье религиозный талант Распутина, но подчеркивает зловещую роль, сыгранную им в русской революции. «Распутин был несомненно религиозный человек и человек, несомненно, понявший специфический талант русского религиозного сознания жить внутренне праведно в оболочке греха. Но он не понял, что талант этот сохраняется лишь в непрестанном подвиге страдания, терпения и сознания своей греховности. Вина этого человека перед Россией заключалась, конечно, не в его личных грехах, сущности и тяжести которых мы не знаем, а в том, что его циническое перешагивание через пределы религиозно, морально и общественно дозволенного получило общегосударственное и общецерковное значение и стало фокусом всей внутренней политики» [Там же. С. 235]. Соблазн Распутина подрывал русское доверие к религиозным основам государственной власти, открывал дорогу к ниспровержению монархии.

В свою очередь, русская революционная интеллигенция, осуществившая февральскую революцию, показала всю свою беспомощность в плане

государственного управления. Добившись отречения царя, выведя на улицу солдатские толпы, Временное правительство не смогло справиться с этой стихией, выиграть войну, удержать страну от большевистской диктатуры. Рассчитывая на политическую зрелость народа, на его гуманистическое культурное творчество, на Учредительное собрание, на свои силы убеждения, февральская интеллигенция просчиталась и в отношении народа, и в отношении самих себя. У народа не было политического опыта самоорганизации, власть в России всегда имела религиозную санкцию, и, разорвав связь веры и государства, интеллигенция подорвала основы народного правосознания, разбудила в народе зверя, подожгла русский бунт. Велеречивые заклипания ораторов не помогали, солдаты дезертировали с фронта, грабили своих же русских братьев, верх брали самые эгоистические животные начала. Власть была бессильна, и ее с помощью западных денег и интернациональных наемников «подхватили» откровенно антирусские большевистские авантюристы. Обуздать разнузданную стихию народного бунта смогла уже только кровавая баня, устроенная большевистской диктатурой, да и то не сразу, а лишь в результате изнуряющей гражданской войны.

Подводя итог, Аскольдов следующим образом формулирует религиозный смысл русской революции 1917 года: «Резюмируя его итог, мы сможем сказать, что смысл этот заключается прежде всего в обнаружении, а с тем и в обличении перед всечеловеческим сознанием трех видов зла, заключающихся в нарушении каждым из основных трех начал русской души своей нормальной функции в связи с остальными. Так, первым злом, хотя и скрытым в формах старого дореволюционного режима, и, однако, бывшим *primus movens* революции, явилась обособленность святого начала от человеческого – злоупотребление дарованной ему в виде особого таланта свободой от требований гуманистической этики и общественности. В этом случае религиозное начало причудливо сплелось с греховным и недостойным и в преломлении своем в низинах человеческого сознания отразилось загадочной фигурой достаточно молодежавого “старца”, чуть не святого и в то же время слишком прельщенного плотью, простеца и в то же время хитреца и лукавца. Второе зло обнаружилось в изолированном выступлении гуманистического начала в качестве самодовлеющей инстанции с негодными средствами адвокатской риторики, приведшем к победе зверя и над святым и над человеком. Третье зло злоба природного зверя, натравленного и на святое, и на человеческое во имя будущего царства зверя апокалиптического» [1. С. 246].

А.С. Изгоев в своей статье «Социализм, культура, большевизм» подробно останавливается на роковых ошибках русской интеллигенции, приведших к революции 17-го года. Все главные устремления интеллигенции, представления о государстве, политические, социально-экономические теории оказались ложными. Причем критиком этих теорий оказалась уже сама жизнь: беспомощность деятелей февральской революции в плане государственного управления, ведения войны, наведения внутреннего порядка. Рус-

ская революционная интеллигенция, проповедуя западную идею социализма, настойчиво боролась с любым проявлением «буржуазности», не понимая того, что эта буржуазность неотделима от того доброго, чего достиг социализм на Западе. «Все положительное, в создании чего прямо или косвенно принимали участие социалисты (имеются в виду западные социалисты. — *В.К.*), носит на себе неизгладимую печать “буржуазности”: социальное законодательство, рабочее профессиональное движение, кооперация, строение политической партии, тактика политической борьбы» [4. С. 366]. Большевики были совершенно правы, иронизирует Изгоев, осуждая западных социал-демократов в оппортунизме и буржуазности. И в то же время последовательное, по книгам, по прописям, проведение в жизнь социалистических идей явило миру то, чем он является сам по себе. «И весь мир, в том числе раньше других социалисты, ужаснулись, когда раскрылись эти кошмарные картины одичания, возвращения к временам черной смерти, тридцатилетней войны, великой московской смуты, неслыханного деспотизма, чудовищных насилий и полного разрыва всех социальных связей. Таковым оказался социализм действительно осуществленный, испробованный в жизни» [4. С. 365]. Все получалось так, как утверждал герой «Бесов» Достоевского теоретик Шигалев: «выходя из безграничной свободы», он логически приходил к «безграничному деспотизму».

Достоевский и его пророческие прозрения вообще чрезвычайно значимы для всех авторов сборника. Бердяев в своей статье «Духи русской революции» подробно обсуждает, как в творчестве Достоевского были осознаны соблазны русского сознания, угаданы «бесы» революционного кружения, предсказана трагедия русской революции. Бердяев объясняет тот недостаток внимания в русском сознании к срединному, гуманистическому уровню существования, о котором говорит Аскольдов, особым духовным устроением русской души. Русский человек, по Бердяеву, «...апокалиптик или нигилист, апокалиптик на положительном полюсе и нигилист на отрицательном полюсе» [5. С. 260]. Поэтому русскому человеку так трудно строить культуру, ибо культура требует уважения к срединному, историческому существованию, а русский человек, как апокалиптик, устремлен к концу истории, и любой вопрос сводит к вопросу о последнем смысле жизни, смысле истории. Русское искание правды жизни приводит или к апокалиптике, или к нигилизму. Но узел драмы состоит в том, что эти противоположности апокалиптики и нигилизма легко переходят друг в друга. «Нелегко бывает решить, почему русский человек отрицает государство, культуру, родину, нормативную мораль, науку и искусство, почему требует он абсолютного обнищания: из апокалиптичности своей или нигилистичности своей. Русский человек может произвести нигилистический погром, как погром апокалиптический; он может обнажиться, сорвать все покровы и явиться нагишом, как потому, что он нигилист и все отрицает, так и потому, что он полон апокалиптических предчувствий и ждет конца мира. У русских сектантов апокалипсис переплетается и смешивается с нигилизмом» [5. С. 261]. Эта же черта характе-

ризует и русскую интеллигенцию. Здесь также нигилизм и апокалипсис странным образом связаны один с другим, так что нигилизм может выступать в качестве своеобразной религии. Достоевский как раз и понял эту двойственность русского народа, подчеркивает Бердяев. Он осознал, что революция в России будет иметь совсем не тот характер, какой она имела на Западе, что русская революция феномен религиозного характера, в русской революции решается вопрос о Боге.

Философом русского нигилизма выступает у Достоевского Иван Карамазов. Он не желает принять Божий мир, поскольку в нем существует страдание. Даже одна слезинка замученного ребенка не стоит всей последующей мировой гармонии. Иван не атеист, он признает существование Бога, но он не принимает мира, созданного Богом, его пусть и неизвестных до конца, «неевклидовых» законов. Моральная позиция Ивана вызывает сочувствие, но ее духовный смысл показывает ее слабость. Он не желает принять божественный смысл жизни, желает смотреть на нее только с чисто человеческой точки зрения. Иван демонстрирует бунт против Бога, бунт на основе моральных представлений. Бердяев считает, что в основе позиции Ивана лежит ложная чувствительность и сентиментальность, ложное сострадание к человеку. «Русские сплошь и рядом бывают нигилистами-бунтарями из ложного морализма. Русский делает историю Богу из-за слезинки ребенка, возвращает билет, отрицает все ценности и святыни, он не выносит страданий, не хочет жертв. Но он же ничего не сделает реально, чтобы слез было меньше, он увеличивает количество пролитых слез, он делает революцию, которая вся основана на неисчислимых слезах и страданиях. В нигилистическом морализме русского человека нет нравственного закала характера, нет нравственной суровости перед лицом ужасов жизни, нет жертвоспособности и отречения от произвола. Русский нигилист-моралист думает, что он любит человека и сострадает человеку более, чем Бог, что он исправит замысел Божий о человеке и мире» [Там же. С. 265]. Во многом русская революция произошла именно из этого ложного сострадания, сострадания к страдающему народу. Проповедью этого сострадания постоянно прикрывались самые жестокие акции и преступления революционеров. Достоевский, подчеркивает Бердяев, раскрыл эту ложь революционного сознания.

Достоевский показал, что проповедь социализма у русских революционеров есть не пропаганда чисто экономического и политического учения, а претензия создать новую религию, противоположную вере христианской. «Достоевский – религиозный враг социализма, он изобличитель религиозной лжи и религиозной опасности социализма. Он один из первых почувствовал в социализме дух антихриста. Он понял, что в социализме антихристов дух прельщает человека обличем добра и человеколюбия. И он же понял, что русский человек легче, чем человек западный, идет за этим соблазном, прельщается двоящимся образом антихриста по апокалиптичности своей природы» [5. С. 268]. Революционная социалистическая мечтательность представляла, что русская революция построит справедливый и счастливый

мир на Земле, мир достатка и равенства, мир без страданий и без Бога. Достоевский ярко показал в своих пророческих образах, чем обернется этот мир. «Петр Верховенский так формулирует сущность шигалевщины Ставрогину: «Горы сравнять – хорошая мысль, не смешная. Не надо образования, довольно науки! И без науки хватит материалу на тысячу лет, но надо устроиться послушанию... Жажда образования есть уже жажда аристократическая. Чуть-чуть семейство или любовь, вот уже и желание собственности. Мы уморим желание; мы пустим пьянство, сплетни, донос; мы пустим неслыханный разврат; мы всякого гения потушим в младенчестве. Все к одному знаменателю, полное равенство... Необходимо лишь необходимое – вот девиз земного шара отселе. Но нужна и судорога; об этом позаботимся мы, правители. У рабов должны быть правители. Полное послушание; полная безличность, но раз в тридцать лет Шигалев пускает и судорогу, и все вдруг начинают поедать друг друга, до известной черты, единственно, чтобы не было скучно. Скука есть ощущение аристократическое» [Там же. С. 273]. В Легенде о Великом Инквизиторе Достоевский представил целостный образ того социализма, к которому вели русские мечтатели-революционеры. И начавшийся в 1918 году большевистский террор показал, как эти мечтания будут проводиться в жизнь... «Шигалевщина и есть иступленная страсть к равенству, доведенному до конца, до предела, до небытия. Безбрежная социальная мечтательность ведет к истреблению бытия со всеми его богатствами, она у фанатиков перерождается в зло. Социальная мечтательность совсем не невинная вещь. Это понимал Достоевский. Русская революционно-социалистическая мечтательность и есть шигалевщина. Во имя равенства мечтательность эта хотела бы истребить Бога и Божий мир. В той тирании и том абсолютном уравнении, которыми увенчалось «развитие и углубление» русской революции, осуществляются золотые сны и мечты русской революционной интеллигенции. Это были сны и мечты о царстве шигалевщины. Многим оно представлялось более прекрасным, чем оказалось в действительности» [Там же. С. 273].

Достоевский предсказал не только явление *шигалевщины* в русской революции, но и торжество *смердяковщины*, подчеркивает Бердяев. Проповедь пораженчества в войне, преклонение перед «заповедями» европейского социализма и было такой смердяковщиной русской революционной интеллигенции. У Достоевского Иван Карамазов совершает грех отцеубийства в душе, в духе, а Смердяков, вдохновляясь словами Ивана, что «все дозволено», реализует убийство на деле. Атеистическая революция также совершает отцеубийство, отрицает отечество на основе того, что власть была «плохой». И это убийственное отношение к отцу есть в революции смердяковщина. Но на это убийство «народ» был подвинут «интеллигенцией», и ненависть народа к интеллигенции в революции также была предсказана Достоевским в своем последнем романе.

Изгоев в своей статье пишет о Достоевском: «Десятки лет картины Достоевского считались карикатурой на русский социализм. Но для “имеющих

очи” уже в 1905–1906 годах видно было, что Достоевский пророчески прозревал в глубь событий. В 1917–1918 гг. об этом не может уже быть и спору. Что же дало возможность Достоевскому так зорко всмотреться в мрак грядущего? То, что он метко и точно схватил глубочайшую суть русского социализма, стремление немедленно, «на всех парах», как сказал Верховенский и повторили Ленин и Троцкий, создать на земле земной рай без Бога, без религиозной идеи. Для Достоевского было ясно, что вся нравственная культура, которой достиг современный человек, покоится на религии, на чувстве Бога. Можно спорить, во что верил Достоевский и какова была его вера, но нельзя забыть удивительных слов, вложенных им в уста Ивана Карамазова: “Не то странно, не то было бы дивно, что Бог в самом деле существует; но то дивно, что такая мысль – мысль о необходимости Бога – могла залезть в голову такому дикому и злему животному, каков человек, до того она свята, до того трогательна, до того премудра и до того она делает честь человеку”. Века христианства облагородили человеческую натуру. Православие воспитало душу русского человека. И когда теперь большевики сделали свой опыт, показали нам человека без Бога, без религии, без православия, показали его в том состоянии, о котором Достоевский говорил: “если нет Бога, то все позволено”, то весь мир ужаснулся этой, кровожадной, садически-злой обезьяны» [б. С. 367–368].

Можно было бы еще долго говорить о статьях сборника «Из глубины», приводить длинные цитаты, вызывающие восхищение глубиной мысли и совершенством формулировок. Но лучше будет, конечно, пригласить читателя самому прочесть эту великолепную книгу, памятник русской философской мысли и яркое свидетельство своего времени.

Чего нет в статьях сборника «Из глубины»

Книга «Из глубины» является ярким свидетельством своего времени, в частности и потому, что, читая ее, мы остро чувствуем, *чего в ней нет*, чем она отличается от нашего сегодняшнего понимания. В книге полностью отсутствует какое-либо сочувствие к арестованной царской семье. Некоторые статьи дописывались уже тогда, когда царская семья была расстреляна в Ипатьевском доме в Екатеринбурге. Конечно, авторы могли этого и не знать. Но они были прекрасно осведомлены об аресте Николая Второго и его семьи 8 (21) марта 1917 года. С начала 1918 года большевистская власть уже достаточно показала свой террористический характер, чтобы можно было не сомневаться в трагической судьбе арестованных. И тем не менее, в сборнике нет никакого даже упоминания об этой святой семье. Так велико было отталкивание от монархии и раздражение против нее. И, в то же время, как много сочувствия февральской революции. С.Л. Франк в своей статье «Deprofundis» (Из глубины) пишет о феврале: «Впервые родина стала истинно свободной для воплощения заветных своих идеалов, *лучшие русские люди стали у власти, еще лучшие, более энергичные и пылкие* подгоняли их

в осуществлении желанных целей, – и внезапно все это куда-то провалилось, и мы очнулись у разбитого корыта, хуже того, без всякого корыта и даже без старой, покосившейся, но все же родной избы (Курсив наш. – В.К.)» [7. С. 480]. Конечно, Франк, как и все авторы сборника, настроен резко против власти большевиков, против революционной интеллигенции, но, тем не менее, симпатии его на стороне основных принципиальных противников исторической русской власти: «Тот семинарист, который, как передают, при похоронах Некрасова провозгласил, что Некрасов выше Пушкина, предсказал и символически предуготовил роковой факт, что через сорок лет Ленин был признан выше Гучкова и Милюкова... И не рукоплескала ли вся интеллигентная Россия цинически-хамскому бунтарству тех босяков и “бывших людей” Горького, которые через двадцать лет после своего столь шумного успеха в литературе успели захватить власть и разрушить русское государство?» [Там же. С. 494]. Противоречие между сетованиями о разрушении русского государства и симпатиями к Гучкову и Милюкову, долгие годы сознательно расшатывавшими основы этого государства, просто вопиет. Неужели же авторы сборника не чувствовали этого противоречия?.. Многие из них отдали в молодости дань увлечению социализмом и даже пострадали за это. Со временем их философская позиция претерпела значительную эволюцию, они пришли к осознанию значения философского идеализма, стали сознательными противниками социалистических утопий, и большинство из них пришло к религиозному мировоззрению³. Но парадоксальным фактом остается то, что, уйдя от веры в утопические перспективы построения «счастливой жизни» согласно социалистическим канонам и придя к позитивному отношению к религии, они, тем не менее, так и не смогли усвоить русское представление о религиозной природе власти, воплощенное в русской истории и в отечественных трудах по теории монархии (см., например, книгу [8]).

В этом плане также и тезис о слабости чисто человеческого, гуманистического начала в русском народе, при всей своей претенциозности, оказывается на поверку довольно поверхностным. Да, возникновение университетов, науки, современной индустрии, правовой культуры, соответствующей системе капиталистического хозяйства, в России по сравнению с Западной Европой запоздали. Но разве бурное развитие цивилизации, науки, образования, правовые реформы XIX столетия не говорят об удивительной талантливости русского народа и в этой области? Да, политические реформы демократического характера в царской России шли с трудом. Однако разве можно делать из этого однозначный вывод, что в этом, де, проявилась слабость гуманистического начала в русском народе? Прежде чем говорить о слабости этого начала, нужно чтобы народ *хотел* развития этих демократических, республиканских начал. Прежде чем говорить о *не могу*, нужно сначала сказать *хочу*... Но русский народ в рамках религиозного мировоззрения

³ См. сборники: «Проблемы идеализма» (1902) и «Вехи» (1909).

понимающий власть монарха, как установленную самим Богом, подчинялся и поддерживал эту власть, и недоверие к ней понимал как религиозное маловерие, крайне предосудительного характера. Разве можно судить подобную позицию с точки зрения развития чисто земных человеческих государственно – правовых начал? Конечно, можно делать и это, но только при условии, когда демократические формы правления априори признаются более совершенными, более прогрессивными, чем авторитарные и монархические. Но именно это представление и было чуждо народному пониманию природы Верховной власти в России. И именно тем, что это представление так или иначе, в той или иной степени разделяли авторы сборника «Из глубины», объясняется факт, что они упрекали русский народ в недостатке «гуманистического начала». Неслучайно многие из авторов сборника были членами и входили в руководство кадетской партии. И их позицию в этом вопросе почти не изменяло то, что они уже нашли путь к религиозному мировоззрению (хотя и в разной степени).

Нет в сборнике и обсуждения роли в генезисе русской революции внешних России сил. Русская революция была действительно всемирно-историческим событием, в ее подготовке и проведении сыграли свою политическую, финансовую, идеологическую, национальную роль не только внутренние силы, но и многие мировые агенты. Без преувеличения можно сказать, что с этого времени, собственно, и началась эпоха глобального мира. Чем больше мы сегодня изучаем русскую революцию 1917 года, тем этот всемирно-исторический масштаб становится все яснее. В книге об этом очень мало. Но книгу, конечно, нет смысла осуждать за последнее. Сегодня мы знаем много больше того, что было возможным узнать авторам сборника в условиях революционного хаоса, в которое превратилась Россия в 1918 году. Многое тайное стало сегодня явным...

В заключении, еще раз призовем читателя всерьез познакомиться со сборником «Из глубины»: прочитать, кто еще не читал, перечитать, тому, кому книга уже была знакома. Она интересна и важна с обеих точек зрения: и с той, что некоторые высказанные в ней положения представляют собой глубокие прозрения в историческую природу революции вообще, и русской революции, в частности; и с той точки зрения, что даже и ее авторы, истинные мэтры русской научно-философской мысли своего времени, оказались также, по своему инфицированы идейными ядами, приведшими к русской катастрофе 1917 года. Книга также дает прекрасную возможность посмотреть на сегодняшнюю общественно-политическую ситуацию в России через призму событий 1917–1918 годов, увидеть опасную близость с предреволюционной эпохой начала XX века, увидеть все те же неизжитые грехи интеллигенции, все те же тупики общественного развития... Книга может помочь не повторить трагические ошибки прошлого. «Имеющий уши слышать, да слышит».

ЛИТЕРАТУРА

1. *Аскольдов С.А.* Религиозный смысл русской революции // Вехи. Из глубины. Приложение к журналу «Вопросы философии». – М., 1991.
2. *Бердяев Николай.* Судьба России. – М., 1990.
3. *Струве П.Б.* Исторический смысл русской революции и национальные задачи // Вехи. Из глубины. Приложение к журналу «Вопросы философии». – М., 1991.
4. *Изгоев А.С.* Социализм, культура и большевизм // Вехи. Из глубины. Приложение к журналу «Вопросы философии». – М., 1991.
5. *Бердяев Н.А.* Духи русской революции // Вехи. Из глубины. Приложение к журналу «Вопросы философии». – М., 1991.
6. *Изгоев А.С.* Социализм, культура и большевизм // Вехи. Из глубины. Приложение к журналу «Вопросы философии». – М., 1991.
7. *Франк С.Л.* De profundis // Вехи. Из глубины. Приложение к журналу «Вопросы философии». – М., 1991.
8. *Тихомиров Л.А.* Монархическая государственность» (1905, репринт 1992).

“FROM THE DEPTH (1918)” COLLECTION – WHAT IT IS ABOUT AND WHAT IT IS NOT (REFLECTIONS ON THE BOOK THAT WAS NOT PUBLISHED 99 YEARS AGO)

V.N. Katasonov

The paper deals with the questions of principle discussed in articles of the collection «Izglubin’i» (De Profundis) (1918). The collection consists of articles written by the best thinkers and philosophers of the time: Nikolay Berdiaev, Sergey Askoldov, Sergey Bulgakov, Semen Frank etc. The main themes of the collection were: religious sense of Russian revolution, psychology of Russian people, fault of Russian intelligentsia.

Key words: Russian revolution 1917, religious sense of Russian revolution, Russian intelligentsia, psychology of Russian people.

ПРАВО ЗНАТЬ – ИМПЕРАТИВ РАЗВИТИЯ РОССИИ

А.В. Коврига

Харьковский национальный университет имени В.Н. Каразина

А.А. Субботин

Центр военно-политических исследований МГИМО (У) МИД России

Изложен подход к извлечению уроков из осуществления Советского проекта; охарактеризованы вектор миропорядка в мире без СССР и основания и последствия для права знать и права на развитие; сформулирована проблема восстановления проектоспособности государства как условия преодоления катастрофического развития событий для мира и России.

Ключевые слова: уроки СССР, мировое развитие, образовательный процесс, право знания и императивы развития России.

Нам необходима философия в России,
всё развитие нашего ума требует её.

Иван Кириевский

Историей обладает только тот, кто жаждет и действует, выходит в будущее и определяет его своей волей.

Эрнст Кассирер

Урок, который Советский Союз преподнёс человечеству, неустрашим.

Достижения СССР и его влияние на мировое развитие – исторический феномен, который продолжает выступать узловым фактором, источником знания, служит контекстом в оценках происходящего в мире и в осмыслении стратегии нового, посткризисного глобального развития.

История – не партия в шахматы и далеко не окончена. Человечество находится только в начале пути.

Чтобы выявить катастрофические тенденции современного мира и со знанием дела, конструктивно войти в новый цикл истории, необходим анализ того, каким мир был «до», каковы были процессы в период существования СССР и что с миром происходит «после». Потребуется «снятие» опыта, извлечение «уроков СССР» [4. С. 18], рефлексия мирового развития «до», «с» и, после, «без СССР».

Императивом преодоления когнитивного дисбаланса между естественной и гуманитарной сферами познания сегодня выступают борьба за глобальный контроль производства знания, геополитика знания.

Стратегическая устойчивость, национальная безопасность и историческая перспективность современного государства зиждется на надёжном расширенном воспроизводстве доброкачественного знания. Проблема усвоения опыта СССР и его возвышающего преодоления не решена, а без понимания сути провалов, понимания скрытых, субъективных факторов как проблем безопасности невозможно овладение происходящим и выстраивание стратегии подъёма России как эффективного государства – аттрактора будущей глобальной цивилизации.

Один из принципиальных, приоритетных вопросов, которому и посвящён этот текст, заключается в содержании и структуре производства знания и организации образовательного процесса. А именно:

- а) в том, как исторической России и развивающемуся человечеству этот урок СССР следует извлекать;
- б) какого типа и какой структуры знания необходимы;
- в) кто и каким образом сможет использовать эти знания в деле управления своим развитием и созидания общего будущего.

Факт реализации проекта СССР делает отказ от суверенного проектирования общественного развития шагом очевидного регресса и причиной деградации. Но кому и в каких целях окажутся доступными знания и средства подобного типа проектирования? Кто является их эффективным акцептором, субъектом? Вопрос становления субъектности государства – это вопрос востребованности и восприятия такого рода знания.

Сегодня утверждать, что после «избавления от СССР» жить на планете стало безопаснее и веселее, а весь мир и Россия сделали целенаправленный программный шаг в своём восходящем развитии, было бы, по меньшей мере, рискованно. Как отмечают учёные из РАНХиГС, всё ещё не устранена угроза деградации российской государственности от слабой к несостоятельной [5. С. 21].

Предпосылки этой несостоятельности формировались на протяжении нескольких последних десятилетий. Происходило «попустительство или содействие разрушению (российской. – *Прим. авт.*) цивилизации, на которой исторически была выстроена эта государственность» [5. С. 32].

Ситуация деиндустриализации и депопуляции уже общеизвестна. Но это не фундаментальные факторы, а лишь видимость, осязаемые следствия. Объём накопленных и используемых на практике теоретических ошибок близок к критической массе, «особенно в таких областях, как культура, образование, в первую очередь – общее (то есть школьное) образование и воспитание, здравоохранение, наука, языковое пространство, межнациональные отношения, отношения между государством и религиозными организациями. Выход за «красную черту» (переход за лиминальную (пороговую) фа-

зу) – набор критического объёма указанных ошибок – может повлечь необратимые последствия для всей российской государственности» [5. С. 82].

Как и столетие назад, во всей остроте снова стоят всё те же вопросы о высшем смысле бытия: самосознании и самоопределении и их идеалах, познании, целях, направлениях, методах развития.

Воспроизводство цивилизации и государства связано с их образовательным отношением к миру и с миром. Своя цивилизационная картина мира. Это первооснова. За период с конца 1950-х до конца 1970-х в общественном сознании была в целом сформирована иллюзорная, идеализированная картина комфорта и благополучия трансатлантического мира, которая резко контрастировала со сложной и напряжённой, зачастую полной неустраиваемости реальной жизнью послевоенного и восстановительного СССР. В силу субъективно созданных провалов в производстве знания во второй половине XX столетия со временем образовалась интеллектуально-стратегическая пустота.

Пустоту, а главное, – гуманитарную, стали заполнять тем, что есть под рукой или что навязчиво предлагалось. Концепции, теории и критерии общественного развития были заимствованы из «передового мирового опыта». Таким образом, СССР стал постепенно размывать и, наконец, утратил собственные фундаментальные основания *своего* государственного строительства [2. С. 152; 5].

С середины 1960-х и до 1990 года на уровне принятия политических решений не было предпринято попытки вернуться к серьёзной теоретической проработке основ стратегического проектирования. Группа П.Г. Кузнецова не смогла убедить руководство страны в смене консервативного, инерционного курса. Напротив, под спудом набирал силу экономический склад мышления, ориентированный на отказ от принципов государственной стратегии и на слом планового хозяйства. Произошло прекращение деятельности СССР как единого социалистического государства.

За основу интеграции России в «цивилизованный мир» были приняты Либеральная доктрина и «Вашингтонский консенсус».

Каким же могло бы стать возможное дальнейшее реконституирование России внутри уже обозначенного евроатлантицентричного миропорядка?

Если добавление нового элемента меняет всю систему, то, в целях «безопасности системы», культурная, цивилизационная особенность, суверенитет нового элемента должны были быть полностью элиминированы. Могла ли элита Трансатлантики принять «новую капиталистическую Россию» в единое экономическое, культурное и военное пространство как себе равную?..

Трансатлантический мир, обладавший статусом метрополии в последние пять веков, реализуя свою установку на «окончательное решение вопроса мировой истории» и закрепление навечно своего глобального доминирования, принимает в «свои ряды» лишь при условии всеобъемлющей политэкономической и социокультурной структурной адаптации – structural

adjustment, безоговорочного принятия своего «ценностного» и культурного господства.

Международный порядок – Pecking Order, то есть сложившаяся топология власти и иерархический порядок, позиция тотального господства Запада, никоим образом не могут быть поколеблены, изменены или оспорены. «Вход» России в качестве суверенного государства принципиально изменил, переформатировал бы весь этот Pecking Order, если бы изначально в его устройении её культурно-исторический потенциал и цивилизационная уникальность не учитывались. Встал бы сакраментальный вопрос – кто во что вошёл и как изменился порядок в «очереди возле кормушки».

Оставленное за Россией после СССР «право вето» в Совете Безопасности ООН – едва ли не единственное исключение, за которое ещё потребовалось повоевать нашей дипломатии.

Поэтому в ходе «реформирований» и интеграции России в «цивилизованный» мир и был запущен процесс её геополитического убийства – разукрупнения, «упразднения» исторической России как одного из системообразующих, структурирующих факторов глобального масштаба.

Сегодня нарастает осознание необратимого фундаментального, исторического краха либерального проекта, а на повестку дня встаёт задача стратегии полнокровного реконституирования России в прежнем качестве – для начала как минимум как суверенного государства.

В чём же состоит ныне действующая геостратегическая проектность?

СССР задавал, уже одним фактом своего существования, глобальное направление исторического процесса, демонстрировал стратегические возможности проектного начала как преимущества, служил «катехоном миропорядка». С его упразднением было убрано, пожалуй, единственное препятствие для тотализации капиталистических отношений и господства евроатлантизма, эгокультурной структуры мира, неокOLONиализма и управляемого хаоса [6, гл. 33]. (Начался форсированный процесс достижения «конечных целей», но без осознания, что это и приближает конец проекта).

Складывается неограниченное глобальное «экономическое НАТО», которое при помощи Трансатлантического, Транстихоокеанского партнёрств и Соглашения по торговле товарами и услугами ставит под контроль львиную долю – 73 % мировой торговли товарами и 70 % торговли услугами; приватизации подлежат «государственные услуги» (ликвидируется государство как понятие); контроль сфер здравоохранения, коммунальных услуг перейдёт к транснациональным банкам и корпорациям.

Глобальное «образовательно-культурное НАТО» (Болонский механизм – только предтеча) подчинит сферу образования и культуры. Страны БРИКС и ШОС оставлены в изоляции, России отводится роль квазисырьевого придатка, неспособного самостоятельно участвовать в мировой истории и посылать значимые импульсы в мировую культуру.

Чем более убогой и малоэффективной будет складываться вся её социально-культурная, экономическая и политическая организация, тем меньше

шансов появления с её стороны стратегических сюрпризов, научно-технологических прорывов мирового значения, влияющих на самоопределение и стратегические ориентации других стран и народов, на самовольные побег из Прокрустова ложа, уготованного Западным проектом для всех народов.

Цель данного замысла – по сути, слом планетарного проекта «человек», отмена принципа человечности.

Изменение топологии всей мировой истории, всех типов отношений и форм государственности, закрепление «однополярности», правил, норм и институтов – как условий существования Imperium(a) [8. Р. 9] и доминирования США.

Геополитическая карта Спайкмена (рис. 1):

«Кто контролирует Римлэнд, тот контролирует Евразию. Кто контролирует Евразию, контролирует, управляет движением мира».

Бжезинский существенно расширил идею «Римленда/Пояса раздробления», включив в него бывшие советские республики Средней Азии и Кавказа. Так формируется «этнический котел» непосредственно у границ России. Бжезинский заимствовал у Пилсудского задачу периферийной стратегической дестабилизации в рамках «Евразийских Балкан» в качестве способа ослабления российского ядра и сохранения американской гегемонии. Тем самым будут предотвращены потенциальные альянсы континентальных держав, способные поставить под угрозу американский контроль над Евразией.

Концепция «Евразийских Балкан» Бжезинского является осевой в американском геополитическом мышлении. Если Маккиндер «конструировал» мировой остров и помещал Россию в его ядро, то Шпикман выделял противоречия и неустойчивости, а Пилсудский искал, как их использовать, Бжезинский осуществил синтез всего этого в стратегический императив американского доминирования.

Как полагает З. Бжезинский, институциональное закрепление за Империем всех политэкономических и военных ресурсов делает трансатлантическое сообщество всемогущим. Доступным станет глобальное политическое планирование и управление в интересах верхушки глобальной олигархии.

Что выступит окончательным геостратегическим успехом, «узаконит роль Америки как первой, единственной и последней истинно мировой сверхдержавы», США и ЕС составят «ядро глобального пространства политической стабильности и экономии», станут всесильны и будут диктовать свою волю в любой точке мира [1. С. 254].

Глобальный переворот должен быть закреплён в новых представлениях о международном праве. Жизненное пространство, дом Imperium(a) – вся планета – «the American homeland is the planet», его нормы универсальны [8]. «Секрет Империеума» – не просто транснациональное извлечение прибыли и накопление капитала под силовым прикрытием, но глобальная система

налогообложения – «The world is the tax base for Imperium» [8. P. 75]. Обоснована будет и презэмптивность [3. С. 29] – право на смену режимов и перестройку государств, не приемлющих регулятивы Imperium(a) [8].

Рис. 1. Геополитическая карта Спайкмена

З. Бжезинский предупредил, – те, кто не примет данный императив, будут погружены в хаос: «...перспективой человечества в ближайшие два десятилетия станет либо устойчивое движение к сообществу взаимных интересов, либо падение в пучину хаоса. Принятие другими американского лидерства является неременным условием избежания хаоса» [1. С. 502].

Предполагается, что в новой топологии Трансатлантическое и Транстихоокеанское партнёрства замкнут Азию с Европой в обход Евразии, которой предписан режим сдерживания развития и/или зоны разрастания перманентного хаоса. Очаги развития, неподконтрольные Трансатлантике, просто ликвидируются.

На повестке дня – «стерилизация» всего мирового пространства и окончательное освобождение его от последних понятий естественного права – государства и суверенитета.

Условием воспроизводства Запада является подчинение процессов развития своей власти. В ответ на появление Советского проекта в США (в Трансатлантике) оформилась *Метастратегия* – Grand Strategy, в соответствии с которой их безопасность будет обеспечена только после ликвидации всех иных общественных форм и способов государственного развития. Исторический процесс (повсеместно) из стихийного и неуправляемого намечено превратить в проектируемый и управляемый. Становясь частью глобального Запада, Россия полностью утрачивает свою цивилизационную идентичность и суверенитет.

Будет ли далее реализовываться проект перехода к «неоантичности» с сокращением населения планеты до 2 млрд или даже менее, остаётся вопросом пока окончательно не закрытым. Продолжается скрытно планомерно управляемое скатывание в бездну – на уровнях, трансформирующих сознание человека, его мировосприятие.

Наиболее фундаментальным и драматическим аспектом этих планов остаётся «эпистемоцид»: убиение исторического самосознания и проектно-способности – как эффект эпистемического евроцентризма.

Глобальная политика трансформации сферы образования – весомая часть политики укрепления господства и гегемонии через кастрацию мышления как познавательного метода: эмпиризм и позитивизм, методологический индивидуализм, философия истории и методы синтеза знаний, новые антропологические концепции типа трансгуманизма, постепенное смещение этических норм – всё это соответствующим, точнее коренным, образом скрыто влияет на судьбы отдельных стран и перспективу мирового развития в целом.

Геополитика «эпистемоцида» состоит в том, что «подлинным» выступает только то знание, производство которого выработано в соответствии «канонами/традицией мысли Западного человека». Любое базовое знание, в построении которого учитывается субъектность и/или незападная институциональная геополитическая принадлежность, трактуется как отсталое, нерелевантное, несерьёзное и ущербное. Дело в том, что ещё за 150 лет до декартовского догмата «Я мыслю, значит, я существую» (1637 г.), базовым лозунгом стал «Я покоряю, значит, я существую» – «I conquer, therefore I am». Реализация отношения «Я покоряю» – «ego conquiro» является предтечей, принципиальным когнитивно-социально-историческим генотипом Декартовского «ego cogito».

С началом Европейской колониальной экспансии в 1492 году «я покоряю» выступило основанием и условием самой возможности «я мыслю», создало условия для секуляризации всех атрибутов Христианского Бога и замещения Бога новым аксиоматическим «основанием знания». С покорением Евро-человеком всего мира Бог, как источник знания, был ликвидирован.

Богopodobность и эпистемические привилегии евро-человека достигнуты и утверждены с покорением Америки. Претензия на способность богopodobности и замещения божественного производства знания исходит из того, что некто оказывается способным мыслить себя в качестве центра мира, поскольку он уже покорил мир [7. Р. 77]. Для перехода от отношения «I conquer, therefore I am» к «I think, therefore I am», от «ego conquiro» к «ego cogito» необходима фаза «ego extermino» – отношение эго-истребления – это основное, фундаментальное социально-историческое структурное условие существования и производства знания евро-человеком. Я истребляю, я господствую, – я существую.

Новая мироевропейская экономика капиталистического знания оформилась в течение «долгого XVI-го века» – с 1450 по 1550 год. На основании колониальности власти были сконструированы «общемировые колониальные миро-эпистемические структуры» как основания для эпистемической привилегии Евроатлантики и «Западного человека». Теперь фундаментальным основанием существования и производства знания трансатлантической цивилизации и Западного мира выступают отношения покорённости (эго-истребления) и подчинённости мира [7. Р. 77]. Глобальная колониальность и сегодня представляет собой воспроизводство онтологической, политэкономической, социальной, расовой, но прежде всего, *эпистемологической* зависимости от Запада – как высшей формы современности, как Модерна.

Способ знания и образ жизни Запада выступает нормативом и основанием классификации для всего человечества. Все подлежат реформам модернизации – с целью приближения к западному «первому миру» – как универсальному идеалу.

Важнейшее онтологическое допущение, на котором основан современный мировой порядок, заключается в *вере* в то, что «Европейская цивилизация», «Запад» обладают особым, высшим историческим преимуществом, уникальной культурой и «расовым качеством», идеальной средой и особым духом, которые в совокупности обеспечивают непреодолимое превосходство над другими обществами – во все исторические времена и по настоящее время.

Профессор Джеймс Блаут трактует это отношение как «теорию распространения» – диффузионизм, или евроцентристский диффузионизм. Данная концепция трактует культурные процессы как «растекающиеся из европейского ядра в сторону «культурно-пустотного» неевропейского пространства. Это естественный, нормальный, логический и этический поток культуры, инноваций и достижений человеческого развития, заполняющий недоразвитые пустоты. Здесь Европа (Евроатлантика) – источник и находит-

ся в центре, вся неевропейская периферия – принимающая сторона, «реципиент». «Европейское чудо» состоит в том, что Европа оказалась более развитой и прогрессивной, нежели другие регионы мира ещё до 1492 года, до начала эпохи колониализма и интенсивного взаимодействия всех регионов. Если рассматривать развитость, опять-таки, именно с позиций самой Европы.

Якобы отношения колониализма не имели принципиального значения для построения капитализма и Европейского процветания, при этом для африканцев, азиатов и американцев колониализм должен рассматриваться не как тотальный грабёж и культурный геноцид, а безусловно позитивно, как приобщение к высшей, подлинной, Европейской цивилизации, как модернизация (не обошёл ли нас стороной этот порыв?).

Ибо все наиболее важные вещи, когда-либо случившиеся в истории человечества, происходили только в одной части мира – в «Большой Европе». (Большая Европа включает географический ареал самой Европы, а также, в части античной истории, некоторое расширение на юго-восток и включает «Библейские Земли» – от Северной Африки до Месопотамии и стран европейских колониальных поселений за морями. Бог создал человека в этом регионе: Эдемский Сад располагался где-то здесь – на берегах Средиземноморья и гор «Ближневосточной» Азии. Отсюда: подлинная цивилизация проходит победным маршем от Афин к Риму, затем в Париж и Лондон, и перебирается в Новый Свет, в залитый огнями Нью-Йорк.)

Неевропейцы мало что привносят в мировую историю. А если что-то и делают в этом плане, то только в результате позитивного европейского влияния. Колонизованные народы учатся у своих колонизаторов, японцы и те лишь успешно имитируют и т.д. Европейцы ярче, лучше, смелее, нежели «все остальные»...

Институциональный процесс и мировая история происходят в рамках такого «Европейского тоннеля» с односторонним движением. Эта схема тоннельной истории попросту игнорирует значимое существование не-Европейского мира. Главным «строительным блоком» современности является Европейский. Не-Европа – Азия – Восток библейских земель, Африка, Латинская Америка, Океания рассматриваются только как регионы европейской колониальной деятельности.

Поскольку факт СССР не сместил, а разрушил стройную монополию на легитимность трансатлантической системы власти и глобальных отношений колониальности, непредвзятое историческое знание о нём, о содержании советского (социалистического) проекта и сути его достижений и промахов, о его влиянии на мировую историю и современность, является и в будущем останется предметом острой геостратегической, геокультурной и геополитической борьбы, войны смыслов.

Истребление памяти служит ликвидации способности уже разделённого в себе и отчасти рассеянного по всему миру Русского Мира (и вместе с ним всего мира) к проектированию разнообразных форм передового, эффективного справедливого развития, преодоления нынешнего острейшего гло-

бального кризиса, острая фаза которого ещё только впереди. Забвение уроков и опыта СССР (равно как горького, так и позитивного) – ограничивает проектоспособность России, умаляет шансы на построение её суверенного будущего.

Знание свершённого, достигнутого советским Проектом и того, какие внутренние проблемы он не разрешил, что в его ходе не удалось, является подлинно стратегическим ресурсом, которым в современном мире не обладает больше никто, кроме нас, что должно стать фундаментом и уникальным инструментом *мышления* – качественного, развивающего действия.

Фундаментальная причина разрушения СССР – провалы в производстве знания, в непонимании феномена единства и всеобщности образовательных отношений человечества, в самом допущении эпистемологической зависимости от Запада [7. Р. 89].

Во многом именно поэтому СССР не обеспечил прочности и необратимости достигнутого им советского уровня общественного сознания. Самое страшное – смотреть на общественно-исторические события, в которых мы пребываем и в которых «находимся», через призму старых теорий, ветхих и отвергнутых концепций и представлений, эпистемологические основания которых – занесённые к нам западным ветром.

Пользование такими представлениями делает народы настоящими узниками, лишает возможности творческой деятельности и подлинной, целеустремлённой жизни.

Тем самым, утратившие свою идентичность, народы, со временем, оказываются вне истории. Не имея ориентиров, они не могут осознанно и коллективно действовать, впадают в процессы разложения и имитации существования.

Историческое и проектное сознание составляют единство, соцелостность, поэтому будущее государств и их право на развитие будут определяться отношением к проблеме геополитики знания, восстановлению проектоспособности и «эпистемического суверенитета» как условиям формирования многополярного, динамичного мира, имеющего шанс на будущее.

Необходимы глобальная дискуссия о деколониальной политике знания [9] и фундаментальная разработка категории и всего спектра отношений снятия: миру важно избавиться от разгула отношений эго-истребления – «ego extermino», выходить к «развивающим и возвышающим снятиям», увеличению разнообразия и степени идеализации. Производство знания должно быть освобождено от доминирования экономизма, отношений колониальности, агрессии, матрицы либерального центризма [10. Р. 246–247].

Судьба российского университета тесно связана с восстановлением и развитием мышления как прежде всего проектоспособности, извлечением исторических уроков СССР. Среди прочего важнейшей качественной стороной университетских разработок должны стать системное выделение процессов мирового развития, «больших пространств и больших исторических длительностей» – *large space* и *longue durée*, глобальная политическая антро-

пология и политэкономия исторического и проектного знания – как взаимодействие различных цивилизационных представлений о стратегиях развития человечества и обустройства планеты как ковчега разумной жизни.

Фундаментальная угроза национальной безопасности – утрата суверенности в познании, в научно-познавательной, образовательной политике и эпистемологической стратегии. В большом ходу – институционализация отношений глобальной «политической экономии» знания – когда процессы знания (производства знания, образования и культуры в самом широком смысле слова) жёстко привязываются к мировым финансам и эмиссии доллара как основной мировой валюты.

Критичность ситуации России заключается в том, что за период «без СССР» была выстроена целая стратегическая знание-финансовая сеть, инфраструктура. Это глубоко коррупционная практика.

Ключевые высшие институты государственного управления, разработчики стратегий и политик львиную долю своего финансирования получают из внешних источников – Мирового банка, USAID, частных фондов (например, ГУ ВШЭ, Институт Гайдара, РАНХиГС и т.д.), а большинство ведомств и министерств, системообразующих российских предприятий, университетов и пр. стали прямой клиентурой производства стратегического знания «от» евроатлантической цивилизации, они подключены к американским университетам и «стратегическому консультированию» транснациональных корпораций – типа PwC, Ernst&Yang, Deloitte&Touche, McKinsey&Co. и др.

Страна вышла к пограничной ситуации, когда может быть утрачена суверенность в выработке стратегических знаний в познании мира. Недавнее обращение Минэкономразвития РФ к ведущим транснациональным банкам (JP Morgan, City Group, Goldman Sachs, Credit Suisse, Deutsche Bank, Merrill Lynch, Morgan Stanley, Barclays, BNP Paribas, RBS, UBS, Raiffeisen, UniCredit, SG Corporate) выступить операторами в процессах приватизации лишь подтверждает глубину данной тенденции.

В период СССР образование – как мировое, международное и общественное государственно-политическое отношение – *не было* выделено как стратегический предмет государственной практики, инструмент фундаментальных социальных исследований и теоретических разработок. Это, казалось бы невинное, упущение оказалось слабым звеном – инфраструктурным инструментом для ликвидации защиты права страны на суверенное развитие, орудием убиения исторического самосознания и проектоспособности, «чистосердечного» принятия отношения колониальности супердержавой.

Образовательное отношение должно рассматриваться в смысле Гегелевского представления о «возвышающем снятии» как форме развития (от многозначного немецкого «aufheben» – «отрицание», «исчезновение», «уничтожение», «отрицание отрицания», «поднятие», «удерживание» и пр.).

Конституирование российской государственности как суверенной, обладающей своими собственными основаниями для культурно-исторического

и цивилизационного развития может быть состоятельным только при наличии и полагании себя как стратегически развивающегося Целого.

Предъявление и конституирование себя как субъекта, своей роли и места в мире и мировой истории возможно только на основании собственного же целостного мировосприятия. В противном случае приходится довольствоваться местом, долей мирового богатства и ролью, отведенными тебе другими.

Россия как государство стоит на острие в точке бифуркации – в преддверии как осознания своей мировой исторической миссии, так и пассивного приятия всех возможных катастрофических перспектив. Охвачены невероятным кризисом и все западные формы суверенной государственности, что ложится дополнительным грузом ответственности на Россию.

В ближайшие месяцы и годы предстоит воссоздать передовую систему производства знания и проектирования, стать собой – страной высших гуманитарных, технологических и научных достижений, развитого – в свободе и для свободы – общественного сознания, развития индустрии XXI века. Вернуться к проектированию и конструированию будущего. Или позволить себе стать расходным сырьём тоталитарной империи.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бжезинский З.* Великая шахматная доска. Господство Америки и его геостратегические императивы. – М.: АСТ, 2015. – 702 с.
2. *Коврига А.В.* Глобальный кризис и переустройство государственного дела: вспомним камерализм? // Развитие и экономика. – 2015. – № 14. – С. 146–173.
3. *Комлева Н.А.* Преземптивная война как технология ресурсного передела мира // Пространство и время. – 2012. – № 2. – С. 29–30.
4. *Никаноров С.П.* Уроки СССР. Исторически нерешенные проблемы как факторы возникновения, развития и угасания СССР. – М.: Концепт, 2011. – 193 с.
5. *Понкин И.В.* Теория девиантологии государственного управления: неопределённости, риски, дефекты, дисфункции и провалы в государственном управлении. РАНХиГС при Президенте РФ. – М.: Буки-Веди, 2016. – 250 с.
6. *Шушарин А.С.* Полилогия современного мира (Критика запущенной социологии): в 5 т. – М.: Мысль, 2005–2006.
7. *Blaut J.M.* The Colonizer's Model of the World: Geographical Diffusionism and Eurocentric History. – New York: Guilford, 1993. – 246 p.
8. *Grosfoguel Ramón.* The Structure of Knowledge in Westernized Universities. Epistemic Racism/Sexism and the Four Genocides/Epistemicides of the Long 14th Century // Human Architecture: Journal of the Sociology of Self-Knowledge. – Vol. XI. Issue 1. Fall 2013. – P. 73–90.
9. *Lipschutz D. Ronnie.* The Constitution of Imperium. Paradigm Publisher. – London, 2009. – 157 p.
10. *Wallerstein Immanuel.* Centrist Liberalism Triumphant, 1789–1914. London: University of California Press, Berkeley, 2011. – 377 p.
11. *Mignolo D. Walter.* The Darker Side of Western Modernity: Global Futures, Decolonial Options. – Durham: Duke University Press, 2011. – P. 216.

THE RIGHT TO KNOW AS THE IMPERATIVE OF RUSSIA'S DEVELOPMENT

A.V. Kovriga, A.A. Subbotin

It gives an approach of what lessons one needs to learn from the implementation of the Soviet Project; there is a description of the world order vector in the world without the USSR as well as the grounds and consequences for the right to know and the right to develop; one finds here a definition of the problem of how to restore the projectability of state as a condition for overcoming the catastrophic sequence of events for the world and Russia.

Key words: lessons of the USSR, world development, educational process, the right of knowledge and the imperatives of Russia's development.

РОССИЙСКИЕ ГОРИЗОНТЫ

А. Неклесса

Институт Африки РАН

XXI век рождает уходящие в неизвестность конструкции и сценарии, упрощение которых чревато коллизиями. Трансформируется система международных отношений, перераспределяются и делегируются суверенитеты, расширяется номенклатура внешнеполитических организаций. Камертон актуальной повестки: сложный человек в сложном мире – акцент переносится на венчурные личностные коалиции вместо безличных бюрократизированных организаций. Комплексный мир интегрирует то, что ранее было дисциплинарно рассечено: война, экономика, культура, индивидуальное развитие и групповое взаимодействие сливаются в наднациональный континуум. Россия в формате Российской Федерации – наследница основной части исторического и территориального имущества как правопреемница юридических полномочий России-СССР и как метрополия прежней Российской империи. Реконструкция страны так или иначе неизбежна, есть логика больших систем, можно что-то приблизить или отсрочить, но избежать нельзя. В реестре назревших проблем – кризис системы власти: неконкурентоспособность в динамичном, многослойном мире ригидных структур и охранительных механизмов, основанных на механистичных представлениях, автократии, клановости, патернализме. Путь к грамотной реструктуризации – осознание актуального контекста: изменившегося статуса личности и государства, особенностей гражданства в новой редакции реальности, архитектоники страны как сообщества и мира как суммы взаимодействий, ценностных основ российского общества и заново осмысленных его целей. Культурный и человеческий капитал, среда высокой организации, наличие оригинальной музыки сфер – императив для значимого присутствия в новой зоне, а проблема осознанной идентичности – одна из центральных в расширяющейся человеческой вселенной.

Ключевые слова: будущее, прогнозирование, сложность, трансформация, постсовременность, Россия.

Эпоха, предъявившая миру экспансию городской культуры и адекватные ей форматы, близка к завершению. Количество жителей Земли приросло за век миллиардами, развитие транспорта, эффективные коммуникации, изощренный инструментарий резко повысили интенсивность взаимодействий и результативность процедур. Города, умножаясь в числе, расплозились мегаполисами и, переживая мутации, обращаются в хабы, терминалы глобального мегаполиса.

На трансграничной земле переселяются народы, ведется чреватый конфликтами диалог. Национальные государства утрачивают былую актуальность, их суверенитет трансформируется под влиянием глобализации, глокализации, субсидиарности, сужается возможность властного управления

человеческими траекториями, сохраняя качества и блага суверенного правового сообщества, меняется сама модель отношений государства и человека.

Камертон обновляющейся повестки: сложный человек в сложном мире – акцент переносится на венчурные личностные коалиции, скрепленные общностью амбициозных целей, вместо безликих бюрократических институций, делая ставку на творческую предприимчивость плюс нелинейный образ ойкумены. В мире утверждается в качестве доминанты влиятельный персонаж – *manterpriser*, человек-предприятие.

Антропологическая вселенная

Будущее уже наступило. Просто оно еще неравномерно распределено.

Уильям Гибсон

Социокультурная гравитация, перераспределяя растекающиеся по планете народы, сгущает новые политические туманности, призрачные тела которых могут соприсутствовать как в прежних, так и в зарождающихся мирах. Преимущества и недостатки сообществ в возрастающей степени определяются человеческим фактором, уровнем культуры, качеством производимых знаний, многообразием либо дефицитом взаимосвязей, притягательностью либо отторжением сложившихся образцов.

Кризис перехода пробуждает эволюционные инстинкты, предьявляя эпохе открытый и динамичный горизонт. Наряду с прежней социополитической феноменологией возникают общества, выстраиваемые по экзотичным лекалам, характерные черты которых: примат культурной и/или конфессиональной гравитации, потоковая социальность, распределенная множественность среды обитания. Прагматичный консенсус наших дней – региональные интегрии – по-своему перемалывают границы и субстанцию прежних структур.

Конфигурации постсовременного космоса, каналы связи, взаимодействия создаются посредством специфических принципов и технологий: контактных – схожих с движением информации по типу «сарафанного радио» либо перемещением денег в системе *hawala* и бесконтактных – автономно и когерентно ведущих людей к чаемой цели. Планирование – причем не только маршрутизация больших организмов на дальнюю дистанцию – становится полифоничным, гибким, диалогичным искусством, связанным с формированием многослойного неравновесного общества, пронизанного подвижными личностными молекулами и мутирующими социогенетическими цепочками: полицентричной среды с непростой суммой аномалий, возможностей и рисков.

Умножение и взаимопроникновение антропологических галактик влияет на структурность и толерантность человеческого общежития, диктуя перенастройку социальных гармоник, в созвучии с которыми складываются

будущие обстоятельства. Люди, обживая и обустривая просторы человеческой и цифровой вселенных, все чаще воплощают прописи двойного применения, демонстрируя готовность к радикальным мерам, конструктивным и деструктивным. Обитатели оборотной стороны экзистенции, существуя вне кокона политкорректности и пренебрегая интеллектуальным снобизмом, не отвергают, однако, дискурсивный акт как таковой, однако их моделирование футуристичной практики воплощается в эксперименте – прямом действии. Иначе говоря, предъявлении городу и миру не столько результирующего текста рефлексии, сколько провокативного, лишнего излишних сантиментов действия.

Соответственно и актуальную тему истишхади или ингимаси как антропологического оружия вряд ли следует рассматривать в качестве исключительно исламистского явления: корни феномена глубже, а перспективы шире. Обретение экстремист-футуристами со временем диверсифицированных в ходе технической революции модификаций ОМП, ядерного оружия либо аналогичных по силе воздействия средств заметно повлияет на социальные норы, статус регулярной армии и характеристики силового противостояния в целом.

Между тем спонтанное проникновение в будущее для обычных субъектов оказывается все более затруднительным. Диахронные координаты бытия, изгибы дорожной карты цивилизации замещают прежнюю пространственную (географическую, геополитическую) организацию мира в качестве доминанты его социальной топографии и динамической сути нового, неравновесного порядка.

Перманентная контрреволюция

Будущее состояние вещи уже начинает существовать в настоящем, и состояния противоположные суть следствия одно другого неминуемые.

Александр Радищев

Новизна обладает серьезными конкурентными преимуществами, которые нередко осложнены дестабилизацией с высоким уровнем рисков.

Рынок версий будущего, предлагая маршруты, оперирует расчетами и предположениями, но актуальное содержание ряда категорий шире текущих представлений. Для прогнозирования действий в ситуации неопределенности важно не только учитывать имеющиеся ресурсы и сложившиеся обстоятельства, но также различать признаки становления иного, отыскивая зерна перспективных ситуаций и отраслей, прорастающие в современности.

Прошлое может быть не менее переменчивым и предприимчивым. При определенных обстоятельствах оно способно исказить логику транзита, затопить формирующийся ландшафт – нам приходится осмысливать новизну,

пребывая в атмосфере ветхих эманаций, формулируя концепты по сделанным при других обстоятельствах лекалам. Тут могут возникать серьезные абберрации: предполагая созидать будущее, можно вопреки собственным намерениям отстраивать очередную версию прошлого.

Сложившаяся система пытается репрессивно контролировать, порою прямо подавлять самоорганизующуюся критичность, сжимать возникающий дискурс, стремясь упростить ситуацию, скрывая подлинный драматизм мира. И если/когда, поддавшись совокупному давлению, новизна уплощается, позволяя обращаться с собой как с тривиальностью, пелена рождения рассеивается, коридоры перехода обрушаются, и трансформация прерывается. Прошлое же оказывается лукавым монополистом иллюзорных и усеченных перемен.

Экономическое развитие, логистическое домостроительство – составная и органичная часть культурной революции. Генеральный тренд – движение от систематизированного индустриально-информационного пейзажа к холмистому ландшафту креативного общества. Экономика высокого уровня, находящаяся на пике конкурентной пирамиды, определяется качественными характеристиками, она доминирует в производстве и экспорте высокотехнологичной продукции, чревата инновациями, открывающими и закрывающими технологиями, мультипликативными эффектами. Это продукт сообщества, адаптированного к сложноорганизованной деятельности, обладающего актуализированным культурным, человеческим, интеллектуальным капиталом, технологическим, профессиональным разнообразием, динамичным личным и социальным творчеством, соответствующей инфраструктурой.

Практика в своих институциональных проявлениях и предъявленной временем полноте и наготе – зримое производное от действительного состояния общества. Продвижение России в будущее, декларированное ранее в категориях утопизма, в последнее, но уже достаточно продолжительное время мыслится как обустройство улучшенной версии настоящего, то есть в рамках аморфно-позитивистских представлений о стабильности (нередко понимаемой как статичность) – апгрейда в стилистике индустриально-экономического пейзажа.

Пример редукции целеполагания – сугубо экономистичный подход к исчислению развития, причем преимущественно на основе плоских показателей, наподобие ВВП. Однако страна не финансово-ориентированная корпорация, развитие нации не сводимо к экономике, да и хозяйственные достижения лишь к росту ВВП. С российским ВВП вообще забавно, точнее, печально выходит. Люди при относительно небольших затратах, недавно публично анонсированных, извлекают из недр Земли, что в ней находится (историческая дилемма «присвоение» vs. «производство»). Получается же, будто они это измыслили/изготовили, что лишний раз подтверждает – ВВП (тем более отягощенный определенной лукавостью ППС) несовершенный инструмент для оценки развития.

И все же не экономика сама по себе есть главная цель развития. Экономика – манифестация конструктивной энергии общества (а в своей трофейной ипостаси – и деструктивной). Оставаясь инструментом, она отражает принцип, а также уровень власти над природой и житейскими обстоятельствами; между тем в нынешних ее метаморфозах виден генеральный вектор перемен – ключевая роль нематериальных активов, особенно человеческих и культурных. А вот тут у России как раз проблема.

Транзит от индустриализма *modernity* к нелинейной действительности происходит на наших глазах, но не в РФ. Страна, как и ряд других сообществ, оказалась в полосе отчуждения от вызовов постсовременности и, судя по всему, пребывает в интеллектуальной и социальной растерянности. Альтиметрические российские элиты ощутили оскомину от непростого искусства поведения и управления в комплексной среде: они в целом не обладают необходимым уровнем культуры/образования, альтруистическими или иными отчетливыми моральными качествами, их карьерные траектории сложились во многом волею обстоятельств, а не профессионального мастерства. Аморализм и короткий, оперативно-тактический горизонт планирования сами по себе чреваты негативными следствиями: постиндустриальной контрреволюцией, тягой к упрощению обстоятельств, деградацией культурного капитала, профанацией и утратой идеалов.

Сейчас в России отношения, как правило, превалируют над содержанием, а доминирующими ценностями становятся денежный доход и авторитетная силовая/чиновничья позиция. В подобных обстоятельствах, пребывая в геделевской ловушке, потенциальный субъект перемен будет в той или иной степени имитировать, а не эмитировать будущее, поскольку на деле он стремится удержать (а по мере возможностей и улучшить) ситуацию, сопряженную с преимуществами собственной позиции, фактически продлевая *status quo*. Сегодня даже те, кто в российской политике пытаются заниматься реформами, находятся в этой ловушке.

Устойчивость, однако, это не равновесие, а жизнеспособность. Примечательно, что в ситуации универсальных и глобальных перемен в стране отсутствуют механизмы долгосрочного прогнозирования *наиболее вероятного будущего* с коррекцией его активным представлением, т.е. профессионального стратегического планирования. Внимание сосредоточено на эскизном разнообразии пейзажей *желаемого будущего* и оперативно-тактических комбинациях. Следствием чего становится неразличимость подлинного российского горизонта, отсутствие комплексной дорожной карты России – модели национального обустройства и продвижения в динамичной ойкумене.

Так или иначе, это состояние будет преодолеваться, практически все ситуации транзитны. Вопрос, как правило, не в том, имеется ли решение, вопрос в его цене, характере и последствиях. Пока же Россия очарована политической логикой и методами XIX – первой половины XX века. Но воевать «против кого-то» – ментальность рефлекторного типа, в то время как настоящая проблема – проникновение в будущее и его эффективное освоение.

Реконструкция России

Величайшую опасность во времена нестабильности представляет не сама нестабильность, а действия в соответствии с логикой вчерашнего дня.

Питер Друкер

Россия в формате Российской Федерации – наследница основной части исторического и территориального имущества как правопреемница юридических полномочий России-СССР и как метрополия бывшей Российской империи. Иначе говоря, Россия-РФ – это новая государственность с богатым историческим опытом, познающая себя в новой геометрии и изменившемся статусе.

Страна (state) – не территория и не государство, которое есть механизм управления (government). Это совокупность людей (nation) – обладающая суверенитетом (суверенной властью) нация: «сообщество людей, которые через единую судьбу обретают единый характер» (Отто Бауэр), *res publica*. Первоочередные задачи государства – служение (власть как служение) и защита: обеспечение легитимности управления (соответствие Конституции), справедливости правосудия, внутренней и внешней безопасности граждан, предотвращение узурпации власти, отлаживание механизмов, стимулирующих и обеспечивающих развитие.

Реконструкция России так или иначе неизбежна. Есть логика больших систем, можно что-то приблизить или отсрочить, но избежать нельзя. Императивом времени была и остается задача коренной модернизации российских просторов, решение проблем федерализации страны, установление принципов сосуществования национальных образований в рамках федеративного договора, конфессиональной гармонизации – задачи в основном решавшиеся на просторах Европы в XX веке, но к ним примыкает и специфически российская проблема континентальной имперскости, не до конца разрешенная разделением 1991 года.

Возможно, основное в реестре назревших проблем – кризис нынешней российской системы власти: неконкурентоспособность в динамичном, многослойном мире ригидных структур и охранительных механизмов, основанных на механистичных представлениях, автократии, клановости и патернализме (хотя Россия и предрасположена к патернализму в силу своей культурной неформальности). Судьбоносные реформы – созидание будущего – могут реализовываться усилиями гражданского общества, элит либо авторитарной власти, способных осуществить системную реконструкцию, смену стратегии и ревизию госаппарата. При этом критически важна совокупная воля к успеху и переменам – полнота национального консенсуса, умело сопряженного с ценностями общества и целями страны, а не с интересами отдельных групп.

С точки зрения политической философии и основ современного права, препоны волеизъявлению граждан, использование государственных средств для искажения информации и подавление инакомыслия, манипуляции с избирательным процессом (национальным проектированием будущего) являются «бунтом правителя»: они сковывают «перманентный плебисцит», нарушают логику развития, дисквалифицируют органы власти, являясь преступлением против суверена – народа как источника власти, аналогично «оскорблению величества» в прежних правовых системах. Возникающие при этом деформации деятельной среды, искажения сознания и деградация воли нации чреваты отчуждением, асоциализацией и в конечном счете аффектом масс.

Путь к грамотной реструктуризации – осознание актуального контекста перемен: доминирования будущего над прошлым, изменившегося статуса национальной государственности и личности, особенностей гражданства в новой редакции реальности, архитектоники страны как сообщества и мира как суммы взаимодействий, значения национальной идентичности и роли психофизиологической асимметрии людей, ценностных основ и заново осмысленных целей России. Ключевое условие успеха и долг национальной элиты – создание умной прописи этой важнейшей реформации. От качества исполнения задачи, от того, как промыслен, прописан и функционирует общественный договор, кем и по какой процедуре реализуется продвижение в будущее, зависит – возводятся ли здания на скале или же на песке.

Императивной процедурой и непростой проблемой является реформа госаппарата при отсутствии у него стимула к ауторегенерации, нацеленная – пока и насколько это возможно – на декриминализацию, обретение профессионализма и компетенций, адекватных времени и обстоятельствам. Равно как необходимость сопряжения российского соборного разнообразия с кодами практики, порождающей сложные ситуации, уникальные инструменты, оригинальные продукты, опережающие услуги и квалификации. Проблема многоаспектна, включая ее региональный и этнонациональный аспекты. Сейчас прошла рябь кадровых изменений, все более ощутима тектоника столкновения кланов, грядет, независимо от избранного акцента перемен, волна очередных преобразований, которые приведут, хочется верить, к добру.

Деятельное гражданское общество должно не просто контролировать государство, но доминировать над ним. Формула успеха – самосознание и самостояние людей, осознание ценности личности и сохранение ее целостности, пространств внутренней жизни, уважение к частной жизни, самоуважение. А также преодоление аморфности российского социума, создание профессиональных и территориальных общественных корпораций, свобода и естественность перехода персональной позиции, активного творчества в социализированный результат. В противном случае траектория человеческих усилий, отношений и суммарных проявлений (коллективных эффектов) перенаправляется в сферу неоархаизации и деструктивных практик.

Культурный императив

Страна должна заместить духовной силой то, что она потеряла в физической.

Фридрих Вильгельм III

Культурный и человеческий капитал, среда высокой организации, наличие оригинальной музыки сфер – императив для значимого присутствия в новом эоне, а проблема осознанной идентичности – одна из центральных в расширяющейся человеческой вселенной. Необходимо устранять барьеры, препятствующие синектике и самоорганизации, стимулируя социальные, а не коррупционные инстинкты.

В калейдоскопичной вселенной ценности являются источником энергий, определяющих связность и притягательность сообществ; а целостность – результатом продвижения к цели, ее перманентного постижения. Русская геокультурная доминанта амбивалентна, ее козырь – креативность в широком смысле: идеи, инакости, открытия, инсайты, образы, импульсы, мемы. В новом мире субстанция творчества – востребованный продукт, однако же и своеобразный джокер, идеи правят миром сами по себе. Будучи фрустрированной, русская социокультурная суперпозиция не просто снижает статус земных изделий и формальных долженствований, но начинает производить версии нигилизма.

Проблема опошления бытия и экспансия невежества, инволюция культурного и этического стандарта более чем актуальна сегодня для Российской Федерации. Иван Ильин в своем последнем труде «Аксиомы религиозного опыта» писал: «...вещи сами по себе не пошлы; но одноимённые им содержания, воспринимаемые и разумеемые людьми, могут быть совершенно пошлыми. Пошлость вносится в мир духовно-скудными и религиозно-мёртвыми людьми. Для того чтобы она появилась, нужен чей-нибудь субъективный, человеческий, духовно-немогущий, религиозно-мёртвый акт, который, обращаясь к непошлomu предмету, видел бы в нем и разумел бы в нем пошлое содержание».

Культура – не только литература, живопись, музыка или театр. Предметное поле намного шире, если обойтись одним словом – это цивилизованность. Именно ее следует удерживать, предъявлять, утверждать, транслировать, для чего необходимо преодолевать невежество и ничтожество, восстанавливая интегративность, отдавая должное этосу чести, пафосу благородства, в том числе используя соответствующую риторику, включая политическую (вместо нынешнего унижения речи), прозревая и осуществляя будущее сквозь пелену времени и паутину конъюнктуры. Диссонирующее, не обладающее нравственной и социокультурной легитимацией расслоение, сопровождаемое деградацией «среднего класса», разложением интеллигенции, уплощением масс, декоративный характер культурных клише при дефиците реальных держателей планки редуцируют профессиональные компетенции,

разрушают человеческое достоинство, коррумпируют личность и стимулируют аномизацию.

Не менее критичная сфера – хай-тек и особенно хай-хьюм. В России ощутим гуманитарный провал, кризис личностного состояния и профессионального роста, примат институциональной бюрократической коммуникации над профессиональной медитацией, объяснительный (vs. исследовательский) уклон, дефицит навыков рафинированного дискурса, философичности, интеллектуальной среды соответствующего класса. Публицистичность различного толка сегодня замещает дисциплинированное рассуждение, а некомпетентная метафоричность искажает категориальный аппарат. Столкновение же поверхностных концептов/рецептов с реальностью чревато – с почти фатальной неизбежностью – негативными следствиями.

Основа эффективных социоструктур в наши дни – человек как сложноорганизованная личность, его культурный, интеллектуальный, метафизический, духовный кругозор, способность к замещению социального отчуждения диалектическим взаимодействием, синергийной эволюцией. Основным национальным капиталом сегодня является не совокупность собранных территорий, а качество людей, населяющих страну, образно говоря, не площадь неба, но сумма звезд.

Умение опознавать невидимые миру горизонты в значительной мере определяется стилем мышления, привычкой субъекта к самостоятельной позиции, деятельной рефлексии и диалектичному анализу ситуаций. Требуются глубокая модификация здравоохранения, реконструкция нынешней страховой системы, приоритетное финансирование медицинской инфраструктуры (к примеру, за счет профессионального спорта). Причем под здравоохранением следует понимать не просто медицину как таковую, сколько критичность категории здоровья, целостность физического и эмоционального статуса, проблему российской врачебной этики и квалификации, компенсацию высокого уровня стресса у населения.

Социальный императив – созидание универсальной образовательной среды как системы перманентного и комплексного развития – имеет целью не просто освобождение нации от увечий невежества: российское общество нуждается в культурной и нравственной реабилитации, реституции человеческих качеств. Альтернативой антропологической катастрофе является культивация интеллектуально и морально полноценной, высокоорганизованной и самоорганизующейся личности, владеющей инициативой, обладающей чувством собственного достоинства, лидерскими качествами, развитым характером, эмоциональным интеллектом, критическим умом, духовным кругозором, чувством ответственности, творческими способностями, воображением, интуицией, способной плодотворно существовать в сложном мире.

Отдельным пунктом необходимо обратить внимание на состояние судебной системы и особенно – судейского корпуса...

Вряд ли в одном рассуждении можно перечислить и обосновать все необходимое для коррекции нынешнего положения вещей, разве что указать на отдельные пульсирующие точки. Кризис перехода между тем напоминает ситуацию витязя на распутье, когда совокупный дефицит политической воли и заминка с выбором направления сами по себе являются своеобразным выбором.

RUSSIAN HORIZONS

A.I. Neklessa

The 21st century gives birth to constructions and scenarios belonging to obscurity, the simplification of which is fraught with collisions. Transformation of the international relations system is under way, redistributions and delegations of sovereignty are seen everywhere, the expansion of nomenclature of foreign political organisms has become a commonplace. The benchmark of up-to-date agenda: a complex individual in a complex world – the emphasis is shifted to venture personal coalitions from impersonal bureaucratic organizations. The integrated world integrates what was previously split between various disciplines: war, economics, culture, individual development and group interaction – all merge into one supranational continuum. Russia in the format of the Russian Federation is the heir to the main part of historical and territorial property as the legal successor of the legal powers of Russia and the USSR and as the metropolis of the former Russian Empire. Reconstruction of the country is inevitable in one way or another, there is the logic of large systems – you can make some things happen sooner or later, but you cannot avoid them. High on the list of urgent problems is the crisis of the power system: the dynamic, multi-layered world makes noncompetitive rigid structures and protective mechanisms based on mechanistic notions, autocracy, clannishness, paternalism. The right way to competent restructuring is through the realization of the actual context: changes in the status of individual and state, the specifics of citizenship in the revised version of reality, the architectonics of state as a community and the world as a sum of interactions, the value bases of Russian society and its goals newly comprehended. Cultural and human capital, the environment of high organization, the presence of original version of the music of the spheres is an imperative for meaningful presence in the new eon, when the issue of conscious identity is one of the focal ones in the expanding human universe.

Key words: future, forecasting, complexity, transformation, preadaptation, post-modernity, Russia.

СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ И МОРАЛЬ

ИСТОРИКО-НАУЧНЫЙ КОММЕНТАРИЙ К ПОЭМЕ М.А. ВОЛОШИНА «ПУТЯМИ КАИНА. ТРАГЕДИЯ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ»

В.П. Визгин

Института истории естествознания и техники РАН имени С.И. Вавилова

Как видите, я предлагаю Вам игру, очень серьезную, интересную, требующую напряженного внимания, гибкости ума, восприимчивости, остроумия и исторических знаний. Действующими величинами в этой игре будут и научные факты, и моральные идеи, и социальные законы, и проявления сил природы, и чудеса современной техники, и данные оккультных наук, и сведения по истории культуры... .

*М.А. Волошин. Демонизм машин (1909)
[1. С. 4].*

В статье рассматриваются историко-научные и метафизические аспекты поэмы М.А. Волошина «Путями Каина. Трагедия материальной культуры» (1922–1926). В ней нашли отражение как научная революция в физике, связанная с созданием теории относительности и прорывом в микромир, так и сопутствующие ей социальные потрясения. Оба процесса связываются воедино на основе волошинской трагической метафизики истории.

Ключевые слова: М.А. Волошин, поэма «Путями Каина», научная революция в физике, теория относительности, космология, астрофизика, метафизика истории.

Введение

Изучая процесс восприятия теории относительности в России и СССР, я убедился в том, что гуманитарная и художественная культура 1920-х годов оказалась особенно чувствительна к идеям научной революции в физике и особенно к идеям физического релятивизма. В этом отношении показатель-

ным было творчество не только философски ориентированных гуманистов (П.А. Флоренский, А.Ф. Лосев и др.), но и таких замечательных поэтов и литераторов, как В.В. Хлебников, В.В. Маяковский, и вообще футуристов, в частности В.Я. Брюсова, О.Э. Мандельштама, уже маститого Е.И. Замятина и начинающего А.П. Платонова и др. [2].

Несколько лет назад меня поразило стихотворение «Космос» М.А. Волошина, которое входило в цикл «Путями Каина». В том сборнике стихотворений поэта, который был у меня (издание 1982 г.) [3], другие стихотворения цикла к теории относительности отношения не имели. Как выяснилось позже, это была только примерно половина цикла. Меня удивило в «Космосе» то, что, в отличие от всех остальных блистательных гуманистов и писателей, Волошин писал о теории относительности с некоторым «ироническим раздражением», подчеркивая ее субъективистский, позитивистский, разрушительный характер. Все так или иначе восхищались теорией относительности – ее точностью, мощностью, ее революционностью, а М.А. Волошин вроде бы и признает эту точность и эту мощь, но это его вовсе не восхищает. Картина космоса, к которой вела новейшая революция в физике и астрономии, и прежде всего теория относительности, не поражала поэта, а, скорее, разочаровывала и даже угнетала. Чем же теория относительности так не угодила замечательному поэту? Чтобы понять это, пришлось обратиться ко всей книге, или поэме-циклу «Путями Каина. Трагедия материальной культуры», которая в последнем варианте 1925 года включала 14 стихотворений [4]. Но поэт продолжал работу над поэмой и в мае 1926 года написал стихотворение «Таноб», которое предполагал включить в нее [4. С. 70–76]. Поэма так и осталась незаконченной и не опубликованной при жизни.

Оказалось, что поэма «Путями Каина», венчающая творческий путь Волошина, – это квинтэссенция его воззрений на историю человечества от Адама до наших дней, в некотором роде волошинская метафизика истории. Притом истории от сотворения мира до теории относительности. И только осмысление всей поэмы позволяет понять отношение поэта к теории относительности.

1. Теория относительности в стихотворении «Космос»

Все-таки бегло опишем стихотворение «Космос», где речь и о теории относительности, и о революции в физике в целом, и о той картине космоса, к которой эта революция привела к началу 1920-х годов. Стихотворение «Космос» написано 12 июня 1923 года в Коктебеле. Специальная теория относительности (СТО) создана в 1905–1907 годах усилиями А. Эйнштейна, Х.А. Лоренца, А. Пуанкаре, М. Планка, Г. Минковского. Она была связана с электромагнитно-полевой картиной мира, постепенно вытесняя ее. Пред-

ставления об электронно-ядерной структуре атомов были развиты Э. Резерфордом и затем с включением квантовых идей Н. Бором в 1911–1913 годах. Общая теория относительности (ОТО), она же – релятивистская теория гравитации (Эйнштейн и отчасти Д. Гильберт и затем К. Шварцшильд) – это 1915-1916 годы. Основанные на ней представления о космосе, прежде всего релятивистская космология – это 1917–1922 годы (А. Эйнштейн, В. де Ситтер, Г. Вейль и А.А. Фридман).

Вот несколько релятивистских фрагментов из стихотворения «Космос» [4. С. 49–50]:

Все относительно:
И бред, и знанье...
...Мы ищем лишь удобства вычислений,
А в сущности не знаем ничего:
Ни емкости, ни смысл тяготенья...
...На вызвездившем небе мы не можем
Различить глазом «завтра» от «вчера»...
...Струи времен текут неравномерно,
Пространство лишь многообразье форм:
Есть не одна, а много математик.

Физический релятивизм трактуется автором как релятивизм философский, на грани с абсурдом с точки зрения классического здравого смысла. Теория относительности – позитивистская, феноменологическая теория, позволяющая вычислять, но не ведущая к пониманию, не раскрывающая сущность явлений. Она привычные, человеческие, классические понятия пространства и времени разрушает, как, впрочем и сложившиеся представления об атоме, веществе:

Нет вещества – есть круговерть силы,
Нет твердости – есть натяжение струй,
Нет атома – есть поле напряженья...
...Нет плотности, нет веса, нет размера –
Есть функции различных скоростей.

Что же касается новых представлений о Вселенной, то они оказываются весьма апокалиптическими [4. С. 49–50]:

Мы существуем в космосе, где все
Теряется, ничто не создается;
Свет, электричество и теплота –
Лишь формы разложения и распада...
...Вселенная – не строй, не организм,
А водопад сгорающих миров,
Где солнечная заверть – только случай
Посреди необратимых струй...

...Число миров исчерпано давно.
Все тридцать пять миллионов солнц
Возникли в единый миг и сгинут все зараз.

Такое впечатление, что Волошину уже знакома концепция нестационарной Вселенной, однажды возникшей и обреченной либо на рассеяние в мировом пространстве, либо на исчезновение иным путем. Стихотворение «Космос» написано в середине 1923 года. И в этом же году появились научно-популярная книга А.А. Фридмана «Мир как пространство и время» [5] и перевод также доступной книги А. Эддингтона «Пространство, время и тяготенье» [6]. Разъясняя нестационарную модель мира, А.А. Фридман писал: «Невольно вспоминается сказание индусской мифологии о периодах жизни; является возможность также говорить о “Сотворении мира из ничего”» [5. С. 122]. Он также упоминает о модели, «когда радиус кривизны меняется периодически: вселенная сжимается в точку (в ничто), затем, снова из точки доводит радиус свой до некоторого значения, далее опять, уменьшая радиус своей кривизны, обращается в точку и т.д.». Кстати, здесь же Фридман впервые дает разумную оценку возможного возраста Вселенной «в десятки миллиардов наших обычных лет».

Концовка стихотворения «Космос» содержит глубокую философскую мысль о конструктивной, модельной природе нашей картины космоса [4. С. 50]:

Так разум среди хаоса явлений
Распределяет их по ступеням
Причинной связи, времени, пространства
И укрепляет сводами числа.
Мы, возводя соборы космогоний,
Не внешний в них отображаем мир,
А только грани нашего незнания.

Эта мысль созвучна заключительной фразе из упомянутой книги Эддингтона: «Мы нашли странный отпечаток ноги на берегу Неизвестного. Мы создали, одну за другой, много глубоких теорий для того, чтобы объяснить его происхождение. В конце концов, нам удалось реконструировать то существо, которому принадлежит этот след. И оказалось, что это мы сами» [6. С. 199].

2. От сотворения мира до теории относительности: история материальной культуры в стихотворении «Космос»

Мы коснулись только шестого и отчасти седьмого разделов «Космоса», связанных с формирующимися представлениями о Вселенной, теорией относительности и относящимися к ним теоретико-познавательными идеями.

О чем же идет речь в остальных пяти разделах? Ведь каждое из 14 (или 15) стихотворений поэмы-цикла состоит из 7 разделов, главок. В этих пяти главках «Космоса» в афористичной форме набросана история человечества, прежде всего история культуры, науки и техники от сотворения мира до теории относительности, которой посвящена 6-я главка:

И поднялось из недр молчанья Слово
И сонмы духов вспыхнули окрест
От первого вселенского дыхания... –

так начинается сотворение мира [4. С. 44]. В какой-то момент создается Адам [Там же]:

Адам был миром, мир же был Адам.
Он мыслил небом, думал облаками...
...Он видел солнцем, грезил сны Луной.
Гудел планетами, дышал ветрами.
И было все – вверху, как и внизу –
Исполнено высоких соответствий.

Следующая «моментальная фотография» – это уже древняя Месопотамия, и начинается она с Каина [Там же. С. 45]:

Себя забывший Каин разбирал
Мерцающую клинопись созвездий...
...Все в преходящем было только знак
Извечных тайн, начертанных на небе.

Так зарождалась астрономия и первые человеческие представления о космосе. Следующий срез – это античная Греция. Точно охарактеризована доминанта античного мышления и античной культуры [Там же. С. 46]:

И не было ни индиговых далей,
Ни уводящих в вечность перспектив:
Все было осязаемо и близко –
Дух мыслил плоть и чувствовал объем.
Мял глину перст, и разум мерил землю...
...Мир отвечал размерам человека.
И человек был мерой всех вещей.

Христианское Средневековье с птолемеево-дантовской картиной мира отражены в четвертой части [Там же. С. 47]:

Земля была недвижимым темным шаром,
Вокруг нее вращались семь небес,
Над ними небо звезд, и Первосилы,
И все включал пресветлый Эмпирей
Из-под Голгофы внутрь Земли – воронкой –

Вел Дантов путь к сосредоточью зла...
...В пространстве и во времени Земля
Была сосредоточием Вселенной:
Вселенский дух был распят на кресте
Исхлестанной и изъвленной плоти.

В пятой части представлены эпоха Нового времени, механицизм, торжество научно-материалистического мировоззрения. Упоминаются Галилей, Ньютон, Лаплас [4. С. 48]:

Исчисленный Лапласом и Ньютоном,
Мир стал тончайшим синтезом колес,
Эллипсов, сфер, парабол –
Механизмом, себя заведшим раз и навсегда
По принципам закона сохранения Материи и Силы...
...Таким бы точно осознала мир
Себя сама постигшая машина.

И, наконец, последняя современная стадия, эпоха дальнейшего разложения, дегуманизации [Там же. С. 49–56]:

Но неумный разум разложил
И этот мир, построенный наощупь
Вникающим и мерящим перстом.

И дальше – о теории относительности и космосе как «водопаде сгорающих миров», где человеку, духовности нет достойного места. Таким образом, уже в одном из 14 или 15 стихотворений, именно в «Космосе», раскрывается смысл негативного отношения поэта к теории относительности, которая венчала тысячелетнюю историю человечества и его материальной культуры. В других стихотворениях поэмы увидим, что эта история шла, по мнению Волошина, «путями Каина» и привела к трагедии. Название поэмы «Путями Каина» дополнялось формулой «трагедия материальной культуры».

3. От «Космоса» к поэме «Путями Каина» в целом

Сохранился план поэмы, написанный поэтом, фрагмент которого мы приведем ниже. Этот план объясняет последовательность четырнадцати семичастных разделов – отдельных стихотворений: 1. *Мятеж*. 2. *Огонь*. 3. *Магия*. 4. *Кулак*. 5. *Меч*. 6. *Порох*. 7. *Пар*. 8. *Машина*. 9. *Бунтовщик*. 10. *Война*. 11. *Космос* (которое таким образом было одиннадцатым по счету). 12. *Государство*. 13. *Левиафан*. 14. *Суд*.

Вот некоторые фрагменты плана: «Трагедия материальной культуры (Путями Каина). Эволюция как приспособление и эволюция как бунт... Истинная революция есть бунт против законов природы... Отношение человека к природе: магическое и научное познание мира. Всякое новое знание и

всякая новая сила, не уравновешенные отречением от личных выгод, становятся источником всяческих бедствий и катастроф. Орудия разрушения и производства как создатели правовых норм. Каин как зачинатель материальной культуры. Культура и мораль кулачного права. Культура меча и ее моральная история. Культура Пороха. Культура Пара. Культура Взрыва. Машина и ее социальные и философские последствия. Машина и война. Машина и государство... Пути мятежа: бунт против формул буржуазной свободы... Благом будущей социальной семьи станет взрыв, и земля – очагом вселенной. Эволюция космогоний: Каббала, Вавилон, Греция. Христианство, материализм, теория относительности (именно этому посвящено стихотворение «Космос». – В.В.). Пути грядущей культуры: мы используем силы разложения мертвой природы, будущее человечество найдет их в созидющих силах роста природы органической» (цит. по [4. С. 641–642]).

Еще два поясняющих отрывка из писем Волошина, написанных в 1922–1923 годах, когда был создан основной блок стихотворений поэмы-цикла. В письме к В.В. Вересаеву он писал (14 апреля 1922 г.): «В ней (то есть в поэме «Пути Каина». – В.В.), мне кажется, удастся сконцентрировать все мои культурно-исторические и социальные взгляды, как они у меня сложились за 20 лет жизни на Западе и как они выявились в плавильном огне русской Революции» [Там же. С. 642]. В письме от 23 декабря 1923 года к А.М. Пешковскому некоторые уточнения: «Пути Каина» – это цикл стихов, касающихся материальной культуры человечества. Россия и русская революция затронуты в ней только стороной. Но там я формулирую все мои социальные идеи, большей частью, отрицательные. Общий тон – иронический» [Там же].

Поэма начинается с бунта, мятежа («Мятеж») [Там же. С. 7–9], потому что:

Вначале был мятеж,
Мятеж был против Бога,
И Бог был мятежом.
И все, что есть, началось чрез мятеж.

И одна из ключевых идей Волошина – уже в этой главке:

Разум есть творчество навыворот. И он
Вспять исследил все звенья мироздания,
Разъял вселенную на вес и на число, –
Пророс сознанием до недр природы...
...К запретным тайнам подобрал ключи,
Освободил заклепанных титанов,
Построил им железные тела...
...Преобразил весь мир, но не себя,
И стал рабом своих же гнусных тварей.

Иначе говоря, речь идет о том, что научное познание ведет к овладению природой с помощью техники и преобразению внешнего мира, но не ведет к преобразению человека, росту духовности. Наоборот, этот прогресс порабощает человека.

В стихотворении «Огонь» [4. С. 10–12] говорится о том, как «костер из зверя выжиг человека», как «тысячелетья огненной культуры» сформировали «дом», «семью», «храм».

Магическое познание сродни научному (стихотворение «Магия»). Вспомним, какую роль играли астрология и алхимия в возникновении астрономии и химии. И тот и другой способ познания ведут к тому [Там же. С. 15]:

Что человек, освобождая силы
Извечных равновесий вещества,
Сам делается в их руках игрушкой.

И тут намечается некоторый выход из тупиков, в которые заводят человека «пути Каина», связанные с научным познанием мира [Там же. С. 15]:

Каждой ступени в области познания
Ответствует такая же ступень самоотказа:
Воля вещества должна уравновеситься любовью.

Но, – заключает поэт, – «люди неразумны» и поэтому [Там же. С. 16]:

Законы жизни вписаны не в книгах,
А выкованы в дулах и клинках,
В орудьях истребления и машинах.

Очень важный этап в развитии человечества отражен в следующей главке – стихотворении «Кулак», которое можно было бы назвать «Каин». Ведь Каин был не только первоубийцей, но и первым земледельцем, кузнецом, строителем городов, первым музыкантом и художником [Там же. С. 18]:

Так он стал предком всех убийц,
Преступников, пророков – зачинатель
Ремесл, искусств, наук и ересей.

И, заодно, создателем первых правовых норм, опиравшимся на силу и кулак:

В кулачном праве выросли законы
Прекрасные и кроткие в сравненьи
С законом пороха и правом пулемета.

Так начинались пути, по которым пошло человечество, и это были «пути Каина».

Следующая доминанта развития человеческой цивилизации – это меч (стихотворение «Меч» [4. С. 20–23]):

Меч создал справедливость.

Но справедливость, правосудие, основанные на силе меча, ведут к дегуманизации:

Не справедливость ли была всегда
Таблицей умноженья, на которой
Труп множили на труп,
Убийство на убийство
И зло на зло?.

Затем появляется порох (стихотворение «Порох» [Там же. С. 24–26]):

Права гражданские писал кулак,
Меч – право государственное, порох
Их стер и создал воинский устав».
Порох преобразовал мир:
«Связал узлами недр темных масс,
Смесил народы, сплавил государства».
И снова предостережения и забегания вперед:
«Но черный порох в мире был предтечей
Иных, еще властительнейших сил...

В двух следующих главках (стихотворения «Пар» и «Машина») наука и техника «путями Каина» приводит сначала к «веку Пара», а затем и к торжеству машины [Там же. С. 27]:

Так начался век Пара. Но покорный
Чугунный вал внезапно превратился
В прожорливого Минотавра...
...Запер человека
В застенки фабрик, в шахты под землей...

Машины же создавались для блага людей, но в конечном счете к чему это привело? К торжеству зла [Там же. С. 31]:

Как нет изобретателя, который,
Чертя машину, ею не мечтал
Облагодетельствовать человека,
Так нет машины, не принесшей в мир
Тягчайшей нищеты и новых видов рабства.

И далее Волошин развивает мысль о гибельности машинизации человечества [Там же. С. 32]:

Машина научила человека
Пристойно мыслить, здраво рассуждать.

Она ему наглядно доказала,
Что духа нет, а есть лишь вещество,
Что человек – такая же машина,
Что звездный космос только механизм
Для производства времени, что мысль
Простой продукт пищеварения мозга,
Что бытие определяет дух,
Что гений – вырождение, что культура –
Увеличение числа потребностей,
Что идеал – благополучие и сытость...

В результате снова назрела жажда нового мятежа (стихотворение «Бунтовщик»). Является некий пророк и призывает всех восстать [4. С. 35]:

Я призываю вас к восстанию против
Законов естества и разума;
К прыжку из человечества –
К последнему безумью,
К пересозданию самого себя.

Конструктивный характер этого восстания – в последней строке. И дальше поэт поясняет суть этого пересоздания [Там же. С. 36]:

Твой Бог в тебе, и не ищи другого
Ни в небесах, ни на земле: проверь
Весь внешний мир: везде закон, причинность,
Но нет любви, ее источник – Ты!
Бог есть любовь...

В последней, седьмой, части «Бунтовщика» есть пророческие строчки об овладении силами, скрытыми в микромире, и о крайней опасности этих сил [Там же. С. 38]:

Вы поняли сплетенья косных масс,
Вы взвесили и расщепили атом,
Вы в недра зла заклинили себя
И ныне вы заложены, как мина,
Заряженная в недрах вещества!

Но «пересоздания самих себя» не произошло, и началась война. Следующая главка (стихотворение «Война») посвящена описанию современных войн. В ней ощущается опыт переживания ужасов Первой мировой войны, которую поэт считает возмездием, наказанием человечеству за утрату им духовности и любви.

Ужасающая война, перешедшая (в России) в гражданскую междоусобицу, едва ли чему-нибудь научила людей. После этих войн (стихотворение датировано январем 1923 года) [Там же. С. 43]:

Безглазые настали времена,
Земля казалась шире и просторней,
Людей же стало меньше...
...Они горели только об одном:
Скорей построить новые машины
И вновь начать такую же войну.

Дальше идет стихотворение «Космос», в котором еще раз реконструируется эволюция материальной культуры, приведшая к трагедии, прежде всего к описанным войнам. В самом конце стихотворения поэт вновь призывает человека к пересозданию самого себя во вселенском масштабе [4. С. 51]:

Так будь же сам вселенной и творцом,
Сознай себя божественным и вечным
И плавь миры по льялам душ и вер.

Все это зло, по мнению М.А. Волошина, сконцентрировано в таком цивилизационном институте, как государство (стихотворение «Государство»), на описание мрачных сторон и даже ужасов которого он не жалеет красок и самых сильных выражений. Это относится и к новым государствам, захватившим власть в процессе революций и гражданских войн [Там же. С. 56]:

Дорвавшийся до власти сознает
Себя державной осью государства
И злоупотребляет правом грабежа,
насилий, пропаганды и расстрела.

Два последних стихотворения цикла «Левиафан» и «Суд» были написаны в 1915 году и говорят о том, что главные замысел и смысл поэмы возникли примерно за десять лет до ее завершения. Первое стихотворение снабжено эпиграфом из «Левиафана» Т. Гоббса, который сравнивал государство с этим библейским морским чудовищем, олицетворением первобытного хаоса, враждебного Богу-творцу. Второе стихотворение краткое, но выразительное описание новозаветного пророчества о Страшном Суде в момент всеобщего воскрешения [Там же. С. 61–62]:

Небо, разодралось, как занавес,
Иссякло время,
Пространство сморщилось и перестало быть.
И каждый внутри себя увидел солнце
В зверином круге... И сам себя судил.

По-видимому, в этом суде над самим собой видел поэт начало того пересоздания человека, о котором говорилось ранее.

Из 14 стихотворений цикла 6 написаны в феврале-апреле 1922 года: «Меч», «Порох», «Пар», «Машина», «Кулак» «Государство» и 6 в 1923 году:

«Мятеж», «Огонь», «Магия», «Бунтовщик», «Война» – в январе, и «Космос» – в июне. Впрочем, первый вариант «Войны» (с названием «Апполион»), как и «Левиафан» и «Суд», – в 1915 году.

4. Эволюция человечества и теория относительности в стихотворении «Таноб»

Маем 1926 года датировано стихотворение «Таноб», которое писалось для поэмы «Путями Каина», но так и осталось за пределами основного корпуса стихотворений цикла [4. С. 70–76]. В основном мы остановимся на последних трех частях стихотворения, которые близко примыкают к стихотворению «Космос» и включают некоторые новые важные моменты, касающиеся истории науки и теории относительности.

Но сначала несколько слов о названии и первых трех частях стихотворения. «Таноб» – это «темница», обитель для кающихся монахов в Фиваиде; о ней рассказывается в сочинении византийского богослова Иоанна Лествичника, жившего в VI веке.

Мрачная картина самобичующихся, кающихся монахов в Танобе как предвестие христианского аскетизма в Средние века, когда «костры пылали вдохновенно», на которых

Доминиканцы жгли еретиков,
А университеты жгли колдуний,

неожиданно переходит в картину научного познания, в своего рода «аскетизм науки» [4. С. 73–74]:

Мечты и бред, рожденные темницей,
Решетки и затворы расшатал
Каноник Фрауенбургского собора
Смирнейший Коперник. Галилей
Неистовый и зоркий, вышиб двери,
Размыкал своды, кладку разметал
Напористый и доскональный Кеплер,
А Ньютон – Дантов Космос, как чулок
Распялив, выворотил наизнанку...
...Вся темная изнанка бытия
Легла фундаментом при новой стройке,
Теперь реальным стало только то,
Что можно было взвесить и измерить,
Коснуться пястью, выразить числом.

И дальше повторяется то, что было описано в стихотворении «Космос», но привлекаются новые детали, новые формулировки. Описав, как с помощью спектрального анализа человек исследовал туманности и звезды и

«бег миров в пространстве» и как человек «малый атом ногтем расщепил», поэт заключает [4. С. 74–75]:

В два-три столетия был преображен
Весь старый мир: разрушен и отстроен
На миллионы световых годов
Раздвинута темница мироздания,
Хрустальный свод расколот на куски
И небеса проветрены от Бога».
И это вело к тому, что
«Наедине с природой человек
Как будто озверел от любопытства:
В лабораториях и тайниках
Ее пытал, допрашивал с пристрастием...
...Отвсюду вытраивал заразу духа...
...Мозги дезинфицировал от веры,
Накладывая запреты и табу
На все, что не сводилось к механизму...
...Огородил свой разум частоколом
Торчащих фактов, терминов и цифр
И до последних граней мироздания
Раздвинул свой безвыходный Таноб.

И наступило время новейшей революции в физике, когда «разум вскрыл такие недра недр, что самая материя иссякла», а механика, точнее механицизм и евклидово пространство, рухнула [Там же. С. 75–76]:

Мир стер зубцы Лапласовых колес,
Заржавели Ньютоновы пружины,
Эвклидов куб – наглядный и простой –
Оборотился Римановой сферой».
И дальше – о гравитации как кривизне пространства:
«Так он постиг, что тяготение тел
Есть внутренняя кривизна пространства.

Завершается «Таноб» примерно так же, как «Космос», в духе эддингтоновской притчи о существе, оставившем след на берегу Неизвестного:

И разум, исследивший все пути,
Наткнулся сам на собственные грани:
Библейский змий поймал себя за хвост.

Как ни мощны наши абстрактные математически изоощренные теории, позволившие нам проникнуть в глубь микромира и в безмерные дали Космоса, они, как считает поэт, дают неполное, искаженное представление о мире:

В ограде кольцевых нагромождений
Своих систем – мы сами свой Таноб.
Мир познанный есть искаженье мира.

Выход намечается в новом мятеже, взрывном преображении человеческого духа:

Свободы нет, но есть освобожденье!
Наш дух – междупланетная ракета,
Которая, взрываясь из себя,
Взвивается со дна времен, как пламя.

5. Об истоках и источниках поэмы «Путями Каина»

Основной блок стихотворений поэмы-цикла был написан в 1922–1923 годах, и М.А. Волошин к 1925 году считал поэму близкой к завершению, хотя собирался дополнить ее несколькими стихотворениями, которые он назвал «Таноб», «Взрыв», «Цареубийство», «Боги-игрушки» (Петрушка), «Людоедство – Евхаристия» и «Культура». В 1926 году он написал стихотворение «Таноб», которое осталось за пределами основного корпуса цикла. Остальные задуманные главы так и не были им написаны. В последние годы М.А. Волошин много болел, и поэма так и осталась не вполне законченной.

Двадцатидвухлетнего студента юридического факультета Московского университета исключают и высылают в Среднюю Азию (1900). Вскоре после этого он решает посвятить себя литературе и искусству и уезжает в Париж, периодически, однако, приезжая в Россию, куда он окончательно возвращается только в 1917 году.

Набросаем краткую хронологию произведений Волошина, в которых просматриваются истоки и предвестия поэмы «Путями Каина».

– 1903–1905. Цикл стихотворений «Когда время останавливается» о познании, вечности, бесконечности.

– 1907. Статья-рецензия «О теософии» (о магическом и современном научном познании и теософском обществе).

– 1909. «Демонизм машин» (незаконченный набросок).

– 1911. Стихотворение «Два демона» – 1. «Я дух механики...».

– 1915. «Два демона» – 2; стихотворения «Аполлион», «Левиафан» и «Суд», впоследствии включенные в поэму «Путями Каина» («Аполлион» под названием «Война»).

– 1916. Сборник стихотворений “Annomundiardentis. 1915”. М., 1916. В нем опубликованы три последних стихотворения, вошедших впоследствии в поэму «Путями Каина».

– 1917. Очерк «Демократизация искусства», содержащий разработку некоторых важных идей поэмы «Путями Каина». Стихотворение «Подмастерье».

– 1918. Лекция «Россия распятая», которая читалась Волошиным в течение 1918–1919 годов.

– Лекция «Скрытый смысл войны»; читалась в Ялте и Севастополе в конце 1918 года; наиболее детально разработанный идейный каркас поэмы «Путями Каина».

– 1922–1923. Создан основной блок стихотворений, которые вместе со стихами «Аполлион» («Война»), «Левиафан» и «Суд», написанными в 1915 году, составили корпус стихотворений поэмы «Путями Каина».

В четырехстишии «Когда время останавливается» (1903–1905) в кратчайшей провидческой форме намечается поворот к философско-поэтическим размышлениям о познании, времени, пространстве, вечности, бесконечности, которые займут одно из центральных мест в поэме «Путями Каина» [3. С. 7–80]:

Ключья тумана – вблизи... вдалеке...
Быстро текут очертанья,
Лампу Психеи несуся в руке –
Синее пламя познанья...
...Время свергается в вечном паденье,
С временем падаю в пропасти я.
Сорваны цепи, оборваны звенья,
Смерть и Рождение – вся нить бытия...
...Когда же зеркальность тишины
Сулит обманную беспечность
Сквозит двойная бесконечность
Из отраженной глубины...
...Ряд случайных сочетаний
Мировых путей и сил
В этот мир замкнутых граней
Влил меня и воплотил...

Здесь все еще достаточно туманно. Но вот уже в статье-рецензии «О теософии» (1907) мы встречаемся с некоторыми доминантными идеями М.А. Волошина [7. С. 236–246]. Прежде всего, это идея о двойственности научно-технического прогресса и преобладании его негативной стороны: «Каждое новое научное открытие или изобретение дает в руки человека... власть на добро и зло. Но характерно то, что все открытия науки, все приложения великих сил – пара, электричества и взрывчатых веществ, найденных на процветанье человечества, – все они послужили больше на зло, на порабощение и на истребление человека, чем во благо его» [Там же. С. 237]. В «тайных науках» он видел пример того, «как надо заботиться о том, чтобы власть и знание могли быть даны только в руки тем, кто не станет употреблять их с личными целями и во зло другим» [Там же]. А древнюю магию он считал «такой же наукой о силах природы, как и нынешняя наука, но только там, где современная наука постигает закон природы безусловно и математически, там магия видела живую волю стихийных духов, управляющих природой, и вступала в личную борьбу с ними» [Там же. С. 239].

В незаконченной наброске «Демонизм машин» (1909) говорится о феноменах огня, машины, динамита, своего рода демонов, которых «европейцы вызвали к жизни... но не могут управлять ими и попали под их деспотическую власть» [7. С. 600].

Один из таких демонов, «дух механики», обрел блистательное поэтическое воплощение в стихотворении «Два демона» (1), написанном в 1911 году [3. С. 195]. Это дух не только механики, но и всего точного (математического) естествознания, а заодно и всей техники, основанной на нем и даже логики и теологии, претендующих на строгость и точность [3. С. 195]:

Я дух механики. Я вещества
Во тьме блюду слепые равновесья,
Я полюс сфер – небес и поднебесья.
Я гений числ. Я счетчик. Я глава.
Мне важны формулы, а не слова.
Я всюду и нигде. Но кликни – здесь я!
В сердцах машин клокочет злоба бесья.
Я князь земли! Мне знаки и права!
Я друг свобод. Создатель педагогик.
Я инженер, теолог, физик, логик.
Я призрак истин сплавил в стройный бред.

При этом он действительно обладает всепроникающей мощью, отвечая не только за точные законы природы и за технологии, но и за общественное устройство («друг свобод», «создатель педагогик»), религиозные и философские системы и т.д.

В 1915 году М.А. Волошин пишет о безумии и ужасах Первой мировой войны стихотворения «Аполлион», «Левиафан» и «Суд», опубликованные затем в сборнике его стихотворений “Annomundiardentis, 1915” (1916). Они вошли в поэму-цикл «Путями Каина», причем первое – с некоторыми дополнениями под названием «Война», а вторые два целиком, в неизменном виде. Аполлион – это Ангел Бездны, о котором говорится в «Откровении Иоанна Богослова» (Апокалипсис). В письме к А.М. Петровой в августе 1915 года он так характеризовал войну: «Это борьба нескольких государственно-промышленных осьминогов. Они совершают свои гнусные пищеварительные процессы, а им посылают отборных юношей. И демоны машин пожирают прежде всего самых чистых, искренних и правдивых, кто (они знают) не примет их царства» (цит. по [4. С. 652]). Демоны машин и монстры государств («Левиафаны») с неизбежностью влекут за собой апокалиптические войны.

В 1917–1918 годах он публикует очерк «Демократизация искусства» [7. С. 346–352] и выступает в Ялте и Севастополе с лекцией «Скрытый смысл войны» [Там же. С. 368–404], в которых, особенно в последней, уже почти полностью выстроена логика поэмы-цикла «Путями Каина». В первом тексте речь идет об огне, который «выделил человека из порядка других

хищников, но еще не выплавил до конца человеческие элементы из звериных» [7. С. 347]. Единственный выход из положения Волошин видит в том, чтобы научное познание, ведущее к овладению этими силами, уравновесить любовью: «Две силы есть у творческой воли человека: познание и любовь. Познание – сила негативная... Все положительные творческие силы человека – в Любви...» [Там же. С. 349]. Кстати говоря, социализм, по его мнению, ...является явлением отрицательным, потому что для направления настоящего он недостаточно практичен, а для выявления будущего его идеал слишком мелок» [Там же].

В лекции «Скрытый смысл войны» рассматривается «путь, пройденный человечеством от доброго братского кулака Каина до экзотической динамитной бомбы...» [7. С. 387]. Обсуждаются знакомые нам вехи на этом пути: «Меч», «Порох», «Машина». Рассказывается о статье Метерлинка «Боги войны», написанной вскоре после русско-японской войны. Идея о том, что «лишь только среди кажущегося сна природы овладеваем мы родником новой силы, мы становимся ее жертвами или, чаще, рабами», принадлежит бельгийскому драматургу [Там же. С. 391]. Мы узнаем и некоторые формулировки из стихотворения «Космос»: «Современные физики доказали нам, что мы живем в мире, в котором все разрушается и ничего не создается, что все силы, с которыми мы имеем дело, – теплота, свет, электричество, радиоактивность – суть только продукты непрерывного распада материи, энергия, высвобождаемая расщеплением атомов» [Там же. С. 393–394].

Снова выстраивается последовательность от «Огня» и «Магии» до «Пара», «Пороха» и «Машины». «Нашествие машин на современную Европу» напоминает апокалиптические видения и появление Ангела Бездны («Имя ему Аполлион, что значит Истребитель» [Там же. С. 399–400]. Мировая война описывается как схватка Левиафанов (государств-монстров). Волошин приводит в тексте лекции оба эти два стихотворения, написанные в 1915 году. Божий глас в стихотворении «Левиафан» «раскрывает... последние цели человечества: распадающийся космос материи должен быть спасен человеком и плоть мира должна преобразиться в чистейшее из сияний божественных слав». Левиафан, этот монстр сплавленный «из всех темных страстей человеческой природы... поглощает и поработывает человека», но вместе с тем от него же должно прийти избавление от всех бед, «наступающее только через внутреннее преображение самого человека» [Там же. С. 403–404].

В стихотворении «Подмастерье», написанном в 1917 г., в кратчайшем виде сформулирована главная позитивная идея будущей поэмы, идея выхода из тупиков, к которым привели «пути Каина» [3. С. 237].

Это преображение совершается в процессе Страшного Суда (стихотворением «Суд» заканчивается и эта лекция), на котором человек судит самого себя. «Вот те видения, – заключал Волошин, – которые мне было дано увидеть в Западной Европе, сквозь дымно-пламенный кристалл войны. И когда

я склонялся над кладбищами мировых побоищ, мне представлялся тот день, когда земля “вернет мертвых, бывших в ней”» [3. С. 237]:

Когда поймешь, что человек рожден,
Чтоб выплавить из мира
Необходимости и Разума
Вселенную Свободы и Любви, –
Тогда лишь ты станешь Мастером¹.

В 1921 году он собирался читать лекции по истории культуры. Вот фрагменты сохранившегося плана этих лекций [6. С. 729–733]: «...Бунт – употребление огня... Бунт против законов природы. Законы неизменны, но бунтовщик, сам изменяясь, преодолевает их... Открытие огня – бунт изобретательности... Опыт против гуманизма. Средневековые ценило чудо, – Леонардо – закон... Борьба с магией (родственной науке). Христианский аскетизм науки... Наука кастрирует себя, отказываясь от лучших способностей духа: фантазии, синтеза, творчества новых миров... Человек не видит ликов природы, а только схемы и формулы... Перелом сознания в 1900 году. Наука дошла до последних точек. Надо соединить пути научного и художественного познания...».

В этих фрагментах чувствуется понимание тех доминантных идей, которые, как мы видели, легли в основу поэмы «Путями Каина»: «Бунт» или «Мятеж», «Огонь», «Магия»; ограниченность научного познания, в которой «наука дошла до последней точки» и т.д.

В автобиографичном стихотворении «Четверть века (1900-1925)», написанном в конце 1927 года, есть несколько загадочное место, касающееся науки о космосе [4. С. 85]:

Я был свидетелем сдвигов сознания,
Геологических оползней душ
И лихорадочной перестройки
Космоса в «двадцать вторых степенях».

Что имеется в виду под этими космическими «двадцать вторыми степенями»? Столь же загадочная цифра 22 появляется несколькими годами раньше в незаконченной поэме В.В. Маяковского «Пятый интернационал» [9. С. 380]:

¹ Кстати, этим строкам предшествует еще одно условие превращения подмастерья в мастера [3. С. 327]:

Когда же ты поймешь,
...Что всюду – и в тварях и в вещах – томится
Божественное слово, их к бытию призвавшее,
Что ты – освободитель божественных имен,
Пришедший изназвать
Всех духов – узников, увязших в веществе...
...Тогда лишь ты станешь мастером.

Хоть руками щупай в 22 измерения
Нет краев пространству,
Времени конца нет.

Здесь, правда, речь идет о 22 измерениях. Тоже не ясно, откуда Маяковский взял эту цифру. Что касается 10^{22} Волошина, то это современная оценка числа звезд в видимом космосе (200 млрд звезд в нашей галактике и 150 млрд галактик дают 3×10^{22} звезд) [10. С. 397]. Но, в начале 1920-х годов это число было значительно меньше. Так что загадка числа 22 у великих поэтов Серебряного века остается пока неразрешенной.

Несколько слов о том, кто и каким образом оказал воздействие на концептуальную структуру поэмы. Анализ сопутствующих поэме текстов и писем Волошина свидетельствует о том, что на его историософскую концепцию, развитую к началу 1920-х годов и нашедшую известное завершение в поэме «Путями Каина», больше всего повлияли философско-публицистические эссе и статьи А. Франса («Сад Эпикура»), М. Метерлинка («Похвала боксу», «Похвала шпаге», «Боги войны») и присланная ему В.В. Вересаевым книга О. Шпенглера «Закат Европы». Комментаторы отмечали также схожесть некоторых формулировок Волошина с некоторыми местами из Г. Гейне («Порох уравнил людей, ружье в руках горожанина стреляет не хуже, чем в руках дворянина» (цит. по [4. С. 648]) и братьев Э. и Ж. де Гонкуров («Только рука человека придает вещам жизнь. Машины изготовляют мертвые вещи» (цит. по [4. С. 650])).

При всем своем материализме и позитивизме и увлеченности достижениями науки и техники А. Франс в «Саде Эпикура» отмечает ограниченность этих позиций. Например, он говорит, что, «отвергнув догмы теологической морали, как сделали почти все в нынешний век науки и свободомыслия, теряешь всякую возможность знать, зачем ты появился на свет и существуешь на нем» [11. С. 275]. И там же: «Неизбежен такой момент, когда любопытство становится грехом; дьявол всегда на стороне ученых» (а у Волошина в «Танобе»: «Наедине с природой человек как будто озверел от любопытства»).

Волошин в своей лекции «Скрытый смысл войны» (1918) неоднократно цитирует М. Метерлинка или пересказывает близкие ему идеи бельгийца. Говоря об опасностях научно-технического прогресса, он замечает: «Из всех западноевропейских писателей только у одного Метерлинка я нашел тревожное описание свершающегося» [7. С. 391]. И дальше рассматривает логику эссе Метерлинка «Боги войны»: «Вот вкратце ход его мыслей: лишь только среди кажущегося сна природы овладеваем мы родником новой силы, мы становимся ее жертвами или чаще рабами и т.д.» [Там же].

Автор комментариев к поэме В.П. Купченко цитирует письма М.А. Волошина 1923 года В.В. Вересаеву, приславшего ему «Закат Европы» О. Шпенглера. Эти цитаты свидетельствуют о созвучии идей Шпенглера и Волошина. В письме от 2 апреля 1923 года поэт пишет об этой книге: «Необычайно вдохновляющая, оплодотворяющая книга, хотя с нею в боль-

шинстве случаев не соглашаюсь. Для моей работы над «Путями Каина» она драгоценна» (цит. по [4. С. 642–643]). А 15 июня 1923 года он подчеркивает, что книга Шпенглера была для него особенно важна, когда он писал стихотворение «Космос»: «Тема портретирования культур – близко подходящая к Шпенглеру. Я начал писать “Космос” до знакомства с ним, а заканчивал, уже прочтя. Но, полезен он мне оказался только в некоторых строках о Греции и в мысли об относительности математических познаний. Но вдохновения и новых мыслей дал он много» [Там же. С. 653].

Заключительные замечания и выводы

Сконцентрируем эти замечания и выводы в три группы. Первая – это некоторые дополнительные ссылки на литературу. Вторая группа – это выводы, касающиеся новейшей революции в физике, теории относительности и связанных с ней представлений о Космосе. И, наконец, третья группа – это выводы, относящиеся к волошинской метафизике истории человечества и роли науки в этой истории.

Наиболее важным источником оказались краткие, но весьма важные комментарии к сочинениям М.А. Волошина, принадлежащие прежде всего В.П. Купченко [4; 7], а также вступительные статьи и комментарии к нескольким изданиям Волошина, написанные тем же Купченко, З.Д. Захаровым, Э.С. Менделевичем, Л.А. Евстигнеевой и др. [3; 12–14]. Тем не менее проблема «М.В. Волошин и естественные науки» похоже изучена явно недостаточно. Одна из немногих статей на эту тему, принадлежащая В.И. Цветкову, слишком краткая и совершенно бессмысленная [15]. Вместе с тем с некоторыми выводами автора, пусть и недостаточно аргументированными, трудно не согласиться. Вот примеры таких выводов: «Нескрываемая ирония, часто переходящая в сарказм, сопровождает авторское описание завоеваний науки в разные эпохи и особенно открытий гордого своим научным взлетом XX в.» [15. С. 382–383]. Еще один вывод: «Проследивая вспять длинную цепь исследователей и преобразователей мира, Волошин обнаруживает во главе ее символическую фигуру первоубийцы Каина... Путь Каина – это путь насилия, он может привести только к мрачному и жестокому бездуховному миру, к трагическим мировым катастрофам» [Там же]. И последняя цитата: «По глубине охвата научной темы Волошину нет равных в поэзии XX века... По Волошину путь познания и преобразования мира, путь «земного мятежа», представляет ценность не как средство к созданию удобств для современного человека, а как «первый шаг к пожарищам любви», как попытка «пересоздать себя»...» [Там же. С. 386].

В статьях С.В. Кричевского, Р. Баландина и др. отмечается родство идей Волошина и В.И. Вернадского [16; 17]. Очень близко поэту следующее суждение великого естествоиспытателя: «Человечество выживет только в том случае, если мир биологический, биосфера, сменится миром разумным, ноосферой, если человек, неотделимый от природы, но постоянно ее наси-

люющий, вернется к ней, сольется с ней на базе высшего Разума» (цит. по [4. С. 643]).

В 1990–2000-е годы появилось много литературоведческих исследований поэмы «Путями Каина. Трагедия материальной культуры». Сошлюсь, например, на кандидатскую диссертацию Г.Е. Опарина «Книга Волошина «Путями Каина» в литературном контексте первой трети XX в.: историософия и поэтика», защищенную в 2005 году [18]; список литературы в ней содержит 443 названия. В этой работе немало интересного, например, сопоставление поэтических миров Волошина с таковыми же мирами В.Я. Брюсова и А.А. Блока и т.д., обсуждение жанровых особенностей поэмы и т.д. Но более или менее адекватный анализ научных и историко-научных аспектов поэмы в них отсутствует.

Не стремясь к тому, чтобы дать обстоятельный обзор литературы, следует добавить только, что при анализе поэмы был использован также принцип «медленного чтения», с которым в давние годы автор познакомился по книге А.А. Белкина «Читая Достоевского и Чехова» [19]. Р.В. Комина во вступительной статье к этой книге так описывала этот принцип: «Белкинское медленное чтение – это не только построчный комментарий... Это прежде всего чтение-исследование, литературоведческий микроскоп, направленный на каждую важную частность с целью не только заметить и оценить ее, но найти... через частное ключ к общему, к целому» [19. С. 6].

Теперь о двух других группах выводов и замечаний, касающихся теории относительности и революции в физике, а также волошинской метафизики истории.

Годы жизни М.А. Волошина буквально совпали с той третью XX века, в течение которой свершилась научная революция в физике. Так, начало этой революции обычно связывается с открытиями рентгеновских лучей (1895), радиоактивности (1896) и электрона (1897), квантовой теорией излучения М. Планка (1900). Волошин в это время учится в последних классах гимназии, оканчивает ее, поступает в университет, высылается в Среднюю Азию за участие в студенческих забастовках и затем «уходит на запад» (1901) и становится литератором, искусствоведем, художником. Первые стихи, насыщенные философскими размышлениями о пространстве, времени, вечности, бесконечности, познании появляются в 1903–1905 годах, как раз в годы взлета электромагнитной картины мира и появления СТО. Многие важные идеи будущей поэмы «Путями Каина» формируются в 1909–1915 годах, в период 4-мерного оформления СТО, первых представлений о ядерной структуре атома и квантовой теории атома Резерфорда и Бора, а также и создания ОТО. Несмотря на начавшуюся мировую войну, которая также сильно повлияла на генезис поэмы, научная революция продолжалась: 1917 год – релятивистская космология, 1918–1921 годы – первые единые теории поля, 1922–1924 годы – нестационарная космология, 1925–1927 годы – создание квантовой механики.

В России 1917 год – год революций, после чего начинается Гражданская война, продолжавшаяся до 1922 года. Идейный каркас поэмы складывается в 1917–1918 годы, а основные стихотворения цикла, составляющего поэму, написаны в 1922 и 1923 годы. К 1925 году поэма в общих чертах написана, но работа над ней еще продолжается (стихотворение «Таноб» – 1926 год). А умер поэт в год открытия нейтрона и других ядерных чудес (1932). Именно открытие нейтрона привело через несколько лет к открытию ядерного деления урана при его облучении медленными нейтронами, которое сделало реальной возможность извлечение и использование той самой «интраатомной энергии», о чем пророчески говорил Волошин на рубеже 1910–1920-х годов.

Поэт очень интересовался новейшей физикой, читал и изучал научно-популярную классику – книги А. Пуанкаре, А. Эйнштейна, М. Борна, А.Ф. Иоффе, Г. Лебона и, возможно, А. Эддингтона и А.А. Фридмана. В стихотворениях «Космос» и «Таноб» мы находим немало точных, хотя и с ироническим и негативным оттенками «релятивистских мест», в том числе и касающихся представлений о Вселенной. Например, в «Танобе» говорится, что «тяготение тел есть внутренняя кривизна пространства». Это – кратчайшая и точная формулировка ОТО. А в «Космосе» говорится, что «все тридцать пять миллионов солнц возникли в единый миг и сгинут все зараз». Здесь – то ли знакомство с нестационарной моделью Фридмана, то ли некое ее предвосхищение. Поражают и его пророчества, касающиеся ядерной (или «интраатомной») энергии.

При этом Волошин поражен не столько радикальностью разрыва новейшей физики и теории относительности с классикой, ее мощью, масштабностью, проникновением в безграничные пространства космоса и глубины микромира, сколько озадачен и озабочен разрывом новейших теорий с наглядностью и здравым смыслом, триумфом абстрактных математических конструкций, сближением с философией чуждых ему позитивизма и платонизма. Вместе с тем его страшит картина гигантски раздвинувшегося космоса, возникшего одновременно и должного погибнуть. И, наконец, ему представляется крайне опасным овладение новыми силами природы, поскольку вслед за открытием этих сил следует их использование для создания новых страшных орудий, способных привести к самоуничтожению человечества.

Такое восприятие новейшей революции в физике (и теории относительности как некоей ее вершины) – в значительной степени результат той метафизики истории человечества, к которой поэт шел на протяжении четверти века и которая в сложной поэтической форме представлена в поэме «Путями Каина» (с важным дополнением в ее названии – «Трагедия материальной культуры»). Эта история (вместе с ее метафизикой), – по крайней мере трижды воспроизводится в поэме: в цикле стихотворений от «Мятежа» до «Левиафана» и «Суда», затем – в первых главках стихотворения «Космос» и, наконец, в третий раз – в последнем, написанном для поэмы стихо-

творении «Ганоб», которое так и осталось невключенным в основной корпус цикла.

Картина истории человечества, основанная на религиозно-метафизических идеях поэта и изучении истории культуры прошедших эпох, вроде бы включает в себя прогресс в познании мира и овладении силами природы, но вместе с тем глубоко трагична и трагичность эта нарастает. Волошин был современником не только квантово-релятивистской революции в физике, но нескольких революций и войн, которые привели к гибели миллионов людей и целых государств.

Кратко суммируем основные идеи волошинской метафизики истории. Трагичность этой истории связана с тем, что человечество с библейских времен пошло «путями Каина», который был не только «первоубийцей», но и «первоцивилизатором» – основателем ремесел и искусств, а также наук и т.д. На этих путях, сопровождавшихся социальными катастрофами и войнами, созревали институты религии, демократии, государственности, и при этом человечество, овладевая силами природы, создавало новые орудия войны (Меч, Порох, Машина и т.д.). Но это не вело к нравственному прогрессу. Каинская сущность человека оставалась неизменной. Созданные в последние столетия государства, как показали войны и революции первой четверти XX века, – это антигуманные монстры, развязавшие эти войны. На «Путях Каина» произошла и квантово-релятивистская революция, от которой не следует ожидать преобразования человечества. Это преобразование возможно, если сойти с «путей Каина», то есть человек должен «пересоздать самого себя», отказаться от всего того, что ведет к дегуманизации: от монстров и демонов машин, государства, насилия, войн и т.д. Под подозрение попадает и современная наука, которая не смогла предотвратить «трагедию материальной культуры». Поэтому и его отношение к современной физике и космологии, а также и к теории относительности, как их теоретическому фундаменту, в общем негативно.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Волошин М.А.* Демонизм машин (1909) // Собрание сочинений. – Т. 6. – Кн. 2: Проза 1900–1927. Очерки, статьи, лекции, рецензии, наброски, планы. – М.: Эллис Лак 2000, 2008. – С. 599–605.
2. *Визгин В.П.* Теория относительности за пределами точного естествознания: Россия, 1920-е годы // Исследования по истории физики и механики, 2012–2013. – М.: Физматлит, 2014. – С. 155–191.
3. *Волошин М.А.* Стихотворения. Библиотека поэта. Малая серия. – Изд. 3-е. – Л.: ЛО «Советский писатель», 1982. – 464 с.
4. *Волошин М.А.* Собрание сочинений. – Т. 2: Стихотворения и поэмы 1891–1931. – М.: Эллис Лак 2000, 2004. – 768 с.
5. *Фридман А.А.* Мир как пространство и время. – Петербург: Academia, 1923. – 131 с.
6. *Эддингтон А.* Пространство, время и тяготение. – Одесса: Mathesis, 1923. – 216 с.
7. *Волошин М.А.* Собрание сочинений. Т. 6. – Кн. 2: Проза 1900–1927. Очерки, статьи, лекции, рецензии, наброски, планы. – М.: Эллис Лак, 2000, 2008.

8. *Визгин В.П.* «Пока предмет не назван, он непонятен нам»: об именовании историко-научных феноменов // Вопросы истории естествознания и техники. – 2017. – Т. 38. – № 1. – С. 9–25.
9. *Быков Д.Л.* Тринадцатый апостол. Маяковский: Трагедия-буфф в шести действиях. – 2-е изд. – М.: Молодая гвардия, 2016 – 827 с.
10. *Стенджер В.* Бог и Мультивселенная. Расширенное понятие космоса. – СПб.: Питер, 2016. – 432 с.
11. *Франс А.* Сад Эпикура // А. Франс. Собрание сочинений: в 8 т. – Т. 3. – М.: ГИХЛ, 1958. – С. 251–551.
12. *Волошин М.А.* Избранное: Стихотворения, воспоминания, переписка. – Минск: «Мастацкая литература», 1993. – 479 с.
13. *Волошин М.А.* Россия распятая: сборник статей и стихов. – М.: ПАН, 1992. – 252 с.
14. *Волошин М.А.* История моей души. – М.: Аграф, 1999. – 480 с.
15. *Цветков В.И.* На рубежах познания Вселенной (Историко-астрономические исследования, XXII). – М.: Наука. Физматлит, 1990. – С. 81–394.
16. *Кричевский С.В.* Философия М.А. Волошина и проблемы техники и экологии XX века // VIII и IX Волошинские чтения: материалы и исследования. – Симферополь, 1997. – С. 6–61.
17. *Баландин Р.* Вселенная живая и мертвая: Волошин и Вернадский о двух синтезах космоса // Дружба народов. – 1995. – № 12. – С. 162–172.
18. *Опарин Г.Е.* Книга М.А. Волошина «Путями Каина» в литературном контексте первой трети XX века: историософия и поэтика // Диссертация на соискание степени кандидата филологических наук. – Киров, 2005. – 190 с.
19. *Белкин А.А.* Читая Достоевского и Чехова (статьи и разборы). – М.: Художественная литература, 1973. – 304 с.

**HISTORICAL AND SCIENTIFIC COMMENTARY
ON THE POEM OF M.A. VOLOSHIN
“FOLLOWING CAIN’S PATH.
THE TRAGEDY OF MATERIAL CULTURE”**

V.P. Vizgin

The article deals with the historical, scientific and metaphysical aspects of M. Voloshin poem “Following Cain’s path. The tragedy of material culture” (1922-1926). It reflects a scientific revolution in physics, associated with the creation of the theory of relativity and a breakthrough in the microcosm, as well as the accompanying social upheavals. Both processes are weaved together on the basis of Voloshin's tragic metaphysics of history.

Key words: M.A. Voloshin, the poem “Following Cain’s path”, the scientific revolution in physics, the theory of relativity, cosmology, astrophysics, the metaphysics of history.

К ЦИВИЛИЗАЦИОННЫМ ИСТОКАМ ФИЗИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ ТЕХНИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА: МЕТАФИЗИКА И ДУХОВНОСТЬ, САКРАЛЬНОСТЬ И СИНЕРГИЯ

В.С. Михалкин

*Ижевский государственный технический университет
имени М.Т. Калашиникова*

В статье рассмотрены пути возрождения традиционных ценностей и норм российской цивилизации как основы для развития творческого потенциала студентов технических вузов. Особое внимание уделяется раскрытию и актуализации метафизических ресурсов общего курса физики, определяющих подъем духовной культуры обучаемых.

Ключевые слова: российская цивилизация, православное христианство, духовно-сакральные традиции, метафизика и целостность образования, трансцендентность, теология и синергия.

Среди множества вузов страны университеты занимают особое место, будучи продуктом христианской культуры, они призваны, посредством накопления и передачи универсальных знаний, обеспечивать своих выпускников не только профессией, но и культурными основами бытия. Русские инженеры дореволюционного периода превосходили своих зарубежных коллег именно по уровню общей культуры. Деятельность современных вузов направлена, как правило, на обретение и передачу научных и профессиональных, но не универсальных знаний, определяющих степень духовной культуры обучаемых. Ведущей целью университетов становится развитие интеллектуальных способностей рационально мыслящего специалиста, компетентного в своей специальности, но индифферентного к решению изначальных вопросов человеческого бытия и заботам о благе общества. Эта сциентистская односторонность университетского образования, порождающая “одномерного” человека, приобретает сегодня статус общепризнанной социальной проблемы.

Непосредственная и, возможно, одна из главных причин зарождения этой проблемы обусловлена необходимостью решения конкретных задач прежнего политического курса страны. Во времена СССР его руководством высшая школа была призвана на выполнение планов развития общества и важнейших отраслей народного хозяйства. Усилиями ее выпускников был совершен гигантский рывок в подъеме экономики и в технологическом соревновании с Западом. Трудом специалистов советского периода было разработано вооружение, обеспечившее победу в Великой Отечественной войне, создано ядерное оружие, ракетно-космическая техника и выход в Космос. Тем не менее достигнутый научный и технический взлет СССР не

уберег его от геополитического поражения и дальнейшего перерождения. Подобный исход становится свидетельством того, что узкопрофессиональная прагматическая парадигма образования, вне передачи мировоззренческого, духовного и культурного наследия, не является гарантом стабильности развития общества и страны.

Порочность девальвации духовно-нравственной сферы образования и утраты традиционных культурных ценностей общества осознается сегодня многими экспертами образования и представителями руководства страны. Необходимость их воссоздания и самобытного цивилизационного развития общества прозвучала во многих обращениях президента России В.В. Путина. Начало духовного возрождения страны и оснований российской цивилизации положено законодательным утверждением «Основ государственной культурной политики» в феврале 2014 г. Среди главных целей и задач этого основополагающего документа указывается: «...сохранение исторического и культурного наследия и его использование для воспитания и образования; передача от поколения к поколению традиционных для российской цивилизации ценностей и норм, традиций, обычаев и образцов поведения; создание условий для реализации каждым человеком его творческого потенциала» [1. С. 9].

Взаимосвязь условий развития личности в образовании с его цивилизационными основами *убедительно* выражается афоризмом шотландского философа А. Фергюсона: «путь от младенчества к зрелости проделывает не только каждый отдельный индивид, но и сам род человеческий, движущийся от дикости к цивилизации». Источником и ядром самобытности локальных мировых цивилизаций являются религиозные верования, которые устойчивы и постоянны при различных изменениях общественных систем. К примеру, основу образования западноевропейской и американской цивилизации составляют представления протестантизма, в основу образования исламской цивилизации положено мусульманское вероисповедание, образование дальневосточной цивилизации выстраивается на традициях конфуцианства или синтоистской религии. Правомерность и плодотворность религиозных оснований образования была подтверждена экспертами научно-педагогического сообщества ЮНЕСКО, отмечавшими на одном из международных семинаров, что важнейшей причиной угасания творческого потенциала народа является национальная система образования, далекая от духовных/сакральных традиций и культуры своего народа.

Актуальность обращения к цивилизационным началам образования обусловлена сегодня усилением информационно-психологических или цивилизационных войн, которые ведутся наиболее развитыми странами, претендующими на мировое господство в XXI столетии. В них используются не обычные вооружения, а научно обоснованные методы и информационные технологии внедрения в сознание противника ценностей цивилизации, притязавшей на лидерство, которое изменяют и разрушают национальные, культурно-исторические традиции. Их сохранение в цивилизационном про-

тивостоянии обеспечивает развитие и воспитание личности, способной сохранять стабильность и саморазвитие жизни своего народа, его исконное языковое родство, культуру, религию и менталитет.

Принципиально значимо, что наибольшие успехи в развитии науки и образования достигнуты в странах христианской цивилизации, принявших духовно-нравственное учение Иисуса Христа в качестве фундамента общественной жизни. Его незыблемость выражается в английском языке фразой (this is the Bible – это есть Библия), означающей изначально духовные истины, с которыми человечество не расстанется в течение двух тысячелетий. Ядром русской (российской) цивилизации явилось православное христианство, покоящееся на Божественном Откровении и создавшее смысловое наполнение последовательно расположенных вокруг него концентрических сфер языка, культуры, образования и государства. Единственное в мире оно имело название «Святая Русь», которое отражало ментальность общества, принимающего святость как критерий истины и высочайшую степень духовности ее носителя. Святые на Руси почитались более, чем другие официальные лица, поскольку принадлежность к ним знаменовала устремленность к благодатному преображению души, жертвенное служение идеалам добра и справедливости и особую нравственную ответственность за судьбу своего отечества.

К одним из тяжелейших испытаний для русской цивилизации и страны явилась антирелигиозная революция 1917 года, завершившаяся гибелью Российской империи и заменой православной веры атеистической идеологией, утверждавшей, что бытие человека определяется лишь биологическими и социальными факторами. Тем самым из ядра русской цивилизации было изъято представление о Боге, обсуждение значимости реального соединения с которым в истории христианских стран насчитывает не одно столетие. Обобщая его результаты, В.Э. Багдасарян и С.С. Сулакшин делают вывод об отсутствии неразрешимых противоречий между системами религиозного и научного познания мира и усиления тенденции религиозно-научной конвергенции [2. С. 82]. В условиях атеистического образования вопрос о бытии Бога искусно камуфлируется философским вопросом о том, что является первичным: материя или сознание? Беспрекословный выбор материализма о первичности материи предопределял отрицание духовного мира и божественного бытия.

Возрождение утраченной сакральности России зримо усматривается в решениях правительства по восстановлению государственной символики, имеющих принципиально важное символическое значение. Оно началось с утверждением Государственного герба РФ – Двуглавого Орла, в котором, по православной традиции, олицетворяется идеал «симфонии» – взаимодействия духовной и светской власти. Его продолжение представлено внесением в 1999 году эпохальных фраз Государственного гимна, отражающих сакральные основы российского бытия: «Россия – священная наша держава» и «храняемая Богом родная земля». Процесс возрождения веры в Бога и его ре-

ально действующие энергии, как духовной опоры общества, обнаруживается в утверждении Президентом России Праздника Рождества Христова как государственного, в создании религиозных средств массовой информации, возведении новых и реставрации порушенных ранее православных храмов, отражающих признание христианских духовно-нравственных устремлений страны, общества и народа. Его очередным актом стало открытие памятника святому князю Владимиру в центре Москвы.

Начатое возрождение сакральных основ общества и страны органично вызывает необходимость подобного обновления современного образования, отказа от бытующей в нем идеологии либерализма и комплекса нецивилизованности. Расширяя унаследованное с советских времен неоправданно узкое понимание религиозного образования, Ф.Н. Козырев [3] отмечает, что религия может входить в образовательное пространство в качестве института (религиозной организации), учебного предмета (предметной области, надпредметной темы и др.), ценностного основания (ориентира, идеала) воспитания учащихся. Эти возможности предполагают не изменение содержания образования, но его ориентацию на основания отечественной культуры. Начало возвращения образования к истокам национальных, культурно-исторических традиций можно соотнести с введением в 2010 году религиозно-культурологических курсов «Основы религиозных культур и светской этики» и «Основы православной культуры» в стандарты среднего образования. Их преподавание мотивируется осознанием необходимости толерантного диалога между представителями различных религиозных верований народов, населяющих Россию. Для ее православной части (порядка 70% всего населения) они дают возможность привлечения Библии к воспитанию детей, раскрытию христианских заповедей как сердцевины общечеловеческой нравственности и приращению понятия «человек» морально-этическими смыслами души и духа.

С дальнейшим расширением образовательного пространства страны его духовно-религиозными предметами является включение ВАКом РФ специальности «Теология» в государственный образовательный стандарт. Его значимость подтверждается открытием кафедр теологии во многих вузах, в том числе в Национальном исследовательском ядерном университете (НИЯУ МИФИ) [4]. Изучение религиозных курсов таких кафедр не имеет целью обращения студентов в веру или принятие ими этических конфессиональных норм поведения. В этой связи уместно отметить, что многие развитые страны мира имеют богословские учебные заведения и включают теологические дисциплины в стандарты светских образовательных учреждений. Их предназначение заключено, прежде всего, для приобщения обучаемых к вечным истинам христианского учения, незаменимым ни наукой, как удовлетворением запросов ума, ни нравственностью – исполнением долга или искусством – переживанием чувств.

К величайшим истинам христианства в первую очередь относится бытие Творца Вселенной, который обращается к нам через Библию: «В начале

сотворил Бог небеса и землю» (Быт. 1:1-2). Отсутствие научной интерпретации Бога не послужило препятствием для глубокой религиозности всемирно известных ученых и писателей. Их мысли о Творце Вселенной отображены в замечательной публикации Т. Димитрова «Они верили в Бога: пятьдесят Нобелевских лауреатов и другие великие ученые» [5]. Приоритетное место в ней отведено высказываниям классиков современной физики: М. Борна, В. Гейзенберга, Луи де Бройля, М. Планка, А. Эйнштейна и других всемирно известных ученых.

В частности, А. Эйнштейн писал: «За всеми величайшими достижениями науки стоит уверенность в логической стройности и познаваемости мира – уверенность, которая сродни религиозному переживанию... Эта глубокая эмоциональная уверенность в существовании высшей разумной силы, открывающейся в непостижимости Вселенной, и есть моя идея Бога». Вернер Гейзенберг – «Первый глоток из кубка естествознания порождает атеизм, но на дне сосуда нас ожидает Бог». Великий русский мыслитель и писатель Ф.М. Достоевский: «Если мы не имеем авторитета в вере и во Христе, то во всем заблудимся...». Безусловное главенство бытия Божия в жизни человека убедительно выражено французским физиком и философом Блезом Паскалем, который подчеркивал: «Замолчи, глупый разум, слушай Бога; есть только три разряда людей. Одни обрели Бога и служат Ему, люди эти разумны и счастливы. Другие не нашли и не ищут Его, эти безумны и несчастны. Третьи не обрели, но ищут Его, эти люди разумны, но пока несчастны». Дидактическим средством повышения квалификационного «разряда» жизни является освоение всеми субъектами образования его метафизики, под которой И.С. Нурғалиевым понимается «изыскание и прокладывание путей к своему Творцу, единение с которым составляет главное условие счастья человека» [6].

Сегодня принято верить только в то, что доказано наукой, даже не подозревая, что ее физическая часть, фактически созданная гением Ньютона, была для него всего лишь средством познания Бога по созданной Им природе. Одна из начальных попыток следования этой цели познания в российском образовании была предпринята великим «дидактом» физики О.Д. Хвольсоном, рассматривавшим ее преподавание как вид духовного производства, основной продукт которого заключается в умении «построить правильное миропонимание» [7. С. 33]. Его основным условием О.Д. Хвольсон считал предотвращение «возвеличивания знания и пагубного умаления веры». Эта категория усматривается во всех концептуальных положениях науки: вера в объективное существование законов природы (принцип казуальности); вера в единство этих законов во всей Вселенной, проявляемое как в природных, так и в лабораторных условиях (принцип универсальности); вера в разумный характер этих законов, что делает возможным их постижение рациональным путем (принцип рациональности) [8]. Все эти независимые положения составляют основополагающую систему науки, и все они принимаются без доказательства, то есть на веру.

Главным средством обретения симфонии науки и религии в образовании выдающийся физик и педагог Луи де Бройль считал освоение трансцендентальных метафизических понятий в физических курсах вуза [9]. К ним относятся, прежде всего, теория относительности и квантовая механика, в которых произошло принципиальное изменение прежних представлений о природе реальности. Специальная теория относительности в определенном смысле явилась “нулевым законом” в трюичной совокупности законов Ньютона, в котором содержатся не аксиомы существования абсолютного пространства и времени, а формулировка их свойств. С созданием общей теории относительности место ньютоновских пространства и времени, как простого «вместилища» внешних по отношению к ним событий и объектов, занял эйнштейновский пространственно-временной мир, который в полном смысле относится к миру метафизическому. Метрика этого пространства-времени не доступна ни глазам исследователя, ни измерительным приборам.

С возникновением квантовой теории исчезло классическое понимание частиц (электрона, протона и т.д.), их подчиненность принципу детерминированности. Их самой заметной чертой является обладание свойствами частицы и волны, в то же время они не являются ни частицей, ни волной – это нечто третье, совершенно не поддающееся воображению. Это «нечто» недоступно восприятию наших чувств, а его поведение описывается волновой пси-функцией, которая не определяется экспериментальными наблюдениями. Она позволяет предсказать лишь вероятность того или иного события, но не способна сказать, когда это произойдет. Парадоксальность данных выводов квантовой теории, как и выводов общей теории относительности, заключается в том, что ненаблюдаемые физические категории описывают все наблюдаемые явления материального мира.

Новейшие представления о свойствах «кирпичиков» мироздания, пространстве и времени привели к кардинальному пересмотру представлений о происхождении и развитии крупномасштабной структуры Вселенной. В целомном изучении ее устройства выясняется, что все ее наблюдаемые свойства жестко связаны с численными значениями фундаментальных физических констант, ничтожные отклонения от которых привели бы к фатальным последствиям для мира и возможности появления в нем «наблюдателя» природы. Эта жесткая зависимость, получившая название «антропный принцип», имеет особую мировоззренческую остроту, обусловленную невозможностью его вывода из каких-либо физических соображений. Значительное число религиозно мыслящих исследователей принимают этот принцип как телеологическое доказательство бытия Бога – Творца Вселенной. Его принятие означает вступление современной науки на путь конвергенции с религией. Их взаимная дополнительность содержит возможность построения целостной картины мира и выхода образования из мировоззренчески одностороннего атеистического восприятия мира.

В условиях мировоззренческого плюрализма особое значение имеет разрешение проблемы происхождения мира [10]. Современной наукой со-

здана теория «Большого взрыва», согласно которой наша Вселенная не существовала вечно, но возникла около 14 млрд лет назад из некоторого сингулярного состояния, с последующим расширением и формированием планет, звезд и остальных ее объектов. Заметим, что научный поиск в философском контексте не удовлетворяется простым описанием того, что делает природа. В нем имеет место поиск высших значений, причин и целей исследуемых объектов. Отсутствие удовлетворительного ответа одного из создателей указанной теории С. Хокинга [11] на вопрос «Почему она возникла» позволяет ввести адекватную для ответа на него телеологическую целевую причинность, при которой цель, находящаяся в будущем, определяет события, протекающие в настоящем. Возвращение в науку целевой причинности, оперирующей наличием разумной творческой воли, создает возможность библейской интерпретации акта сотворения мира Богом *ex nihilo* (лат. – из ничего). Ее принятие, по мнению К. Копейкина, подводит к порогу новой – «сверхъестественно-научной» – революции, подобно совершенной Галилеем, когда в результате изучения телескопом небесной сферы было отвергнуто глубоко устоявшееся к тому времени представление о различии субстанций небесных и земных тел [12].

Подводя итоги развития физики XX века, известный физик-теоретик Ю.С. Владимиров [13] утверждает: «Она прошла полный путь развития по пути гегелевской триады, по закону отрицания. Физика выделилась из греческой метафизики, потом прошла путь феноменологии и опять вторглась в область метафизики». Она вернулась к исторически первой и основной идее о бытии Бога и центральному убеждению христианских богословов, что «видимый мир является бледным и неполным отражением более содержательного трансцендентного мира». Образно этот итог развития научной мысли выражается известной аллегорией: ученый, который жил верой в силу логических доводов, покорив горы невежества, достигает наивысшего пика. И в тот момент, когда он подтягивает себя, чтобы преодолеть последний выступ на скале, его приветствуют теологи, которые сидят здесь уже в течение многих веков.

Различные взаимосвязи религии и науки определяются не только их внутренней логикой развития, но и их имманентностью сакральным основам цивилизации и государственности. К примеру, в США она запечатлевается на каждой купюре ее валюты словами «In God we trust», которые дословно переводятся как «Мы верим в Бога» и понимаются в синергичном смысле – с Богом мы победим. В условиях становления образования, как своеобразного микрокосмоса по отношению к цивилизации, важно иметь в виду тесное переплетение данных современной науки с совокупностью православных значений и смыслов. Без обретения глубокой веры в Бога человеку недоступно все то, что относится к высшей сфере его духовного бытия. В нем трансцендентность Божественного естества дополняется реальными действиями его Божественной энергии (благодати). Открытость человека потоку благодати становится основой достижения творческих результатов, ста-

новящихся феноменами мировой культуры. Свидетельством частичного «делегирования» Богом человеку своей творческой силы, названного русским философом С.Л. Франком «даром Божиим», является зарождение науки, как особого познания мира, в странах христианской Европы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Основы государственной культурной политики. Утверждены приказом президента РФ в феврале 2014. – С. 10.
2. Багдасарян В.Э., Сулакшин С.С. Религиозное и научное познание. – М.: Научный эксперт, 2013.
3. Козырев Ф.Н. Религия в современном образовании: основные понятия и типологии // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. – 2013. – Т. 14. – Вып. 1. – С. 222–237.
4. Кафедра теологии в НИЯУ МИФИ. URL: [http:// Кафедра Теологии](http://Кафедра Теологии) (дата обращения: 16.03.2015).
5. Димитров Т. Они верили в Бога: пятьдесят Нобелевских лауреатов и другие великие ученые // Перевод: Екатерины и Евгения Устиновичи. Е-book, 1990. –150 с.
6. Нургалиев И.С. Метафизика физико-математического образования // Метафизика. – 2014. – № 4 (14). – С. 94-105.
7. Физики о себе. – Л.: Наука, 1990.
8. Головин С.Л. Мировоззренческая обусловленность научного исследования. URL: <http://www.scienceandapologetics.org/text/102.htm>
9. Смык А.Ф. Взгляды Луи де Бройля на преподавание физики // Физическое образование в вузах. – 2011. – Т. 17. – № 4. – С. 72–76.
10. Михалкин В.С. К научно-теологической парадигме в мировоззренческом аспекте физического образования // Физическое образование в вузах. – 2015. – Т. 21. – № 3. – С. 163–171.
11. Хокинг С. Черные дыры и молодые вселенные. – СПб: ЗАО «Товароиздательский дом» Амфора, 2014.
12. Копейкин Кирилл, прот. Наука и религия на рубеже III тысячелетия: противостояние или синергия // ЖМП. – 2010. – № 4. – С. 72–80.
13. Владимиров Ю.С. Фундаментальная теоретическая физика и метафизика // Метафизика. – 2011. – № 1. – С. 88–105.

TO THE CIVILIZATIONAL ORIGINS OF THE PHYSICS COURSE IN TECHNICAL UNIVERSITY: METAPHYSICS AND SPIRITUALITY, SACREDNESS AND SYNERGY

V.S. Mikhalkin

The article deals with ways of how to revive traditional values and norms of the Russian civilization, which lay the groundwork for the development of creative potential in students of technical universities. Particular attention is paid to explore and actualize the metaphysical resources of the general physics course that provide for the rise of the spiritual culture in students.

Key words: Russian civilization, Orthodox Christianity, spiritual / sacred traditions, metaphysics and integrity of education, transcendence, theology and synergy.

ИЗ НАСЛЕДИЯ ПРОШЛОГО

ЦИКЛЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ АМЕРИКИ

А. Шлезингер

*(Фрагмент 2-й главы из книги Артура Шлезингера мл.
«Циклы американской истории»)¹*

Мудрецы отмечали упорядоченность перемен, приливов и отливов в человеческой истории. «Две партии, на которые разделено государство, партия консерватизма и партия обновления, – писал в 1841 г. Эмерсон, – очень стары и оспаривают власть над миром с самого его сотворения... То одна, то другая выходит вперед, и все равно борьба возобновляется как будто впервые, с участием новых имен и ярких личностей». Обновление все время толкает вперед, консерватизм все время сдерживает. Весной и летом мы – за реформы, осенью и зимой – мы сторонники старого. Реформаторы утром, консерваторы к ночи. «Обновление – это вырывающаяся наружу энергия; консерватизм – остановка в последнем по счету ритме движения»¹.

I

Полвека спустя Генри Адамс применил к первым годам Американской республики более точную формулировку тезиса о цикличности. «Взмах маятника, – писал он, – измеряется периодом примерно в двенадцать лет. После подписания Декларации независимости понадобилось двенадцать лет для выработки действенной Конституции; следующие двенадцать энергичных лет вызвали реакцию против созданной к тому времени системы правления; третий двенадцатилетний период заканчивался колебанием в сторону проявления еще большей энергии; и даже ребенок мог бы рассчитать результат еще нескольких таких повторов»².

Цикл Адамса описывал сменяющие друг друга течения во внутренней жизни новой нации, а его маятник раскачивался взад-вперед между централизацией и распылением энергии нации. Широкие ритмические колебания,

¹ Шлезингер А. Циклы американской истории / пер. с англ. П.А. Развина и Е.И. Бухаровой. Заключительная статья В.И. Терехова. – М.: Изд-я группа «Прогресс» – «Прогресс-Академия», 1992.

которые он выявил и изучил на материале первых тридцати шести лет независимости Америки, можно заметить и на примере долгих последующих лет. Я унаследовал альтернативное толкование этого циклического феномена от своего отца, который определял крайние точки амплитуды как консерватизм и либерализм, как периоды озабоченности правами меньшинства и периоды озабоченности бедствиями многих³.

В 1949 г. в одной из своих работ мой отец выделил одиннадцать таких изменений курса. Его первые три периода более или менее совпадают с тремя взмахами маятника Генри Адамса и следуют в таком порядке: период уступок Джефферсона после войны 1812 г.; эра демократизации Джексона в 1829–1841 гг.; растущее господство рабовладельцев в национальном руководстве в 1841–1861 гг.; ликвидация рабства в 1861–1869 гг.; консервативное правление в 1869–1901 гг.; эра прогрессистов в 1901–1919 гг.; реставрация республиканцев в 1919–1931 гг.; Новый курс в 1931–1947 гг.

Шесть из этих периодов явились периодами усиления демократии; в ходе других пяти основной целью становилось ее сдерживание. Средняя продолжительность этих одиннадцати периодов – шестнадцать с половиной лет. Самое большое отклонение пришлось на 1861–1901 гг., когда за восьмилетней вспышкой судорожных изменений последовало тридцать два года регресса и реакции. По мысли моего отца, это отклонение имело место потому, что гражданская война и реконструкция ускорили темп и увеличили размах реформ, за короткое время произошли глубокие и отнявшие много сил перемены, которые в ином случае заняли бы гораздо больше времени. «Удлинение контрдвижения в следующем периоде было формой компенсации для восстановления ритма»⁴.

Мой отец, подобно Адамсу, рассматривал политический цикл с точки зрения внутривнутриполитической жизни. Он расходился с Адамсом в характеристике фаз и (незначительно) в оценке периодов. Он также отвергал образ маятника, поскольку это подразумевало колебания между двумя неподвижными точками. Цикл, подчеркивал он, не возвращает нацию к предыдущему положению. После возвращения консерваторов к власти либеральные реформы обычно не сводятся на нет. Наиболее подходящим образом, по словам моего отца, является спираль, в которой витки повторяются на все более высоких уровнях и позволяют происходить процессу аккумуляции изменений⁵.

Формулировка Шлезингера, первоначально изложенная на лекции в 1924 г., включала в себя предсказание, что консерватизм в стиле Кулиджа просуществует примерно до 1932 г. Данная мысль вызвала у одного из присутствовавших огорченное восклицание: «Боже мой!» (Воскликнувший – Дэвид К. Найлз – стал, при наступлении следующего либерального периода, одним из специальных помощников Рузвельта и Трумэна.) В первой опубликованной работе на эту тему «Приливы в американской политической жизни», увидевшей свет на страницах «Йейл ревью» в декабре 1939 г., он предсказал, что преобладавшие тогда либеральные настроения иссякнут

примерно к 1947 г. Выступая с обновленной аргументацией в 1949 г. в «Путях к настоящему», мой отец писал: «Отход от либерализма, который начался в 1947 г. (с началом работы конгресса 80-го созыва, названного Трумэном «бездеятельным, ни на что не годным»), должен прекратиться в 1962 г., возможно, на год-два раньше или позже. Основываясь на этом, можно сделать вывод, что следующая консервативная эпоха наступит где-то около 1978 года»⁶.

II

Успешное предсказание создает соответствующее настроение в пользу гипотезы. Но я, как наследник гипотезы своего отца, нашел, что меня беспокоит вопрос о том, как характеризовать циклические повороты.

Формулировка Эмерсона – «консерватизм против обновления» – проблематична. «Крепость, на защиту которой встал консерватизм, – писал Эмерсон, – это действительное положение вещей, не важно – хорошее оно или плохое... Консерватизм никогда не делает шага вперед; в тот час, когда он совершит это, он начнет представлять собой не устои, а реформу»⁷. Отождествление консерватизма со статус-кво подходит при характеристике президентств Бьюкенена и Хейса, Кулиджа и Эйзенхауэра. Но куда же тогда отнести Александра Гамильтона, отнюдь не сторонника демократии, однако великого реформатора своего времени, или, если на то пошло, Рональда Рейгана, откровенного консерватора, но такого, который высказал недовольство «действительным состоянием вещей», осудил истеблишмент и стал своего рода реформатором?

Что касается формулировки Адамса – «распыление против централизации национальной энергии», то она действует относительно трех периодов, к которым он ее применил, а также относительно XX в.; но не вполне подходит к большей части XIX в. Формулировка моего отца – «консерватизм против либерализма» – действует в отношении всех периодов в общем плане, однако используемые термины подвержены слишком большому числу различных уточнений.

Экономист Альберт Хиршман в 1982 г. в книге «Смещающаяся заинтересованность» предлагает иную систему циклов. Распространяя теорию потребления на внутреннюю политику, Хиршман утверждает, что со времен промышленной революции западное общество поочередно устремляет свою заинтересованность то к одной, то к другой из двух расходящихся целей – индивидуальному и общественному счастью. Согласно циклу Хиршмана, общество движется туда-сюда между периодами поглощенности делами частных лиц и периодами занятости общественными проблемами. Это периодические повороты, по его словам, между «частным интересом» и «общественной активностью»⁸.

В книге 1984 г. политологов Герберта Маккроски и Джона Заллера «Американская этическая система» предложено еще одно уточнение. Хотя Маккроски и Заллер проводят свой анализ не с точки зрения цикличности,

их исследование напряженности между капитализмом и демократией в американском обществе иллюстрирует определенный цикл. Опираясь на опросы общественного мнения, а также на исторические данные, они выявляют наличие продолжающейся борьбы между капиталистическими ценностями – неприкосновенностью частной собственности, максимизацией прибыли, культом свободного рынка, выживанием сильнейших – и демократическими ценностями – равенством, свободой, социальной ответственностью и всеобщим благосостоянием, которые в случае необходимости обеспечиваются общественными мерами по регулированию вопросов собственности и ограничению прибылей. Пока это скорее напряженность, чем непримиримое противоречие. Капитализм и демократия начинали как союзники в ходе революции против абсолютной монархии и феодальной аристократии и продолжают разделять веру в личную свободу, суверенитет народа, ограничение власти государства и равенство всех перед законом. В Америке капитализм включает в себя демократию, а демократия – капитализм. Тем не менее эти две системы взглядов указывают в разные стороны. Обзорное исследование «недвусмысленно», по определению Макклоски и Заллера, показывает, что, хотя ни одна из этих сторон не стремится к ликвидации другой, те, кто наиболее привержен демократическим ценностям, оказывают минимальную поддержку капитализму, а те, кто наиболее привержен капиталистическим ценностям, оказывают минимальную поддержку демократии⁹.

Полярность между делами общественными и частным интересом, демократией и капитализмом все же не решает проблем начального этапа существования республики. Куда отнести Гамильтона, считавшего, что личное обогащение должно направляться общественной целью? Джефферсона, который не доверял правительству (за исключением возглавляемого им самим), и возлагал надежду лишь на частный интерес? Однако начало республики было переходным периодом, когда действия общества в духе меркантилизма помогали капитализму, а частный интерес в аграрном плане – демократии. А теория полярности, даже если она и не дает возможности точно определить место Гамильтона или Джефферсона, перекликается с конфликтом, который недавно разгорелся в среде американских историков между сторонниками «республиканской» и «либеральной» (то есть в духе свободного предпринимательства) традиций в процессе формирования нации.

Классические республиканцы рассматривали добродетель как жизненную силу свободных республик и опасались вырождения, постоянно приносящего, как они знали из изучения истории, личным интересом и корыстолюбием частника. Несомненно, ученые мужи, охваченные энтузиазмом первооткрывателей, сделали чрезмерный упор на республиканский компонент в американском мышлении¹⁰. Тем не менее республиканское направление было составной частью наследия. А диалектическое противоречие XVIII в. между добродетелью и коммерцией, между общественным благосостоянием и частной собственностью позднее возродилось вновь в виде про-

тиворечия между демократией и капитализмом, между общественными целями и частными интересами.

Имеет ли это противоречие дополнительное отношение к историческому спору относительно теории движущих сил истории Америки, спору, базирующемуся на расхождении между прагматической концепцией Америки как страны, подчиненной законам истории, одной из многих других, предпринявшей рискованный эксперимент, и мистическим видением американцев как судьбоносной нации, направленной Всевышним на спасение погрязшего в грехах человечества? Уравнение «общественное – частное» и уравнение «эксперимент – судьба» накладываются друг на друга скорее частично, чем полностью. Экспериментаторы, такие, как оба Рузвельта, и верующие в судьбу, подобно Вильсону, были в равной мере преданы идее общественной целесообразности. Практики, люди типа Эйзенхауэра, и идеологи, подобные Рейгану, в равной мере были преданы идее частного интереса. Два уравнения взаимно переплетаются, образуя сложную ткань американской истории.

III

Давайте тогда определим цикл как непрерывное перемещение точки приложения усилий нации между целями общества и интересами частных лиц. Но определение – это еще не объяснение. Почему цикл протекает именно таким образом? Что вызывает эти периодические перемены, эти приливы и отливы в сфере национальных приоритетов?

Если это подлинный цикл, то объяснение следует искать прежде всего в его внутренней природе. Каждая новая фаза должна вырастать из состояния предыдущей и присущих ей противоречий, в них находя и подготавливая условия для очередного поворота. Другими словами, истинный цикл является самовоспроизводящимся. Его не могут определять внешние явления, если только процесс не сопряжен с катастрофой. Война, депрессии, инфляционные проявления могут вызывать панику, ажиотаж или какими-то иными проявлениями усложнять общую картину настроений в обществе, но цикл продолжает раскручиваться, самодвижущийся, самодостаточный и автономный. Независимость политического цикла подтверждается отсутствием у него прямого соотношения даже со столь мощным по воздействию фактором, как экономический цикл. Депрессия вызвала к жизни «новый курс», однако прогрессистская эра началась в период, для которого в целом было характерно процветание, а имевшие место в период 1869–1901 гг. две жестокие депрессии не повернули вспять растущую волну консерватизма.

Корни этого самодовлеющего циклического развития лежат, несомненно, в глубине человеческого естества. Существует циклическая упорядоченность в явлениях природы – в приливах и отливах, в смене времен года, дня и ночи, в работе человеческого сердца. Ученый-медик Уолтер Б. Кэннон полвека назад продемонстрировал, что в человеческом теле происходят автоматические компенсирующие реакции в случае возникновения

угрозы выхода его из состояния покоя, высказав далее предположение, что в общественном организме, возможно, функционирует схожий «гомеостазис»¹¹.

Сама психология современности также имеет циклическую основу. По мере ускорения темпов социальных перемен люди становятся существами, для которых характерна вечная неудовлетворенность. Желания безграничны и потому никогда не могут быть полностью удовлетворены. Адам Смит воспевал «желание улучшить условия, в которых мы живем, – желание, которое... сопровождает нас от рождения и никогда не покидает нас до тех пор, пока мы не сходим в могилу. И во всем отпущенном нам сроке вряд ли, наверное, найдется хотя бы миг, когда кто-либо был бы удовлетворен своим положением в столь совершенной и полной степени, чтобы совсем не желать изменения его или улучшения»¹². Гиршман напоминает замечание Канта русскому историку Карамзину: «Дайте человеку все, что он желает, и все равно в тот же самый момент он ощутит, что это все, – еще не все»¹³. Разочарование – всеобщий недуг современности.

Оно же главный двигатель политических перемен. Люди никогда не довольствуются тем, что имеют в течение длительного времени, будь то в общественной или частной сфере. Мы пробуем одно, затем другое – и неудовлетворенность заставляет нас изменять курс действий. Более того, каким бы эффективным ни был конкретный курс при решении одного комплекса проблем, он обычно пробуксовывает и не срабатывает при возникновении новых проблем. А многие проблемы неразрешимы по самой своей внутренней сути. По мере того как политические эры, будь то эры с преобладанием ориентации на общественные цели или же с господством частных интересов, проходят свой путь, они неизменно генерируют желание чего-то иного. Всегда наступает когда-нибудь «время перемен».

Каждая фаза порождает свои особые противоречия. Общественная акция, имеющая целью улучшить наше положение, вызывает значительные перемены, следующие одна за другой, причем в сжатые сроки. Реформы в Соединенных Штатах, как правило, похожи на стрельбу очередями. Моделью этого служат «100 дней» Франклина Рузвельта. В конце концов потоком нововведений начинает захлебываться сам социально-политический организм, которому требуется время, чтобы их переварить. Как сказал Эмерсон, «наша политическая жизнь в значительной мере физиологична»¹⁴. Общественное действие, рассчитанное на долгий период, тем более истощает эмоционально. Способность нации к выполнению политических обязательств, требующих от нее высокого напряжения, ограничена. Природа требует передышки. Люди неспособны более заставлять себя продолжать героические усилия. Они жаждут погрузиться в свои личные житейские дела. Издерганные постоянными боевыми призывами, истощенные непрерывной общенациональной активностью, разочарованные полученными результатами, они стремятся к освобождению от взятых обетов, передышке для отдыха и восстановления сил. Так сходят на нет публичные акции, страсти,

идеализм и реформы. Общественные проблемы передаются на попечение невидимой руки рынка. «Повсюду был полный штиль», как сказал Генри Адамс о 90-х годах прошлого века¹⁵. Следование частным интересам рассматривается как средство решения общественных проблем. Наступают времена «приватизации»* (варварское, но подходящее слово), материализма, гедонизма и всепоглощающего стремления к личному удовольствию. Политическая деятельность на классовой и групповой основе затухает, а политическая деятельность, формируемая факторами культурного характера – по этническому, религиозному, моральному признаку, по признаку социального статуса, – выходит на первый план. В это же время часто происходит процесс консолидации, в рамках которого усваиваются и узакониваются нововведения предыдущего периода.

Кроме того, это время – время подготовки. Эпохи господства частных интересов также порождают противоречия. Такие периоды характеризуются скрытыми под поверхностью течениями неудовлетворенности, критики, брожения, протеста. Целые группы населения оказываются позади в гонке приобретения. Интеллектуалы отчуждаются. Загнанные внутрь проблемы обостряются, грозят стать неразрешимыми и требуют вмешательства. Людям надоедают эгоистические мотивы и перспективы, они устают от погони за материальными благами в качестве наивысшей цели. Период отдыха от бремени общественных забот восполняет национальную энергию, подзаряжает батареи нации. Люди начинают искать в жизни смысл, не замыкаясь на себе самих. Они спрашивают, не что их страна может сделать для них, а что они могут сделать для своей страны. Они готовы к звуку боевой трубы. Наконец, что-то играющее роль детонатора – какая-либо проблема, грандиозная по масштабам и по степени опасности и которую неспособна разрешить невидимая рука рынка, – ведет к прорыву в новую эпоху в политической жизни страны. Как говаривали во времена династии Чжоу в Китае за тысячу лет до Рождества Христова, «мандат Неба дается не навечно».

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Emerson. «The Conservative».
- ² Henry Adams, History of the United States of America During the Administrations of Thomas Jefferson and James Madison (New York. 1889–1891), VI, 123.
- ³ Arthur M. Schlesinger, Paths to the Present (New York, 1949), 93.
- ⁴ Ibid., 96.
- ⁵ Ibid., 98.
- ⁶ Ibid., 97.
- ⁷ Emerson, «The Conservative».
- ⁸ A.O. Hirschman, Shifting Involvements. Private Interest and Public Action (Princeton, 1982), 3, 8.

* Имеется в виду «уход в частную жизнь». – *Прим. перев.*

- ⁹ Herbert McClosky and John Zaller, *The American Ethos: Public Attitudes Toward Capitalism and Democracy* (Cambridge, Mass., 1984), особ. 162, 291–292.
- ¹⁰ По данному вопросу мне представляется убедительной книга: John P. Diggins, *The Lost Soul of American Politics: Virtue, Self-interest, and the Foundations of Liberalism* (New York, 1984).
- ¹¹ Walter B. Cannon, *The Way of an Investigator* (New York, 1945), 115.
- ¹² Adam Smith, *The Wealth of Nations* (Modern Library ed.), 324–325.
- ¹³ Hirschman, *Shifting Involvements*, 11.
- ¹⁴ Emerson, «Fate».
- ¹⁵ *The Education of Henry Adams* (Boston, 1918), ch. XXI.

CYCLES IN AMERICAN POLITICAL LIFE

A. Schlesinger

ВСЕМИРНО-ИСТОРИЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС И ЦИКЛИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СОЛНЦА

А.Л. Чижевский

(Выдержки из книги А.Л. Чижевского «Космический пульс жизни»¹)

Мысль о том, что поведение социальных коллективов находится в известной зависимости от циклических явлений на Солнце, по-видимому, появляется впервые со времени У. Гершеля (1738–1822), когда он сделал попытку впервые установить связь между числом солнечных пятен, неурожаями и ценами на хлеб. Затем гипотеза Джевонса (1835–1882), о причинной зависимости между периодическими промышленными кризисами и циклической деятельностью Солнца, развитая им в 80-х годах прошлого столетия, способствовала укреплению той же мысли. Открытие связи между пятнообразовательными процессами и физическими явлениями на Земле, в свою очередь, должно было подтвердить правильность этой мысли. Действительно, начиная с конца XIX в. в литературе стали появляться указания на возможность связи между солнечными и социальными явлениями.

Немецкий физик Мовес в 1896 г. обратил внимание на цикличность солнечной деятельности как на один из факторов, который может играть социальную роль. Однако Мовесу не удалось проследить, в какой мере циклическая деятельность Солнца осуществляется в действительности. Француз Делоне в 1900 г. напечатал статью, в которой заявил, что колониальные приобретения Франции подчиняются некоторому закону ритмичности в 10 лет и 302 дня. При своем исчислении он учитывал только момент, с которого началось завоевание, не принимая в расчет дальнейшие перипетии кампании или различные случайные остановки. Полученный 10-летний и 302-дневный период Делоне связывал с циклом солнцедетельности. Фламарион в одном из астрономических обзоров 1917 г. предвосхищает открытие влияния солнцедетельности на состояние человеческой психики. В этом обзоре, говоря о появлении на Солнце больших групп пятен, он добавляет, что люди живут в мире, пересеканном различными влияниями, которые, без сомнения, воздействуют и на наши умы. Французский астроном Морэ обратил внимание на то, что некоторые войны и походы за несколько десятилетий хорошо совпадают с максимумами солнцедетельности, а всемирные выставки, например, в Париже в 1867, 1878, 1889 и 1900 гг. и в Генте в 1910 г. совпали с ее минимумами. Д. О. Святский в двух небольших заметках, помещенных в редактируемом им журнале в 1917–1918 гг., развил ту же

¹ Чижевский А.Л. Космический пульс жизни: Земля в объятиях Солнца. Гелиотараксия. – М.: Наука, 1995.

мысль несколько полнее. Наконец, В.М. Бехтерев, рассматривая этот вопрос с точки зрения психиатра, склонялся к признанию возможности воздействия солнечной радиации на нервно-психическую сферу. В одной из работ 1921 г. он писал, что «*зависимые отношения в социальной среде* (Курсив мой. – А. Ч.) не замыкаются в круг одной лишь окружающей природы нашей Земли, но имеют значительно более широкую распространенность, простирающуюся во глубь Вселенной с ее неиссякаемым количеством притекающей к нам мировой энергии». Тот же вопрос в последнее время привлек внимание Гентиса, Крицингера, Мирбаха и др.

Вышеперечисленные авторы ограничивались беглыми и поверхностными замечаниями, основанными на нескольких случайных совпадениях, и не пытались подвергнуть этот вопрос строго научному изучению и критической проверке.

Независимо от перечисленных высказываний, с которыми мне пришлось познакомиться значительно позднее, мною летом 1915 г. был сделан ряд наблюдений, послуживших краеугольным камнем для всех дальнейших исследований и положенных в основу теории, достаточно полно развитой мною к настоящему времени в различных направлениях и подтвержденной достаточным статистическим материалом.

<...>

Количественный анализ материала прежде всего позволил вывести следующие три основных положения.

1. На различных материках Земли, в различных государствах, у различных народов, независимо от того, существуют ли между ними какие-либо взаимодействия, общее количество массовых движений, имеющих историческое значение, то повсеместно и одновременно увеличивается, то повсеместно и одновременно уменьшается, образуя таким образом как бы всемирный цикл исторических событий, массовых явлений.

2. В большинстве столетий этот всемирный цикл исторических явлений повторяется по девять раз. Лишь в эпоху раннего средневековья наблюдается отсутствие от одного до трех таких циклов в столетие. Это обстоятельство находит достаточно веское объяснение в отсутствии точного исторического материала за этот период вследствие резкого упадка исторического знания в первые века нашей эры.

3. На основании рассмотрения большинства столетий необходимо признать, разделив 100 на 9, что каждый всемирно-исторический цикл равен в среднем арифметическом 11,1 года.

Основные выводы из результатов количественного анализа следующие:

1. Одновременность увеличений и уменьшений числа массовых народных движений на всей поверхности Земли показывает, что причина, вызывающая данную закономерность явления, оказывает свое воздействие на поведение масс различных народов в одно и то же время.

2. Периодичность числа массовых движений и периоды, равные во всех исторических эпохах, показывают, что причиной этой строгой периодично-

сти является фактор, воздействующий более или менее равномерно на все населяющее Землю человечество.

3. Ввиду того что всемирно-исторические циклы в среднем арифметическом дают всегда одну и ту же величину, равную 11,1 года, имеются основания допустить, что физическим фактором, вызывающим данную периодичность, является циклическая пятнообразовательная деятельность Солнца, один цикл которого равен в среднем арифметическом 11,1 года.

Период телескопических наблюдений начинается с 1610 г. От этого года до 1749 г. у нас имеется не вполне точный материал о солнцедетельности. Однако он позволяет наметить годы максимумов и минимумов солнцедетельности. С 1749 г. вплоть до текущего момента построена кривая данного процесса. Таким образом, за период с 1749 г. появляется возможность подвергнуть астрономическую и мою всемирно-историческую кривую сопоставлению с целью выяснения совпадений во времени точек максимумов и минимумов той и другой кривой.

Затем мне пришлось прибегнуть к нижеописанной методике, сыгравшей и в дальнейшем развитии произведенного количественного анализа исторического процесса весьма существенную роль. Именно: каждый всемирно-исторический цикл, равный в среднем арифметическом 11,1 года и имеющий индивидуальные отклонения $\pm 1-3$ лет был мною разделен на следующие четыре части:

- I. Эпоха минимума, равная 3 годам.
- II. Эпоха нарастания максимума, равная 2 годам.
- III. Эпоха максимума, равная 3 годам.
- IV. Эпоха падения максимума, равная 3 годам.

Деление солнечного цикла на эпохи отнюдь не является произвольным. Наоборот, это явление имеет прочные основания в природе самого цикла. Из рассмотрения относительных чисел солнечных пятен видно, что повышенная деятельность Солнца, то есть эпоха максимума, длится от 2 до 4, а в среднем – 3 года. И это имеет место на протяжении всего времени наблюдений. То же следует сказать и об эпохе пониженной деятельности Солнца, то есть эпохе минимума. Наименьшее относительное число пятен наблюдается также в продолжение 2–4, а в среднем – 3 лет. Эпоха нарастания максимума (II эпоха, согласно нашему делению) занимает промежутки времени, равный в среднем 2 годам в случае нормального 11-летнего цикла, так как нарастание пятнообразовательной деятельности происходит несколько скорее, чем ее убывание.

<...>

Первая эпоха всемирно-исторического цикла. Период минимальной активности. Характерные черты этого периода следующие: разрозненность масс, их индифферентизм к вопросам политическим и военным, миролюбивое настроение масс, уступчивость, терпимость и т. д.

Появление этих признаков у действующих масс человечества в первый период цикла сопровождается обычно отсутствием желания какой бы то ни

было борьбы за идею или право, а потому влечет за собой легкую капитуляцию, сдачу в плен, бросание оружия, бегство с поля битвы и пр.

Такое поведение отдельных индивидов или целых групп принуждает правящие сферы к соответствующим мероприятиям: открытию дипломатических сношений, заключению с врагом ряда перемирий и, наконец, мира, капитуляции на тяжелых условиях, объявлению нейтралитета, затем к роспуску войск и т. д. В мемуарах современников и в исторических исследованиях этот период отмечается общим миролюбивым настроением, нежеланием вступать в какие-либо споры, концом военных действий и торжеством принципа невмешательства во многих областях международной и национальной военно-политической жизни. Эти факты обычно пытаются объяснить истощением нравственных и физических сил, нервно-психической усталостью после пережитых волнений, разладом государственного единства, прекращением влияния ранее объединяющей причины, небоеспособностью, падением или уходом вождей, потерявших доверие масс и власть над ними, и т. д. Политическая жизнь глохнет, подавляется. Правительство превращается в тяжелый пресс. Личность утрачивает индивидуальный облик в политической жизни, вырастая в сфере интеллектуальной. Ее насилует государственный механизм. Протест личности ничтожен. Она принимает насилие и терпит его как нечто должное. Моторное буйство заменяется успокоением.

Устремления человечества в других сферах деятельности также видоизменяются: поток общественной жизни, попадая в русло успокоения и мира, получает возможность направить свой тихий ход к достижению иных целей, к решению иных проблем. Здесь берет начало духовная деятельность человека, создаются культурные ценности, искусство и наука ставят во главу угла общественной жизни, сменяя собою бурную накипь недавних дней и обесценивая своими достижениями все созданное наспех и непрочно. В период минимальной активности человечество стремится к успокоению, отдыхает от тревог предшествовавших лет и набирает физические силы для неотвратимо приближающейся новой эпохи волнений.

Исследование исторических событий, имевших место в I периоде, позволило установить ряд фактов, согласно которым период минимальной возбудимости способствует заключению мирных договоров; завоевательным экспедициям немассового характера; капитуляции; оккупации; максимальному сокращению парламентаризма; усилению единовластия или правлению немногих.

Вторая эпоха всемирно-исторического цикла. Период нарастания активности. Психологическая и историческая сложность этого периода потребовала весьма обширных изысканий, в результате которых нами было собрано значительное количество относящегося к данному периоду материала. Здесь мы принуждены будем ограничиться лишь общим схематическим замечанием.

Уже начало этого периода в исторических сочинениях характеризуется значительно большим подъемом активности масс, чем период предшествовавший. Единения масс еще нет; только мало-помалу начинают вновь организовываться распавшиеся к периоду минимальной возбудимости партии и группы, намечаются вожди, определяются программы. Сила внушения снова проявляется на массах: государственные деятели, полководцы, ораторы, пресса восстанавливают свое значение. Вопросы, политические и военные, начинают показываться из-за горизонта успокоенной общественной жизни и постепенно обостряются. Сосредоточение на однородных военных или политических темах, при наличии, конечно, к тому располагающих причин, постепенно возрастает; идеи, обращающиеся в массах, начинают доминировать.

Еще в разрешении важных государственных вопросов замечаются колебания и нерешительность, еще выводы не созрели окончательно, но уже могут греметь приготовления к войне, международное положение осложняется. Однако еще не решаются вступать в открытую борьбу или объявлять войну: еще медлят, ожидая подходящего момента и предчувствуя его по ходу постепенного нарастания общего возбуждения масс. Действительно, вскоре, через год, два, а иногда и меньше, берет верх единодушное требование масс, направленное на решение тех или иных вопросов. Теперь даже лица, стоящие вдали от военных или политических дел, бывают принуждены присоединить себя к той или иной политической или военной группе. Происходит как бы насыщение «общественного раствора», а это в свою очередь вызывает выпадение кристаллов, на поверхностях которых отлагаются дальнейшие наслоения. Таким образом, когда среда насыщена, стоит только бросить в нее организующее начало, как вокруг нее образуются идентичные по идеологии наслоения.

В конце второй эпохи, которая постепенно может принять бурный характер и обнаружить нетерпение и нервность народных масс, мы замечаем одно из самых важных явлений военно-политической жизни общества, а именно: стремление к объединению различных народностей, составляющих данное сообщество, в целях защиты или нападения, и слияние различных политических группировок для противодействия другим политическим группировкам.

Значение этой эпохи заключается в том, что она полагает основу дальнейшему развитию исторических событий на протяжении данного цикла в данном человеческом сообществе и отчасти даже предрешает их ход в период максимальной возбудимости.

Рассматриваемая эпоха не всегда и не во всех человеческих сообществах занимает одинаковый промежуток времени: длительность или краткость ее определяются состоянием солнцедательности, с одной стороны, и многообразием политико-экономических и прочих факторов – с другой. Кроме того, данная эпоха принимает в зависимости от тех же причин различные формы проявления.

В течение второго периода следует различать три главные фазы в порядке постепенного их нарастания: возникновение в массах идей, группировка идей и выявление одной основной идеи в массах данного человеческого сообщества к начальному моменту третьего периода.

1. Возникновение основных идей во время первой фазы периода находится в прямой зависимости от внутренних государственных политико-экономических и международных военно-политических факторов, имеющих в этом случае равноценное значение: экономического состояния государства, степени организованности и устойчивости власти и государственного аппарата; международного положения – угрозы войны, блокады, оккупации и пр., а равно и от различных идей, блуждающих в больших массах. Если в данный момент в данном сообществе нет никаких факторов недовольства существующим порядком вещей, вышеуказанные явления могут не возникнуть, чем будет обусловлено более или менее спокойное течение цикла. Однако все же нет никаких гарантий, что в дальнейшем развитии цикла не возникнут резкие осложнения; действительно, почти всегда, даже при минимальном наличии возбуждающих причин, последующий период может ознаменоваться какими-либо частными событиями с местным участием масс.

2. Носители возникших таким образом идей могут послужить психическим центром образования отдельных групп, объединенных одной основной идеей. Этот процесс протекает в соответствии с классовым сознанием, степенью материального обеспечения и личными качествами каждого отдельного индивида. Образовавшиеся таким образом группы могут выдвинуть из своей среды нового руководителя, чтобы подчинить свое психическое неравновесие определенному психическому центру, где суммируются привходящие идеи, преобразуясь в однообразные директивы и создавая определенные формулы действия организовавшейся группе.

3. Третья фаза развивается из второй и состоит в выявлении одной верховной идеи, поглощающей многие групповые идеи, в объединении целого ряда отдельных групп вокруг верховного центра, подчиняющего массу, и в массовом сосредоточении на одной идее.

Все три фазы второй эпохи развиваются иногда вполне механически, без организующего участия действующих индивидов, чем подготовляются совершенно неожиданные эффекты массового единства к приближающемуся началу третьей эпохи цикла – периоду максимальной активности. Таким образом, назревает необходимость решения в *первую* очередь *первого* основного вопроса, волнующего массы данного человеческого сообщества.

Третья эпоха всемирно-исторического цикла. Период максимальной активности. Это главный этап развития каждого цикла, разрешающий в известные всемирно-исторические моменты важнейшие исторические проблемы и основополагающий новые исторические эпохи. Он побуждает человечество к величайшим безумствам и величайшим благодеяниям. Он воплощает идеи в жизнь путем пролития крови и лязга железа. Если бы мы поже-

лали дать сравнительно-историческую характеристику этого периода, нам пришлось бы повторить главнейшие события всемирной истории: все они, как показали произведенные сопоставления деятельности Солнца и человека, происходили в эпохи напряжения активности первого. В этом периоде имели место величайшие революции и величайшие столкновения народов, начинавшие новые эры в жизни человечества. Это эпоха, о которой народные вожди ошибочно думают, что *такие* эпохи не повторяются в истории.

Здесь мы не можем останавливаться на рассмотрении значительного количества материалов, собранных при исследовании периода максимальной возбудимости. Мы укажем лишь на те главные факторы, наличие которых в массах обуславливает собою возникновение и развитие решающих событий в человеческих сообществах.

1. Возбуждающее действие на массы народных вождей, полководцев, ораторов, прессы и т. д. 2. Возбуждающее действие настроений и идей, обращающихся в массах. 3. Быстрота возбудимости от единства психического центра. 4. Размер территориального охвата массовым движением. 5. Интеграция и индивидуализация масс.

Никогда влияние вождей, полководцев, ораторов, прессы и пр. не достигает такой огромной силы, как в период максимального напряжения пятнообразовательной деятельности Солнца. В этот период иногда бывает достаточно одного вовремя сказанного слова или одного жеста, чтобы двинуть целые армии и народные массы. Одно мановение вождя увлекает под знамена разнородные национальности, входящие в состав государства, противоречащие партии, составляющие сообщество. В эту эпоху слово вождя – крылатое слово – делает изумительное дело: его слушают, ему повинуются, а между тем целые потоки увещаний, раздававшиеся в период минимума на каждом шагу, иногда не приводят к желанному результату. Теперь даже имя вождя, произнесенное вслух, вызывает могучий подъем воодушевления. Массы идут за вождем слепо, не рассуждая, увлеченные острым возбуждением и экстазом.

Таким образом, одаренные личности выдвигаются массами вопреки традиционным нормам и установившимся законам. И вот на верхах массовых движений мы видим величайших военных и политических гениев, каких только знало человечество, духовных вождей, поборников свободы, основателей различных человеческих ассоциаций. Все они, пробившись сквозь толпу народов как яркие воплощения устремлений масс данного момента, уже возглавляют их и при их помощи кладут начало новым человеческим образованиям, новым формам социальной жизни, новым видам духовных исканий. Подобные выдвигения, как показывает специальное исследование, могут совершаться лишь в случае единения масс, а последнее наблюдается преимущественно в эпохи усиленной деятельности Солнца.

Не менее важное значение имеют идеи, обращающиеся в массах к периоду максимальной возбудимости. В этом случае влияние изустной агитации,

а также прессы может приобрести решающее значение для исхода того или иного политического или военного движения.

Период максимальной активности, по справедливости, может быть назван периодом выявления лица народных масс и звучания голоса народа. Историки становятся в тупик перед фактами, указывающими на то, что идеи, о которых не смели говорить год-два тому назад, теперь высказываются открыто и смело; массы становятся нетерпеливее, беспокойнее, возбужденнее; они начинают возвышать голос, требовать и вооружаться. Демонстрации делаются злобнее и неприязненнее, народные собрания не протекают мирно: массы властно требуют с мечом в руках признания своих решений; порывы более не сдерживаются и, немедля подхваченные массами, ведут к ниспровержению всего того, что волновало и тревожило умы. Единичные капризы и выходки тотчас становятся законом, и каре предается каждый, кто пытается противоречить им; населением овладевает глубокая ненависть к своим врагам, которые предаются истреблению. В такие эпохи, когда заговорит парод, приходится или покоряться, или отрешаться.

В период максимальной активности иногда бывает достаточно малейшего повода, чтобы массы воспламенились, подняли восстание или двинулись на войну. Даже один слух, пущенный в обращение массам, может повлечь всеобщее волнение и мятеж. То, что в период минимума вызывает обычно спокойное обсуждение, в рассматриваемое время возбуждает массы и влечет восстания, войны, кровавые эпизоды. Массы жаждут движения, войска сдерживаются с трудом, солдаты склонны к мятежу, народ – к анархии. Словом, возбуждение возрастает необычайно, и человеческий организм как бы требует разрядки. Наблюдается резкое изменение нервно-психического тонуса масс и повышение нервно-психической реакции на внешние раздражения. Индивиды оказываются не в состоянии подавить своей повышенной рефлекторной возбудимости, обнаруживая очень значительные реакции даже на слабые и ничтожные раздражения.

Записки современников свидетельствуют о поразительной быстроте распространения народных восстаний и массовых движений вообще, имевших место в период максимальной активности. Вот, например, несколько характеристик скорости распространения восстаний, почерпнутых из разных источников: восстание охватило страну с необычайной быстротой; в несколько дней были подняты на ноги огромные области; к восставшим присоединялось все население, как по мановению магического жезла; мятеж распространился по государству с быстротой урагана; восстание вспыхнуло почти одновременно в разных частях страны, привлекая под свои знамена огромные толпы народа: гул восстания со скоростью громового удара прокатился над всей страной; пламя международной войны охватило огромные пространства, и все народонаселение – от мала до велика – приняло участие в восстании. Недаром еще Тит Ливий назвал социальные конфликты «заразительным мором».

Помимо быстроты распространения массовых движений следует отметить также и значительность территориального охвата. Действительно, восстание, начавшееся где-либо в одном государстве, может, при наличии известных условий, проникнуть и в соседние страны. История знает примеры, когда войны, восстания и другие массовые движения в небольшой промежуток времени охватывали огромные пространства – земли многих народов и даже целые континенты.

Основую вышеизложенного является единодушие масс, которое особенно отчетливо обрисовывается в этот период при разрешении каких-либо военных или политических вопросов. Теперь по одному зову вождя могут собираться под боевые знамена десятки, сотни тысяч людей, воодушевленных одной мыслью, одним желанием. На месте вражды воцаряется единодушие, и общая мысль воспламеняет умы. Это единодушие в период максимальной активности способно на чудеса: даже недавние враги и те могут сделаться друзьями, чтобы противостоять вместе сильнейшей и грозной опасности или чтобы решить общий и важный для всех вопрос. В такие моменты отчасти ступшеваются национальность, партийность, социальное положение, частные распри затихают, и все, кто должен, спешат к указанным сборным пунктам. Словом, во имя каких-либо военных предприятий, походов, восстаний и пр. в стране устанавливается значительное согласие и мир между противоречивыми и ранее враждовавшими элементами государства. В такие моменты вся страна, как один человек, готова преследовать намеченную цель. Это сознание единства и полной солидарности и массах уничтожает все споры и пререкания. Психическое заражение или взаимовнушение достигают своей наивысшей точки, и массы превращаются в собирательную личность, коллектив индивидуализируется.

Стихийное единение масс в эпоху максимума является орудием выявления волн народов и ограничением принципов единовластия или олигархии. В то время как в эпоху минимума массы распадаются на мелкие и безразличные единицы, в эпоху максимума, при условии наличия социальных факторов, всякому правительству может быть противопоставлено нечто целое, скованный единодушием народный коллектив как мощный индивид. Следствием такого рода суммирования разрозненных народных масс в эпоху максимума в одних случаях мы наблюдаем изменение внутренней политики, уступки массам, реформы, в других – революции и гражданские войны. Почти всегда при детальном анализе тех мест в истории, где данное положение выражено неясно, можно найти ему достаточное число подтверждений. Например, в периоды максимумов часто встречаются углубления реакций, реставрации монархии, апогей самодержавной власти и т.д. Изучение данного места истории с несомненностью показывает на то, что выразителем этого движения является та же масса, но в большинстве случаев в эпоху максимума массы настроены анархично, революционно и противопоставлены правительству. И тогда на почве социальных факторов вспыхивает борьба.

Разгар борьбы вскрывает всю обширную область человеческого безумия, неуравновешенности и страсти. Стихийные насилия, ожесточение, остервенение, эпилептическое исступление, жажда мщения, эпидемии убийств, паник, погромов, опустошительных набегов, отчаянных битв, массовых истреблений, кровавых боен, а также мятежи, бунтарства, сопряженные с проявлением фанатизма и героизма, достигают своего апогея. Массы и толпы могут ликовать при виде самых ужасных насилий, зверств, убийств. Ими изобретаются мучительнейшие казни. Безумие воплощается в жизнь. То, что считалось невозможным и диким в период минимальной активности, в период максимума вполне может идти рука об руку с моралью и возвышенностью преследуемых идеалов. Получается впечатление, что в эти моменты тормозятся центры высшей сознательной деятельности и на сцену выступают древнейшие инстинктивные реакции.

Так готовится почва для решения вопросов всемирно-исторического характера – та почва, на которой воздвигаются системы человеческих сообществ. Здесь происходят события, едва ли имеющие равных себе в прочих периодах цикла. Своими исследованиями я устанавливаю факт, что величайшие революции, войны и прочие массовые движения, создавшие системы государств, полагавшие начало поворотным пунктам истории и колебавшие жизнь человечества на территориях целых материков, стремятся совпасть с эпохами максимального напряжения солнцедейтельности и развить наивысшую интенсивность в моменты его наивысших напряжений. Действительно, эпоха максимальной активности во все времена и у всех народов служила объектом наблюдения мыслителей и историков, которые с вниманием и удивлением всматривались в резкое изменение психического состояния масс, падающего на эту эпоху. От времени Геродота в анналах истории сохранились описания данного периода. Начиная с древних повествований можно с большою убедительностью точно разграничить эпоху максимального возбуждения от смежных с нею эпох назревания и упадка. Великие страницы Геродота, с которых на нас смотрят эпохи битв на марфонской равнине и в Фермопильском ущелье, страницы Тацита, рассказывающие ужасы разрушения Карфагена, уже отмечают эту эпоху своим особым содержанием. И далее на протяжении всей истории мы видим, как на эти эпохи падает рождение идей, воспламеняющих огромные массы народа, появление полководцев, движущих сотнями тысяч человеческих жизней, охваченных единомыслием, свершение деяний, подвигов и безумств – этих кирпичей, создающих храмы человеческих сообществ. Невольно рождается вопрос: если возникновение великих исторических событий обуславливается массовым возбуждением умов, так или иначе связанным с солнцедейтельностью, то нельзя ли предположить, что темп исторической эволюции человечества оказался бы значительно замедленным, если бы отсутствовала причина, периодически способствующая возбуждению совокупной деятельности человеческих масс? Во всяком случае вопрос этот не стоит в противо-

речи с тем энергетическим пониманием мирового процесса, частью которого является процесс всемирно-исторический или социальный.

Исследование исторических событий, имевших место в третьем периоде, позволило установить ряд фактов, согласно которым период максимальной активности способствует объединению масс; выдвижению вождей, полководцев, государственных деятелей; торжеству идей, поддержанных массами; максимальному развитию парламентаризма; демократическим и социальным реформам; народовластию и ограничению единовластия; восстаниям, смутам, бунтам, мятежам, революциям; войнам, походам, экспедициям; эмиграциям, переселениям, гонениям и другим вспышкам массовой деятельности человека.

Четвертая эпоха всемирно-исторического цикла. Период падения активности. Период падения активности в историко-психологическом отношении не менее интересен, чем предшествовавшие ему периоды. Он может также изобиловать крупными событиями, но обычно в этом периоде лишь завершаются те из них, которые возникли ранее.

Период падения активности является как бы отголоском предшествовавшего ему бурного периода борьбы и волнений, высшая степень напряженности которых уже миновала, и чувствуется общая потребность в успокоении и мире. Если идет война – жар ее мало-помалу угасает, наблюдается вялость в военных действиях, темп их замедляется.

Теперь впервые начинает ощущаться пресыщение войною, грабежом, кровью. Соблюдение военных обязательств и договоров перестает быть необходимым; союзные страны не дают боевой поддержки; сепаратизм начинает появляться все чаще и чаще; военные союзы распадаются.

Еще продолжающиеся передвижения войск походят на судороги умирающего, и толпы воинов с тем же нетерпением жаждут мира, как недавно жаждали войны. В это время движение вражеских войск, если последние еще достаточно дисциплинированы, не встречает серьезного сопротивления. Между тем как недавно вся страна встречала появление врагов огнем и мечом. Постепенно армии превращаются в непослушную толпу и быстро рдеют: солдаты разбегаются группами, стремясь домой, и общее воинственное настроение в массах сменяется миролюбивым.

Вожди, полководцы, ораторы теряют те силы, которые в предшествовавший период сковывали массы и принуждали их к повиновению. Массы уже с трудом подчиняются внушению, прения в парламенте более не увлекают страну.

Вновь возникшие войны или восстания не разгораются, а быстро утихают, заканчиваясь миром на снисходительных условиях. Если годом или двумя ранее и можно было бы поднять восстание, теперь это не удается, и все попытки ни к чему не приводят. Историки часто удивляются тому факту, что элементы противодействия не собираются воедино, как это имело место в жизни страны так недавно, не возмущаются, не поднимаются одновременно во многих местах, а, наоборот, медлят, не решаются, действуя своею

медлительностью разлагающим образом на все военные или политические союзы.

Это отсутствие единодушия в четвертом периоде цикла может быть названо подводным камнем, о который рискует разбиться всякое вновь начатое восстание, всякая массовая деятельность, ибо сосредоточенное действие вследствие уменьшения и расслабления связующих сил становится уже маловероятным. Затеянные походы или военные экспедиции готовятся без воодушевления, даже с явным несочувствием. Восторженное настроение масс в пользу реформ, народного правительства, войн, восстаний и пр. ослабевает, сменяясь полным равнодушием. Действительно, все высказывают склонность к примирению, начинаются толки о мире. Эти толки слышатся в странах самых воинственных.

Понижение степени единодушного общения масс вызывает споры и разлад в коллективах, союзах, государствах. Последнее обстоятельство делает все человеческие группировки небоеспособными и нерешительными.

Высказанное в своей сложной совокупности приводит к отказу от недавних притязаний, и требования, которые ранее отстаивались с пеною у рта, сокращаются до минимума.

Наконец, общий упадок возбудимости сменяется депрессивным психофизическим состоянием. Это время политического застоя и бездействия. Народные собрания и представительства разгоняются без протеста, восстания подавляются с легкостью, войны не разгораются, и мирные переговоры иногда механически вызываются безразличным состоянием масс, чему зачастую способствует физическое истощение.

Этими характеристиками мы вскрыли ряд явлений, развивающихся в той или иной эпохе цикла, и попытались приблизиться к установлению законов, но которым протекают те или иные явления.

THE WORLD-HISTORICAL PROCESS AND CYCLICAL ACTIVITIES OF THE SUN

A.L. Chizhevsky

*(Excerpts from the book by A.L. Chizhevsky "The Cosmic Pulse of Life:
Earth in the arms of the Sun. Heliotaraxy")*

ПАМЯТИ НАШИХ КОЛЛЕГ

Виталий Николаевич Мельников
(24.01.1941–27.03.2017)

С глубоким прискорбием сообщаем, что после тяжёлой болезни ушёл из жизни Виталий Николаевич Мельников – известный учёный и организатор науки, доктор физико-математических наук, президент Российского гравитационного общества, академик Метрологической академии с 1992 года, руководитель Центра гравитации и фундаментальной метрологии ВНИИМС, профессор и заместитель директора Учебно-научного института гравитации и космологии РУДН, профессор международного уровня РУДН.

Виталий Николаевич закончил физический факультет МГУ в 1964 году и аспирантуру МГУ в 1967 году. Под руководством акад. Н.Н. Боголюбова защитил кандидатскую диссертацию в 1968 году. Доктор физико-математических наук с 1983 года, профессор с 1990 года. Основатель и главный редактор международного научного журнала «Гравитация и космология», распространяемого издательством «Springer». Автор 5 монографий и более 300 работ в российских и зарубежных журналах. Руководитель многочисленных проектов и грантов по гравитации и космологии. Приглашенный

профессор в известных международных научных центрах. Руководитель объединенного научного семинара по гравитации и космологии РУДН-ВНИИМС и со-руководитель семинара Российского гравитационного общества (МГУ). Директор курсов Международной школы в Эриче (Италия) в 1987, 2003 и 2004 годах и редактор трудов этих школ. Председатель Оргкомитета 9 последних Всероссийских гравитационных конференций.

Виталий Николаевич являлся автором и соавтором многочисленных работ по гравитации и космологии. В этих работах, посвящённых как четырехмерным, так и многомерным моделям гравитации, рассматривался широкий круг задач. Основная тематика работ была связана главным образом с точными решениями уравнений Эйнштейна совместно с иными полевыми уравнениями. Помимо получения большого числа решений, описывающих космологическое расширение, чёрные дыры и браны, кротовые норы и другие объекты, в работах Виталия Николаевича с соавторами проводилось исследование точных решений на устойчивость, анализ свойств метрики и других полей вблизи сингулярностей, выделялись классы несингулярных решений, исследовались возможные вариации гравитационной и иных (эффективных) констант. Был развит бильярдный подход, описывающий осциллирующее поведение решений вблизи сингулярности в моделях с многокомпонентной анизотропной жидкостью и в моделях с полями форм. Данный подход был обобщён на квантовый случай для описания асимптотических решений уравнений Уилера – Де Витта.

В сотрудничестве с американскими учёными из группы А. Сандерса (ун-т Теннесси) в рамках проекта SEE было разработано теоретическое обоснование космического эксперимента по измерению гравитационной постоянной с высокой точностью. Как руководитель Центра гравитации и фундаментальной метрологии ВНИИМС Виталий Николаевич на протяжении многих лет возглавлял работы группы сотрудников Центра по перепределиению системы физических единиц СИ на основе фиксации значений фундаментальных физических констант. Совокупность работ метрологического характера, проводимых в коллективе под руководством Виталия Николаевича (и фактически берущих начало от исследований основателя группы, Кирилла Петровича Станюковича), дала начало новому направлению в метрологической науке – гравитационно-релятивистской метрологии. Достижения в этой области и свои взгляды на наиболее актуальные проблемы в области общей теории относительности и гравитации Виталий Николаевич изложил на страницах нашего журнала (*Метафизика*, 2014, № 13) в своей статье «Фундаментальные взаимодействия, константы и фундаментальная метрология».

Результаты работ Виталия Николаевича с коллегами и учениками докладывались на многочисленных международных и российских гравитационных конференциях и получили заслуженное признание научного сообщества.

Особо следует отметить важную роль Виталия Николаевича Мельникова в организации и координации в нашей стране исследований в области общей теории относительности и гравитации. Виталий Николаевич был избран президентом впервые созданного в 1988 году Всесоюзного гравитационного общества на общем собрании участников 7-й Всесоюзной гравитационной конференции в Цахкадзоре (Ереване); и в течение последующих 29 лет он успешно руководил отечественным гравитационным сообществом. Важно подчеркнуть, что в трудные для развития науки в нашей стране 90-е годы, когда ряд научных коллективов прекратил свое существование, российское гравитационное сообщество, наоборот, успешно функционировало и даже активизировало свою деятельность. Именно в это время, в 1995 году, по инициативе Виталия Николаевича был основан журнал «Gravitation and Cosmology», успешно издаваемый по настоящее время на английском языке и распространяемый издательством «Springer». Заметим, что этого не удавалось сделать предыдущим руководителям гравитационного сообщества (председателям секции гравитации НТС Минвуза СССР), основанного в 1962 году. Более того, с начала 90-х годов в нашей стране регулярно, раз в три года, проводились Российские гравитационные конференции в разных городах страны: в Москве, Владимире, Казани, Томске, Новгороде Великом, Ульяновске и в других городах. Между конференциями, как правило, организовывались совещания по наиболее важным вопросам теории гравитации.

С полным основанием можно сказать, что с уходом из жизни Виталия Николаевича Мельникова завершилась целая эпоха в развитии российского гравитационного сообщества.

В памяти коллег Виталий Николаевич останется как очень жизнерадостный и энергичный человек, заботливо относящийся к коллегам по работе и ученикам, доброжелательный, интеллигентный и коммуникабельный.

Светлая память о Виталии Николаевиче Мельникове останется в сердцах его сотрудников и коллег. Выражаем глубокие соболезнования его родным и близким.

К.А. Бронников, Ю.С. Владимиров, В.Д. Иващук

НАШИ АВТОРЫ

АНДРЕЕВА Ольга Валентиновна – кандидат исторических наук, доцент кафедры теории и истории международных отношений Российского университета дружбы народов.

ВИЗГИН Владимир Павлович – доктор физико-математических наук, профессор Института истории естествознания и техники РАН имени С.И. Вавилова.

ВЛАДИМИРОВА Татьяна Евгеньевна – доктор филологических наук, профессор Института русского языка и культуры МГУ имени М.В. Ломоносова, профессор Российского университета дружбы народов.

ВОЛКОВА Людмила Петровна – кандидат технических наук, доцент Института информационных технологий и автоматических систем управления в НИТУ (МИСиС).

КАТАСОНОВ Владимир Николаевич – доктор философских наук, доктор богословия, профессор, заведующий кафедрой философии общецерковной аспирантуры и докторантуры имени святых равноапостольных Кирилла и Мефодия.

КОВРИГА Александр Владимирович – кандидат экономических наук, директор Центра междисциплинарного прогнозирования общественного развития Харьковского национального университета имени В.Н. Каразина.

КУРДЮМОВ Владимир Сергеевич – профессор Института экономических стратегий (ИНЭС), генеральный директор АНО «Центр междисциплинарных исследований» (ЦМИ).

МИХАЛКИН Владимир Сергеевич – кандидат технических наук, доцент кафедры физики Ижевского государственного технического университета имени М.Т. Калашникова.

НЕКЛЕССА Александр Иванович – заведующий лабораторией геоэкономических исследований (Лаборатория «Север-Юг») Института Африки

РАН, член Бюро Научного совета «История мировой культуры» при президиуме РАН, председатель комиссии по социокультурным проблемам глобализации.

НУРГАЛИЕВ Ильдус Саегалиевич – кандидат физико-математических наук, ведущий научный сотрудник ФБГНУ ФНАЦ ВИМ.

ОЛЕСКИН Александр Владимирович – доктор биологических наук, профессор кафедры общей экологии биологического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.

СУББОТИН Алексей Андреевич – эксперт Центра военно-политических исследований МГИМО (У) МИД России.

ЧИЖЕВСКИЙ Александр Леонидович (1897–1964) – российский астрофизик, биолог и историк социальных явлений.

ШЛЕЗИНГЕР Артур Мейер (1917–2007) – американский историк, писатель, социальный критик и либеральный политический деятель (советник Эдлая Стивенсона и Джона Кеннеди).

ЮРТАЕВ Владимир Иванович – доктор исторических наук, профессор кафедры теории и истории международных отношений Российского университета дружбы народов.

Общие требования по оформлению статей для журнала «Метафизика»

Автор представляет Ответственному секретарю текст статьи, оформленной в соответствии с правилами Редакции. После согласования с Главным редактором статья направляется на внутреннее рецензирование и затем принимается решение о возможности ее опубликования в журнале «Метафизика». О принятом решении автор информируется.

Формат статьи:

- Текст статьи – до 20–40 тыс. знаков в электронном формате.
- Язык публикации – русский/английский.
- Краткая аннотация статьи (два-три предложения, до 10-15 строк) на русском и английском языках.
- Ключевые слова – не более 12.
- Информация об авторе: Ф.И.О. полностью, ученая степень и звание, место работы, должность, почтовый служебный адрес, контактные телефоны и адрес электронной почты.

Формат текста:

- шрифт: Times New Roman; кегль: 14; интервал: 1,5; выравнивание: по ширине;
- абзац: отступ (1,25), выбирается в меню – «Главная» – «Абзац – Первая строка – Отступ – ОК» (то есть выставляется автоматически).
- ✓ Шрифтовые выделения в тексте рукописи допускаются только в виде курсива.
- ✓ Заголовки внутри текста (названия частей, подразделов) даются выделением «Ж» (полужирный).
- ✓ Разрядка текста, абзацы и переносы, расставленные вручную, не допускаются.
- ✓ Рисунки и схемы допускаются в компьютерном формате.
- ✓ Века даются только римскими цифрами: XX век.
- ✓ Ссылки на литературу даются по факту со сквозной нумерацией (не по алфавиту) и оформляются в тексте арабскими цифрами, взятыми в квадратные скобки, после цифры ставится точка и указывается страница/страницы: [1. С. 5–6].
- ✓ Номер сноски в списке литературы дается арабскими цифрами без скобок.
- ✓ Примечания (если они необходимы) оформляются автоматическими подстрочными сносками со сквозной нумерацией.

Например:

- На место классовой организации общества приходят «общности на основе объективно существующей опасности» [2. С. 57].
- О России начала XX века Н.А. Бердяев писал, что «постыдно лишь отрицательно определяться волей врага» [3. С. 142].

ЛИТЕРАТУРА

1. *Адорно Т.В.* Эстетическая теория. – М.: Республика, 2001.
2. *Бек У.* Общество риска. На пути к другому модерну. – М.: Прогресс-Традиция, 2000.
3. *Бердяев Н.А.* Судьба России. Кризис искусства. – М.: Канон +, 2004.
4. *Савичева Е.М.* Ливан и Турция: конструктивный диалог в сложной региональной обстановке // Вестник РУДН, серия «Международные отношения». – 2008. – № 4. – С. 52–62.
5. *Хабермас Ю.* Политические работы. – М.: Праксис, 2005.

С увеличением проводимости¹ кольца число изображений виртуальных магнитов увеличивается и они становятся «ярче»; если кольцо разрывается и тем самым прерывается ток, идущий по кольцу, то изображения всех виртуальных магнитов исчезают.

¹ Медное кольцо заменялось на серебряное.

Редакция в случае неопубликования статьи авторские материалы не возвращает.

Будем рады сотрудничеству!

Контакты:

ЮРТАЕВ Владимир Иванович, тел.: 8-910-4334697; E-mail: vyou@yandex.ru

Для заметок
